

Павел Фром

СЕМЬ СТУПЕНЕЙ В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ

Фэнтези • Любовная фантастика • Эротика

Роман повествует о непростых отношениях кузнеца и валькирии. Первые четыре главы созданы для контраста, особо чувствительным читателям их нужно перетерпеть. Далее сюжет развивается неожиданно и раскрывает много подробностей о сути героев и окружающем их мире. Здесь есть и насилие и эротические сцены и, конечно любовь. Хотя и странная. В целом роман не будет похож на то, что вы читали раньше. Это переработанная версия, исправленная с учетом критики читателей.

Семь ступеней в полной темноте

Павел Фром

Глава 1. Похоть и кровь

... семь ступенек в полной темноте, нижняя скрепит, ее надо перепрыгнуть. Окно, Луна почти полная, хорошо освещает пролет. Еще двенадцать ступенек в ее свете и снова десять в полной темноте... Холодный каменный пол коридора, шершавая кладка, кольцо в стене, и, наконец, погашенный факел. Теперь семь шагов влево, ведро с золой и ключ, спрятанный под ним. Ниша, фальшивая стена и маленькая дверца за ней... Теперь можно не сдерживать свое нетерпение, тем более что заветная цель уже совсем рядом, всего в нескольких метрах... Вот она, сидит на цепи, со обмотанными мешковиной крыльями. Так же как вчера, как неделю, и месяц назад.

Кузнец с силой потянул за цепи и поставил пленницу на ноги. Она не брыкалась особо. Дернулась, когда он взялся за цепь ошейника, которая была пропущена через дыру в треснувшей наковальне, накрытой все той же, сложенной втрое мешковиной. Когда цепь натянулась, ошейник звякнул о металл и чуть ослаб. Теперь она стояла головой вниз упираясь руками в грубую ткань, лишённая возможности двигаться...

Кузнец, был взволнован, его буквально трясло от возбуждения. Он приходил почти каждую ночь, и его всегда трясло. Плененная дева с надеждой глянула на свой меч, стоящий в дальнем углу подвала... Эх, были бы ее руки свободны!

Он облил ее оттопыренный зад водой и обтер его насухо. Мозолистые сильные руки упали на ее бедра, и наспех смазанный топленым жиром член, воткнулся в ее преддверие. Она пыталась молчать, стиснув зубы, но снова не вышло. Когда холодный живот приткнулся к ее ягодицам, она вскрикнула. Казалось, граненая кованная болванка, вгоняемая тяжелым молотом, засела в ее нутре. Кузнец всегда входил в нее резко, с заметным усилием, заставляя прогнуться на встречу и впустить еще глубже. Было мерзко и дикая злоба раздирала сознание от бессилия. Но... природа всегда брала свое. Ее плоть предательски намокала, а потом просто текла и текла, позволяя этому скоту долбить ее остервенело.... И длилось это часами. Долгими и мучительными... для ее воли.

А самое противное было в том, что она опустошалась. Крича и содрогаясь. Бурно... неистово... как кабацкая девка.

Кузнец устал, но радовался тому, что наконец, добрался до нее сегодня. Терпения кое как хватило до вечера. Он наслаждался каждым мгновением, проведенным в глубинах ее непокорной плоти. Он так долго ждал своего часа. Так долго... что теперь и не верил своему счастью.... С ранней юности ни одна из женщин не отваживалась лечь с ним. Стоило кому-то завидеть его орган... и все старания прахом. Годы... всю юность и отрочество он прожил в дали от мирских радостей, отдаваясь ремеслу всецело. Пока однажды, незнакомый старик в таверне не сказал ему... пока не заронил надежду. И тут, вдруг, такая удача!

Натягивая тугую плоть на свое беспокойное хозяйство, он вспоминал, как столкнулся с ней в поле. Это было за полночь. Крылатая тень беззвучно промелькнула над головой при свете полной луны. Блеснуло острое лезвие, и он едва успел закрыться погнутым плугом, который тащил на себе. Сначала молодой кузнец испугался, но увидев ясный, женский силуэт на фоне синеющего неба — забыл обо всем, движимый только одной целью.

— Гарпия! — прошептал он, не веря своей удаче.

Старик говорил, что телесно, за исключением крыльев и когтистых лап, они такие же как люди. То есть, как женщины! Только заметно больше, сильнее и выносливее. Твари

бесстрашные и на редкость пакостные! Хотя о доспехах и оружии он ничего не говорил, безрассудное желание уже крепко засело голове парня. С этого момента он наплевал на все. И на страх, и на осторожность, и на острый клинок в ее руках. Когда гарпия пошла на второй круг, он уже не помнил себя. Отчаянно выпрыгнув ей на встречу, кузнец схватился за меч голыми руками. Пользуясь им как рычагом, он повалил крылатую тварь наземь одним рывком. Что это был за миг! Сердце его ликовало.

Гарпия на мгновение потеряла сознание, но быстро оправилась от удара. Только к ее неопишущему ужасу было уже поздно. Кузнец рывком сорвал перевязь из тонкой кожи, что прикрывала ее промежность. Она отбивалась когтями и хлестала его крылами, оставляя глубокие кровавые раны, но... все было тщетно. Он надругался над ней прямо там, в чистом поле, под взорами тысячи звезд. Надругался над телом, над честью, играючи сломив волю, поверг в смятение и протрацию. Она скребла когтями оземь и пыталась вырваться из его грубых силков... но все продолжалось, как и сейчас. Он вбивал в нее свой граненый жилами кол, надсадно рыча и свирепея. Сама она была выше, в разы сильнее любого из смертных, а еще старше на добрую сотню лет. И легко смогла бы убить наглеца. Но, жизнь безжалостно преподносит свои сюрпризы. Этот ненормальный человек оказался чудовищно силен.

Когда луна пошла на убыль, молодой кузнец спохватился. Выкинул плуг, разорвал мешок, и воспользовавшись замешательством связал ее крылья. Крепко схватил за руки и ноги, взвалил на плечи, словно убитую лань и побежал... Бежал он долго, быстро и без остановки. Очнулась она уже в подвале, в цепях и с ошейником. Вся в его мерзкой крови, мокрой траве и ошметках земли. Он даже не удосужился снять с нее шлем и латы. Только срезал остатки кольчуги с пояса и сковал ноги цепью, зачем-то обмотав бинтами. Она тут же от них избавилась, о чем скоро пожалела. Грубые железки невыносимо натирали ноги.

С этого момента он приходил каждую ночь. Неслышно входил, натягивал цепи и набрасывался на нее без всяких церемоний. Совокуплялся неистово, несколько часов к ряду, как дикий зверь. Наполнял ее чрево своим семенем, и медленно выпадал. Наспех омывал промежность холодной водой, оставлял еду, питье, ослаблял цепи и так же тихо уходил. Она же, опускаясь на трясущиеся колени, отползала в угол и засыпала мертвецким сном, надеясь, что утром этот кошмар кончится.

Кормил он ее на удивление хорошо. Всегда приносил полную корзину. Там были и фрукты, и приготовленное на огне мясо, и молодое вино. Однажды даже принес чашу остывшей крови. Очень кстати... ведь именно этого ей хотелось той проклятой ночью. Пролить много свежей горячей крови. Впрочем, нужды то в этом не было особой. Все ее гордыня! Желание владеть и побеждать... Она забыла о главном, чему ее учили — никогда нельзя недооценивать противника. Друг то или враг. Даже если он слаб, болен или безоружен. В борьбе за жизнь правил нет. Зато, теперь было время подумать об этом. Море времени, и темный подвал... И эти цепи! Боже, как же все чесалось! Как ныли перетянутые крылья и растревоженная промежность. Как больно, неприятно, а главное — дико обидно! Не для этого она рождена, не так должна закончить жизнь!

Ей так хотелось кинуть клич о помощи, чтобы ее сородичи налетели и сровняли этот городок с землей. Но она прекрасно понимала, что крестьяне расправятся с ней куда быстрее чем придет помощь... И потом, что она скажет!? Как объяснит все это? Боже... какой позор!!! Да и с сородичами, она, пожалуй, погорячилась. Кто знает, что ее ждет в их руках после всего содеянного...

Пока ненавистные мысли раздирали ее изнутри, кузнец, напористо понуждавший ее

плоть, вдруг замер и прислушался... Различив в тишине сдавленный девичий плачь, он и вовсе растерялся. Глядя, как она тихо, почти беззвучно стенает, он уже не мог продолжать. Ненавистное живое орудие, мгновенье, назад взбивавшее ее соки в пену, как-то сразу обмякло и выскользнуло наружу. Вид у кузнеца теперь был сконфуженный и удрученный. Что-то явно было не так... она точно почувствовала в нем перемену. Постояв в нерешительности какое-то время, ненавистный мучитель все же омыл ее, не глядя подвинул еду и удалился.

Издавна повелось, что гарпии — дикие ненасытные твари с жуткими голосами и отвратительными, уродливыми мордами. Их следовало нещадно жечь и избивать по всем канонам церкви. Истинно верующему человеку и в голову не могло прийти, что-то иное, но это... Кузнец не спал почти всю ночь. Ворочался и мучился всякими мыслями. А не ошибся ли он... в праве ли такое творить!? Снова в голову пришел рассказ старца. Ведь если быть с собой честным, он описывал гарпий иначе, приравнивая к животным, к тварям с мерзкими повадками и ненасытным аппетитом. Кузнец по сути своей не был человеком жестким и никогда не одобрял истязаний беззащитных, пусть даже тварей. Но в какой-то момент терпение его лопнуло, и он пошел-таки на поводу своей похоти. Смалодушничал, и закрыл на это глаза. Нужно было что-то решать.

Глава 2. Ошибка кузнеца

На утро, отпустив заказчиков, он сказался больным и закрыл кузню на засов. Он всегда был замкнут и не общителен, а потому никто из селян ничего не заподозрил. Обойдя весь дом, он методично запер двери, ставни и занавесил окна второго этажа.

Когда он пришел много раньше обычного, пленница вздрогнула. Она дремала в углу и не увидела, как он вошел, но услышала тихий лязг металла, и тотчас проснулась. Кузнец хозяйски обошел подвал и вынул тряпки из маленьких окошек, что под самым потолком. Через них нельзя было что-то увидеть, но мягкий утренний свет хорошо пробивался снаружи, заливая собою почти весь пол. Затем, он сел на скамью, напротив нее и задумался. Впервые они могли рассмотреть друг друга как следует. Судя по шрамам на лице и руках, она его хорошо отделала в ту ночь. Да, это было приятно, однако, с осознанием этого лучше ее положение не стало. Ведь победил все же он.

Сейчас гарпия представляла собой жалкое зрелище. Обрывки ткани, связанные грязные крылья. Помятые исцарапанные латы, которых быть бы на ней совсем не должно.... вернее, то, что от них осталось. Насмотревшись вдоволь, кузнец встал. Цепи вновь натянулись, и она приготовилась к худшему... чресла предательски намокли. Но, нагибать ее от чего-то не спешили. Вместо этого деву поставили в полный рост и зафиксировали в таком положении. Кузнец подошел вплотную. Он был нетипично крупным мужчиной, лет около тридцати, но она все же на целую голову возвышалась над ним, и не уступала размахом в плечах. Приняв этот факт, он подставил скамью и лица их поравнялись. С минуту оглядывая позолоченный шлем, похожий на голову птицы, он попытался снять его. Сразу не получилось, но провозившись несколько минут человек нашел-таки две хитрые защелки и, вскрыв забрало, кинул шлем в угол.

Их глаза встретились. Его спокойный осознанный взгляд уперся в полные ненависти глаза. Было неприятно, но вопреки всем ожиданиям и пересудам... ее лицо не было уродливым! Сомнений в этом не оставалось. В сравнении с тем, что он ожидал увидеть — лицо ее было совершенно.... Ненавистно суженные глаза с расширенными, полными злобы зрачками, обрамляли локоны блестящих рыжих волос, местами сплетенных в косы. Нос ровный и прямой, чуть вздернутый кончик которого злобно заострился. Полные, плотно сжатые губы, и правильный, чуть выдающийся вперед подбородок. Сильная, но красивая шея, подчеркивающая ее осанку. А главное, ее кожа... золотистая, мягкого серого тона, и удивительно гладкая. Если не считать застарелой ссадины с кровоподтеком на ее скуле....

Кузнец забыл зачем пришел. Он просто стоял и зачарованно любовался ее чертами. Взгляд его был каким-то чистым и совершенно открытым... Странно, но это смутило ее. Она вдруг заморгала и опустила взгляд, словно получив заслуженную пощечину.

Однако он все же пришел в себя. Вслед за шлемом в угол полетели и латы, и наручи, и все одеяние, что на ней оставалось к тому моменту. У него были проворные, теплые руки и сердце ее стучало сильнее, когда он касался кожи. Если бы кузнец сейчас почесал ее спину между крыльями, она бы, наверное, простила ему все. Еще никому и никогда не было позволено так касаться ее. Тем более смертному! Но его это не заботило. В голову пришла фраза: "Победителю можно все". Но она тут же прогнала ее.

Наконец, закончив с латами, он снова заглянул в ее глаза. Дева обиженно отвернулась. Подумав о чем то, он решительно обнял ее, бесцеремонно прижавшись небритой щекой к

обнаженной груди. Возмущению не было предела, но, случилось неожиданное: Скользнув по ее сильной спине, руки кузнеца нащупали тугой узел и... его не стало! Она не сразу осознала, что мешковина слетела на пол и крылья ее теперь свободны. Вздохнув с облегчением, дева хотела скорее расправить их. Но крылья слишком долго были связаны и лишь отозвались ноющей болью.

Остановившись на этом, кузнец ушел, но дверь оставил открытой. Когда вернулся, в руках его были два больших деревянных ведра, наполненные до краев. Ослабив натяжение цепи, он подошел ближе. Она не заставила себя ждать, и резко ударила его. Кузнец, ожидая чего-то подобного, ловко увернулся и перехватил руку. Но острые коготки все же дотянулись до его шеи. Было больно, но попади она точнее, он бы уже лежал на полу в луже собственной крови.

Она внутренне содрогнулась поняв, что совершила глупость. Сантиметром выше, и его артерия могла лопнуть. Его смерть была бы быстрой, а она провела бы остаток жизни в цепях, мучаясь от жажды и голода. Стремление совершать необдуманные движения резко поубавилось.

Внимательно рассмотрев инкрустированные золотой филигранью когти на ее длинных пальцах, он снова натянул цепи, на что она недовольно фыркнула. Взяв ведро, кузнец обошел ее сзади. Потрогал крылья и услышав болезненный стон, понял, что ему ничего не угрожает. Набрав ковш воды, он приступил к мытью, девы, облив для начала ее спину и плечи. Она съежилась по привычке, но на сей раз вода была теплой, если не сказать — горячей! Следующим сюрпризом стало душистое мягкое мыло, которым он обильно покрыл ее кожу. Крылатая дева не совсем поняла, что происходит, но решила пока не дергаться. Тем более, что шершавая губка в его руках уже приятно шоркала ее спину, плавно огибая основание крыльев. Желание ее, конечно, сбылось, но с прощением она, пожалуй, поторопилась.

Кожа крылатой девы не везде была однородной. От лопаток до поясницы она плавно переходила от серовато-золотистого к коричневатому цвету. Кроме того, текстура ее была иной, нежели у обычного человека, слегка рифленой на ощупь и более плотной. Кузнец тщательно оттирал засохшую кровь, остатки прилипшей травы и помета. Слегка не уверенно, но зато пристрастно, он ощупывал ее мышцы, особенно те, что уходят к крыльям. Это не было противно... скорее необычно для нее. Конечно, потом, она оторвет ему за это голову, за все сразу. Но пока, пожалуй, потерпит.

Отмыв спину, кузнец спустился ниже. Теперь губка коснулась ягодиц, и душистая мыльная пена потекла по ее ложбинке. От его неторопливых стараний, дева слегка разомлела, забыв на миг, где находится. Закончив с ногами и руками, кузнец ополоснул ее и вернулся за вторым ведром. Лицо его было невозмутимо, хотя ранки сочились сукровицей и явно причиняли неудобства.

Смочив губку снова, он обильно окропил ее пеной. Шоркал не торопясь, и на удивление осторожно, не забыв, впрочем, ощупать предательски вздыбившуюся грудь и плотный, мускулистый живот. Когда он это делал, она невольно вздрагивала, и соски ее твердели. Кузнец, заметив это, с опаской прильнул губами сначала к одному, а потом и к другому... На что она негодуяще зашипела. Странно, но он почувствовал на губах привкус молока.

Наигравшись вдоволь, человек бесцеремонно похлопал ее по внутренней стороне бедра. С ужасом для себя, она послушно расставила ноги. Смело намывлив интимные места, он привычным жестом плеснул воды, и, обтер ее бедра. Сильные икры и когтистые ступни он оставил напоследок. Затем, окатив остатками воды, кузнец смыл остатки пены и постелил

под ноги полотенце. Стоять на нем было куда приятнее чем на голом полу.

С головой пленницы, пришлось повозиться. Оно и понятно, с момента его появления четкие очертания набухшего члена легко читались под одеждой... Человеку стоило некоторых усилий, чтобы, преодолев сопротивление, снова натянуть цепь, и поставить деву в известную позу... Пришлось еще раз сходить за водой. Кузнец перевернул ведро и уселся напротив. Волосы ее промылись только с третьего раза, а на расплетание ее рыжих спутавшихся кос ушло добрых полчаса. Локоны ее оказались плотными как конский волос, но довольно мягкими на ощупь. Расцеплялись они неохотно, но не спутывались между собой.

Сомнений не оставалось. Гарпией здесь и не пахло. Вероятнее всего, в руки его попало нечто другое. Из всех известных современному человеку существ на ум приходила только валькирия. Так выглядеть могут только они, да еще ангелы небесные, вероятно. Жаль, что нет рядом того старика.... Конечно, погорячился он с ней изрядно, и обращался как с животным... но в конце концов напала она первой. А там уж как пошло... как говорится, победителей не судят.

В довершение всего, новаявленная валькирия была насухо растерта полотенцем, а волосы вычесаны и туго стянуты лентой. Теперь лишь теплый сквознячок приятно обдувал ее нагое тело. Ссадина на ее скуле тоже не осталась без внимания. Она появилась после удара оземь и активно гноилась. Корочка с нее была безжалостно содрана, гной выдавлен, а рана промыта чем-то пахучим. Быстро и без предисловий. Она поморщилась, и даже пустила слезу, но по итогу стало гораздо легче. Убрал грязную солому и вымыл пол начисто, на что ушло немало времени, кузнец передохнул в уголке. Потом, отмерил шагами длину цепи, и устроил у стены маленький, наскоро сделанный из ведра нужник. Следом, вытащил из-за двери заранее приготовленную перину и подушки. Все это он дополнил толстым шерстяным пледом.

Оглядев плоды своего труда, он остался доволен содеянным. Удивительно то, что сегодня он больше не пытался над ней надругаться! А перед уходом и вовсе снял оковы с израненных ног. Ощувив куда большую свободу, крылатая дева вздохнула полной грудью. Лежать на чистой перине, хоть и на жестком полу, было куда приятнее, чем на вонючей от собственных испражнений соломе. Раньше с ней так не церемонились. Просто убирали лопатой старую подстилку, со всем, что в ней уже было и накидывали новую.

Однако, столь позитивные перемены были не спроста. Она это отлично понимала. Но причину тому найти никак не могла. Укрывшись мягким пледом, она не смогла расслабиться полностью. Разные мысли роем проносились в голове, оседая, либо исчезая в небытие.... Крылья все так же поднывали, но она не переставала их разминать. И думала напряженно. В душе ее поселилось странное, мучительное чувство вины.

Глава 3. Выбор

В тот вечер ее пленитель больше не приходил. Как и в следующий, и тот, что за ним. Через три дня она почувствовала неладное. Ее перестали кормить и почти закончилась вода. Над головой царила тишина. Ни знакомых ударов молота о наковальню, ни скрипа половых досок, ни грохота посуды... Вечером седьмого дня, когда голод не давал ей заснуть, послышался отдаленный шум. Вскоре, волоча за собой увесистый колун, кузнец ввалился в подвал.

Первое, что бросилось ей в глаза — это огромный пунцовый нарыв на его шее. Глаза его ввалились, а вокруг них чернели круги. Сам он осунулся и еле держался на ногах. Мутный взгляд кузнеца недобро блуждая в полумраке, наткнулся на нее...

— "Вот и конец" — подумала она отрешенно. Жизнь промелькнула в глазах в один миг. Она с ужасом осознала, на сколько скупы ее воспоминания... Из всех светлых — только теплые руки отца, и любящая улыбка матери... когда-то очень давно. Все остальное — бесконечные битвы, не понятно, за что, кровь, грязь и пустая бравада...

Она медленно встала на ноги. Если смерть пришла, нужно встретить ее достойно воина. Твердо стоя на своих ногах, раз крылья больны. Если не с оружием в руках, то, хотя бы без тени сожаления....

Собрав силы в кулак, кузнец дернул тонкие цепи на себя и стянул их в жгут. Дева зажмурила глаза.... Бросив этот жгут на пол он с невероятным усилием рубанул топором и осколки звеньев рассыпались искрами с оглушительным звоном. Странно, она все еще была жива.

Едва не упав, кузнец обернулся. Взглянул на нее с обидой и какой-то непонятной горечью. Хотел сказать что-то, но лишь усмехнулся, качнув головой.

Но она почти услышала... с трудом уловила едва осязаемые обрывки его чувств...

После, человек выпустил из рук топор, глухо звякнувший об пол, тяжело поднялся по ступенькам, и ушел. Дверь после себя он оставил открытой. Пленница медленно опустилась на холодный пол. Слезы наполнили ее глаза и долго не отпускала нервная дрожь. Еще никогда она не была так бессильна перед лицом смерти. Впервые ее жизнь безраздельно сжималась в чужих руках. Руках смертного....

Очнувшись примерно через час, дева вспомнила, что оковы ее перерублены, а двери все еще открыты. Не уж то он и впрямь решил ее отпустить? Странно... глупо с его стороны. Она бы так никогда не поступила. При мысли об этом, безликое смешанное чувство застарелой вины снова дало о себе знать.

Дождавшись, когда совсем стемнеет, она намотала обрывки цепей на руку, взяла в углу свой меч и тихонько выскользнула из подвала. Самообладание понемногу вернулось... Было тихо. Подождав немного, она беззвучно пробежалась по этажу и отыскала мастерскую. Найти массивные кусачки в кузне не составило труда. Опытном в кузнечном деле она не обладала, но сразу обратила внимание на то, как необычно и аккуратно этот предмет сделан. Ее сильные руки легко совладали с инструментом. Оковы тотчас упали на пол. Однако, ошейник не снимался без ключа, поддалась только проушина с цепью. Но теперь это уже не беда. Руки и ноги то были свободны!

Одеться было не во что, поэтому, не тратя время даром, она вышла в просторный зал и раскинула крылья... Дикая раздирающая боль скрутила спину в ту же секунду. В глазах на

миг потемнело. Дева со стоном повалилась на пол. Отдышавшись, она очень медленно сложила крылья обратно. Стало совершенно ясно, что никуда она не улетит. Ни сегодня, ни завтра... Оставалось только молиться, чтобы это было не навсегда. Дела ее были куда хуже, чем казалось сначала. Частичная атрофия сделала крылья досадным бременем на неопределенный срок. Они ослабли, одряхтели, и, похоже были надломлены в нескольких местах. Резкое падение в ту роковую ночь сказалоь серьезнее чем хотелось бы.

Следующей мыслью было найти кузнеца и немедля поквитаться. Однако, по пути она наткнулась на знакомую корзину с давно приготовленной едой. Хлеб уже очерствел, но все остальное казалось съедобным. Частично утолив голод, она выпила вина и ощутила прилив сил. Пьянящий напиток теплой волной разошелся по озябшему от голода телу. Отпихнув корзину ногой, она двинулась дальше.

На первом этаже точно никого не было, и она пошла на верх. По пути выглянула в окно... Небо было хмурым и неприветливым, собирался дождь. Внизу раскинулся маленький городок с редкими огнями. Дом кузнеца стоял на возвышенности, на отшибе. Но звуки из ближайшей таверны все же долетали сюда. А местные пьяницы околачивались почти под окнами. Дева поморщилась при мысли о том, что станет, если кто-то из них узнает о ней. Конечно, она искусный воин, но одним мечом против толпы не справиться. Да и убежать не дадут... догонят, и попросту закидают камнями. М...да.

Вздыхнув удрученно, она, наконец, поднялась в мансарду. Помещение было прибрано и на удивление аккуратно. Деревянные балки ничуть не скрадывали пространство. Мебели — ровно столько, сколько необходимо. В центре низкий круглый стол и ваза с букетом искусно выкованных роз. Скромных расцветок ковер, во всю комнату, и несколько непонятных тусклых светильников. В целом, довольно уютно. У дальней стены стоял камин и большая, приземистая софа, около которой кучкой лежали книги и свитки. Тут же, на подставке покоился изысканный, вороненый, вероятно шелком, топор с длинной рукоятью и обоюдоострым лезвием, украшенный мелкой резьбой. Отличная заточка не имела ни единой щербинки. Оружие это, врядли делалось боевым, скорее для устрашения... Вообще, там было много вещей странных и непосвященному человеку не понятных. Так ей думалось. Ведь о людском быте она имела отдаленные представления.

Кузнец же лежал на полу. Во мраке она не сразу его заметила. Глаза его были закрыты, а руки раскинуты не естественно. Он стал совсем белым.... Бледность его в свете луны была жутковатой. На лице недавней пленницы прорезался недобрый оскал. Она нависла над ним, чтобы насладиться моментом! Но... не получила желаемого удовлетворения. Совсем ничего. Ни намека.

Противник ее был при смерти, и дыхания не было слышно. Стало не интересно и не уютно. Ох не так она представляла себе расправу!!! Он должен был сопротивляться, биться изо всех сил не на йоту не уступая! И только потом, когда он устанет и ошибется, она бы стала глумиться над ним и заставила молить о пощаде! А затем — она обязательно надругается над ним. Дико и жестоко. Так же как он над ней. А потом убьет. Так должно быть! Так... могло быть.

Она тяжело вздохнула, прощаясь со своими большими иллюзиями. Одна, в чужом доме, в крошечной тьме и тишине, что давила на уши. Да еще унылая луна за окном...

Кузнец на миг приоткрыл глаза и в них мелькнул проблеск сознания. Он вяло усмехнулся и снова впал в забытье. Хотя... нет. Этот молить не будет. Точно не будет. Умрет тихо, сжав зубы... А еще будет противно улыбаться, всем чертям на зло... Такие у нее были.

Много. И она поживилась каждым из них. У бедняг не было шансов. Но этот... этот ее удивил. А еще напугал до смерти. Впервые на ее памяти. Сломил волю. Подчинил себе, заставил слушаться... кроме всего прочего. Все же надо отдать ему должное. Многие из ее рода-племени пытались, и пострадали от ее меча. А тут... простой смертный, да еще такой молодой. Жаль... такой талантливый и вот так умрет. Он ведь даже не воин. Его кормит ремесло...

Неожиданно для себя, она вдруг осознала, что ей действительно жаль! И это чувство неподдельно. Она смотрела на свои когти, и может быть впервые за все свое долгое бытие осознавала: дело рук ее — не приносит былой радости. Этот смертный, за столь короткую жизнь наверняка сделал больше достойных дел, чем она за свой внушительный век. Мысль эта была неприятна и неприемлема для ее самолюбия, но она заставила себя это принять. Как и то, что сама, она — одна, и почти беспомощна сейчас...

Просветление не всегда приходит вовремя. Но этот миг настает, и нужно сделать один только шаг. Пожалуй, лишь богу известно, как труден он может быть. Часто оно оглушает сильнее чем боевой молот... Теперь и она это узнала. Много было сделано и этого не вернешь. Но что-то переменялось, и в этой жизни еще можно кое-что исправить! Сердце неистово всколыхнулось в ее груди, содрогнулось и рванулось наружу. Неведомые ранее чувства обуяли ее взорванный разум так, что слезы из глаз потекли.

Человек, лежавший на полу, был юным по ее меркам, с розовой, нежной кожей и беззлобным лицом. При всей своей ранимости он все же оказался сильнее и смелее ее! Поверг в бою, голыми руками. Вот этими розовыми пальчиками схватился за острое лезвие, и победил... Мог, имел право добить, но оставил жизнь. Мерзко надругался, но при смерти, потратил последние силы чтобы... отпустить. Дать волю ей. Ей — твари, которая привыкла убивать не задумываясь. Из прихоти, забавы ради! Зачем?!

А ведь мог бы доползти до поселения, позвать на помощь и остался бы жив. Люди помогают друг другу. Она это знала. Но... ее собственная судьба была бы решена, стоило кому-то любопытному заглянуть за маленькую дверку в подвал. Откуда такое великодушие? А главное — за что?!

Не ей судить о чести и славе. Но, этот человек был достойнее чем любой из ее врагов, и ее самой — без сомнения. Он же, сейчас, бесславно умирал, и именно по ее вине. Он поступил омерзительно — ей ли не знать в этом толк. Но именно она, и никто иной — первоисточник своих бед! Не он. Только сейчас она поняла, что случившееся в ту ночь было лишь вопросом времени. Она расслабилась, переоценив свои силы, потеряла бдительность. Если не он, то рано или поздно, это сделал бы кто-то другой. Дернул же черт напасть... В итоге, ей сохранили жизнь дважды, а это чего-то да стоит... с этим не поспоришь. Вот и пришла пора платить по счетам.

Крылатая дева неохотно опустилась на колени, поддела обмякшее тело, и подняла на руки. Он был тяжелее чем казалось, и совсем обмякшим... Положив умирающего на софу, она навалилась сверху, чтобы рассмотреть его лицо и нанесенную ее рукой рану. Дело было совсем плохо. Вены на шее вздулись, нарыв разросся, мешая темной крови покидать мозг, и мог лопнуть прямо сейчас. Если он лопнет внутрь — гной попадет в кровь и это будет конец... Заражение, которое уже пошло под кожей, отравит кровь, и мучительная смерть будет неизбежной. Если наружу — то он попросту истечет кровью. Артерия слишком близко. Он не жилец при любом исходе. Так что хуже уже не станет.

Привычно взмахнув коготком, она словно бритвой вспорола гнойник. Содержимое его

брызнуло наружу, и кузнец взвыл, от боли. Она хотела схватить его, за голову и зажать рот, чтобы не дергался, но растерялась... Это могло убить кузнеца, а она этого не хотела. Дилемма... делать больно она умела и любила, а вот как не делать!?

Быстро, выйдя из ступора, дева вновь навалилась на него сверху, своим весом, прижимая к постели. Кузнец пытался бороться, но очень слабо и неосознанно. Ее губы привычно припали к ране, чтобы отсосать остатки зараженной лимфы... но горячая, живая кровь опьяняла сильнее чем вино. Она закатила глаза, не в силах оторваться, и стиснула его тело словно трепыхающуюся дичь. Соски тут же отвердели, а плоть увлажнилась от внезапного возбуждения. Ее затрясло от первобытного удовольствия.

Сердце кузнеца вдруг затрепетало и захлебнулось на миг... Она отскочила, испугавшись своей жажды. Чтобы сдержать животный голод она прикусила ладонь, казнясь, что могла убить по привычке. Вкус его крови показался знакомым... отменную кровь трудно с чем — то спутать. Рядом, на столе стоял серебристый разнос с полотенцем, покрытым сухими бордовыми пятнами, и той самой чашей, что ей приносили изредка. Там же — тонкий стилет, зеркало и кожаный жгут... Она дернула его за руку. Так и есть — тонкие порезы на сгибе локтя подтвердили догадку. Следовало сразу догадаться. Но почему? Зачем ему это?! Держать в застенках такую тварь, при этом кормить и поить собственной кровью...

Что ж, к счастью, артерия осталась целой. Гной весь вышел. От ее слюны кровь в ранке быстро свернулась. Она принесла воды, чтобы омыть его шею. После, раздрав то самое полотенце, дева наложила повязку. Пальцы двигались быстро, уверенно. Это было не в новинку...

Теперь кузнец дышал слабо, но ровно. Она приложила ухо к груди, чтобы удостовериться в этом. Вскоре, его охватила лихорадочная дрожь и обильно выступил пот... Она знала, что нужно делать. Греть человека своим телом как-то не хотелось. Но растопить камин она не решилась. Дым из трубы мог привлечь нежеланных гостей. И тогда все — пиши пропало. Если раньше она еще питала какие-то иллюзии, то, теперь стало очевидно, что ближайшее ее будущее, зависело от него. Да и пасть ниже, она, пожалуй, уже не могла. О боги... неужели она сделает это!

Бесцеремонно перевалившись через кузнеца, дева улеглась рядом. Нелепо собрав его в охапку, она огляделась, и нащупала за спиной плед. Самой ей холодно не было, да и саднящие крылья никуда не деть. А вот его следовало бы накрыть. Ощувив живое тепло, человек неосознанно вжался в ее тело и свернулся в плотный комок, что само по себе даже оказалось приятно. Пригревшись, он, понемногу, перестал дрожать, и засопел...

Глава 4. Недоброе утро

Согревание человека, тем более мужчины — мягко говоря, не свойственная роль для чистокровной валькирии. Учитывая, что с детства она не подпускала к себе никого на расстояние вытянутого лезвия. Согласно легенде, прекрасные небесные воительницы забирали души умерших воинов и уносили в Валгаллу — рай викингов. Но это лишь красивые слова. На деле, крылатая дева с мечом — последнее что видели тяжело раненые, а иногда и вполне здоровые воины. Их привлекала кровь еще живого человека. Нечаянные свидетели, рассказывали, что вблизи это совсем не так поэтично...

Прежде чем унести душу воина в валгаллу, крылатые бестии бились в экстазе. Зачастую, прямо на остывающем теле, в крови и грязи. Среди трупов, и еще живых воинов. Но им никто не мешал. В валгаллу хотели все...

Но, теперь она искренне переживала. Боялась, что кузнец не доживет до утра... не до конца понимая почему. Осторожно подтянув ноги, она не слишком деликатно поджала его к себе. Запах крови все еще возбуждал ее аппетит, но, теперь это было терпимо.

— *Если так пойдет,* — мелькнула мысль в голове — *То она научится сдерживаться...*

Заснуть удалось только под утро. Снились кошмары и всякая гадость из прошлой жизни. Много было противно. Много просто мерзко. Крылья ныли во сне и было холодно. Но потом, вдруг потеплело. Ей приснилось, что встало солнце и согрело ее своими лучами. Кошмары вдруг растворились, и воспоминания тоже. Впервые за несколько недель, она просто спала...

Пробуждение сильно затянулось. Никак не хотелось открывать глаз и возвращаться к суровой действительности. Кто-то заботливо укрыл ее пуховым одеялом поверх тонкого пледа. Приятно, черт возьми! А снаружи было прохладно... хотя явственно слышалось потрескивание дров в камине. Вскоре, она поняла, что лежит одна и открыла глаза. Солнце стояло в зените, освещая деревянный пол комнаты. Кузнец сидел напротив софы, в глубоком потертом кресле, сгорбившись и обхватив голову руками. Он был жалок. Из одежды на нем были только брюки, а торс украшали несколько свежих, характерных порезов, и синяков. Казалось, он спал... Но, когда она подошла ближе, между пальцев его сверкнул маленький ключик. Подумав, она осторожно примерила его к ошейнику. Тот негромко щелкнул и разомкнулся. Дышать стало заметно легче.

Взяв человека за волосы, она властно наклонила его голову в бок. Он не сопротивлялся. На шее отчетливо виднелись следы ее зубов. Она склонилась чтобы лизнуть свежую рану, от чего кузнец напрягся. На вкус все было нормально, и она осталась довольна. Однако, кузнеца еще потряхивало от слабости и... она ощутила знакомый запах страха. Страх жертвы — животный сигнал к действию.

В ее теле все забурлило. Сил было в избытке, и они вскипели внутри нее. Он же молча гадал, что будет дальше. Крылатую деву это будоражило. Сейчас он был и в сознании, и в ее власти. Власть... как же она важна! Что ж, раз так сложилось, обстоятельства, и взгляды на ближайшее будущее переменились... убивать его, она не станет. Рука не поднимается. Но кто ответит за позор, за унижение? Нет, он должен быть наказан! Наказан и унижен разом. За все и сразу. Но как? Ясно одно — ему должно быть так же пакостно и... тошнотворно!

Последняя фраза, мелькнув в голове, породила желание куда более извращенное, чем все предыдущие. Она мерзко оскалилась и закатила глаза в предвкушении... Мгновение — и

мастер уже стоял на коленях у ее ног. Она вцепилась руками в его голову, оцарапав когтями кожу. Бесцеремонно перекинув ногу, валькирия уселась на него верхом. Ее промежность оказалась перед его носом и лицо кузнеца тотчас погрузилось в намокшее чрево. Взбухшие, увлажненные губы рывком притерлись к его небритым щекам. Усилив хватку, она втиснула свой лобок в его рот... Крепкие, словно отлитые из бронзы бедра, сомкнулись тисками. Так сильно, что его подбородок врезался в ее анус.

Ехидная улыбка не сползала с ее лица, пока она наблюдала, как ослабший кузнец тщетно пытается освободиться. Трепетал как птичка, попавшая в силки. Ее это искренне забавляло.

Когда он притих, пытаясь дышать, разгоряченная дева подалась вперед. Она обязательно хотела видеть его глаза в тот момент, когда горячая струйка, следуя ее позывам, превратится в поток, потечет по его губам, оросит язык и ударит прямо в горло.

Окрыленная своим изощренным замыслом, она испустила из себя то, что давно рвалось наружу. Спустя мгновение, она уже бурно мочилась в его глотку... Неистовое, животное исступление затмило рассудок, в момент, «упойтельной» мести... Было до безобразия приятно! Почему она не делала этого раньше? Можно было устраивать целое соревнование на пару с боевой подругой. Это куда приятнее, чем просто пускать кровь налево и направо!

Когда бесконтрольные спазмы наконец, отпустили ее, парень уже терял сознание. Валькирия взглянула на него свысока. Наслаждаясь последними мгновениями жестокого экстаза, она еще пару раз сжала его напоследок... и вытерла промежность о его лицо. Сочтя, унижение достаточным, она наконец, разжала дрожащие от напряжения колени...

Жадно глотнув воздуха, кузнец, кинулся к окну и его тут же вырвало. И без того пустой желудок вывернулся на изнанку. Недавнее содержимое чужого мочевого пузыря погостив в его утробе рывками вырывалось наружу, залив подоконник и стену дома. В глазах потемнело. Ноги подогнулись, и он чуть не выпал наружу.

Она же, восторженно коснулась своих сосков, обтерла промежность тем, что попало под руку, и довольно погладила себя по животу.

— *Надо будет обязательно повторить* — решила она про себя. — *Ради такого стоит и потерпеть... влить в него побольше и посмотреть, что будет. Или как-то иначе это сделать. Более унижительно.... заняться то все равно не чем.*

Дела кузнеца были совсем плохи. Возможно, он это и заслужил, но смириться пока не мог. Оставалось надеяться, что так все и кончится. Но теперь он знал, что от нее можно ждать любых сюрпризов. Сердце стучало тяжелым молотом, удары которого болезненным эхом отдавались в голове и теле, при малейшем движении. Он выкинул из головы все. Обиду, боль, страх, злость... Думал только о том, что нужно пережить этот день. Просто пережить. Дотянуть до утра, ведь там начнется новый день. Обязательно начнется! А новый день — это новая жизнь...

Выглядел он действительно плохо. Опустошенная, дева лениво прошлась по комнате и присела рядом. Но он оттолкнул ее от себя, с силой раненого зверя... за что тут же получил пощечину и новые шрамы. Парень сполз на пол и закатил глаза. Кровь выступила на ранках и капельки ее упали на пыльный пол. Черт! Она опять сделала гадость... Сознание разрывалось надвое... вновь мерзкая натура показала наружу. Она сделала это не думая, по накатанной колее, снова... Нужно будет наказывать его реже, иначе долго не протянет.

То ли вид крови, то ли запах, исходящий от человека, послужили причиной... но желудок отозвался приступом тошноты. Закружилась голова и она, оступившись села на

ковер. Было неприятно, но продолжалось это не долго. На всякий случай она смазала новые ранки своей слюной, чтобы больше не гноились. Даже сейчас, грязный, вонючий и униженный, он казался ей намного лучше себя. Приступ волнения и сильной обиды, не понятно на кого, всколыхнул ее душу. Она снова ощутила себя дрянью. Ненавидя себя за это, она спустилась на нижний этаж, и залилась слезами. Она проплакала целый час. Это был второй раз в ее жизни. Первый был, когда она покинула отчий дом...

Спустя полтора часа, она заглянула вверх. Кузнец лежал все там же, у окна, оперевшись о стену. Солнце клонилось к закату. Он тихо пребывал в забвении, немного пригревшись под теплыми лучами. Слабость, и тошнота дополнялись привкусом не слишком чистой, женской плоти на языке. В какой-то мере, он заслужил расплаты, и мог ожидать ее. И даже простился со своей головой... Но такого исхода точно не ждал. Сколько злобы... ненависти... и какая изощренная изобретательность! Свежие ранки противно саднили. Кузнецу надо было бы убраться отсюда, пока жив, но не было сил, даже сплюнуть ту гадость, что болталась во рту. Удивительно, что он еще дышит... Об этих, якобы божественных тварях, рассказывают страшные вещи. Теперь и ему есть что рассказать. Вернее — о чем помалкивать.

Кузнец несколько раз пытался осмыслить свое положение, но, отчаянно цепляясь за обрывки ускользающих мыслей, снова впадал в забытие... В следующий раз, мастер проснулся далеко за полночь. Уже светало. Встать не было сил, но очень хотелось воды. В глазах все плыло, начинался жар. Он сильно закашлялся, и чуть не взвыл от боли в груди. Кто-то подал бутылку. В ней было вино. Хотелось бы ледяной колодезной воды, чтобы ощутить ее свежесть внутри себя. Но, вино хотя бы перебило мерзкий привкус во рту. Что же такое нужно было выпить, чтобы такая гадость осталась на языке? Он начал вспоминать, что произошло и тут же сел. Голова кружилась, но он заставил себя это сделать. Обрывки памяти проступали в мозгу, словно брызги крови на чистой холстине, завязанной поверх рваной раны.

Ощувив прикосновение, мастер обернулся... Рыжая бестия, скрестив ноги, возлежала прямо за спиной. Ее когтистые пальцы неплотно сжимали его предплечье. Страх прокатился волной по телу. Находиться рядом с ней, все равно, что чесывать шею опасной бритвой. Стоило больших усилий, чтобы не сорваться с места. Но бегать он не привык. Да и от чего? Он и так в ее власти уже... примерно сутки. А может и дольше. Кроме того, она что-то сделала с его шеей. Он смутно помнил боль от ее зубов и когтей. Ребра болели от мертвой хватки. И откуда эти повязки на теле? Кроме нее никто не мог их сделать...

Когтистые пальцы легко разжались. Смутно понимая, что прямой угрозы нет, кузнец все же переполз в кресло, чтобы скоротать остаток ночи. Так он мог ее видеть, хоть и не четко, и чувствовал себя куда комфортнее. Валькирия, отпустив его со вздохом облегчения, перевернулась на живот и распласталась по софе...

Глава 5. Тайна останется тайной

Утро началось внезапно. Кто-то сильно тарабанил в двери и кричал. Кузнец подскочил на ноги и кинулся к окну.

— Арон! — кричали люди. — Открой наконец двери, черт тебя дери!

Он перегнулся через подоконник и выкрикнул, на сколько мог громко:

— Какого лешего вам надо!?

Громко не получилось, но его слышали. Под окном стоял местный староста, лекарь и здоровенный скотник с кувалдой. Люди выглядели решительно и готовились сломать двери.

Первым выступил староста:

— Ну слава богу! А то мы уже двери ломать собрались.

— Зачем?!

— Думали случилось чего. От тебя неделю ни слуху ни духу... Говорят, ты болен?

— Все верно. Случилось. Я... упал в горн. — Соврал он первое что пришло в голову.

— Как... прямо в огонь!?! — осведомился лекарь.

— В угли. А потом в грудку железа. — продолжил он для достоверности, показав перебинтованную шею и руку.

— И как оно? — Вступил в разговор скотник, задрал на него голову.

— Хреново. Ожоги, порезы... колено болит. Но... уже лучше.

— Тыпустишь нас?

— Нет! Не сегодня... Нога ноет, спускаться больно.

— Так брось ключи, я хоть раны твои осмотрю, — не унимался лекарь.

— Они тоже внизу.

— Ясно... — староста развел руками и собрался уходить.

— А что, — удивился скотник, — дверь выносить не будем!?

— Нет!

— Ну вот... зря кувалду волок... — вздохнул он удрученно.

— Дай знать, если чего понадобится. Мы с лекарем будем в деревне еще неделю.

— Ладно... Спасибо за заботу.

— Ай... — отмахнулся староста — Работа стоит, лошадей подковать надо. Через неделю все равно заглянем. Хватит, отвалиться?

— Да, наверное.

— Дело твое... уж ты постарайся коли денег надо....

Нелепая тройца, немало перепугав мастера и его "гостью" ворча себе под нос, неуклюже, побрела в сторону поселка. Кузнец провожал их взглядом до тех пор, пока они не скрылись из виду. Визит был внезапным. Нежданные гости не входили в планы....

Во время разговора, находясь в непривычной для себя обстановке, валькирия снова почувствовала внутреннее напряжение и подсознательный страх. Она выглядела безучастной, но не сводила глаз с кузнеца. Он лишь глянул на нее волком, когда думал, что соврать. Но не выдал. Хотя она точно знала, что посеяла в его сердце ужас. Она ошутимо вдыхала его. Ведь когда люди боятся, они пахнут по-особому. Сразу хочется напасть...

Кризис миновал и слабость пошла на убыль. Это Арон понял сразу. Потому, как дико хотелось жрать! Бросив мимолетный взгляд на обнаженную бестию, он содрогнулся. Видеть ее здесь было жутковато и непривычно. Он узнал достаточно, чтобы понять, что скрывается

за этой красотой. Кстати, зрение его тоже почти восстановилось. Липкой пелены больше не было на глазах. Веки больше не слипались.

Спустившись вниз, он провел скорую ревизию кладовой. Там было только вяленое мясо, крупы, да мука. Хотелось сочных овощей и горячего хлеба. Рыжая бестия злобно следила за ним со ступеней. Спуститься ниже она не рискнула. Очевидно, ее тоже мучил голод. Пришлось одеться и дойти до местного рынка, что далось ой как не легко. А за одно и показаться горожанам, чтобы подтвердить слухи о своей болезни. По пути, он заглянул в окно таверны, и кажется видел того самого старика, что рассказывал ему о гарпиях. Но общение с кем-либо здорово раздражало и утомляло. Слабость давала о себе знать. Поэтому он сразу направился к кузне. Перед тем, как идти домой, он присел в тенек и все тщательно обдумал.

Пока его не было, бестия тайком следила за тем, что происходит в селении. Она до последнего опасалась, что кузнец приведет с собой крестьян для расправы над ней. Ведь он теперь сознавал опасность. Но когда на тропинке появился одинокий силуэт — она вздохнула с облегчением. Кузнец вошел, запер за собой двери и прислушался. В доме царил тишина. Подниматься на верх он не стал, дабы не испытывать судьбу лишней раз. Бестия не решилась спуститься вниз, так что он спокойно занялся своими делами.

Уже через полтора часа, нестерпимый аромат зажаренного мяса, специй и свежей выпечки, поднимался до второго этажа. Запах пищи сводил с ума. Слюна наполняла рот, при мысли о еде, в животе предательски поднывало. Она могла бы спуститься и легко взять все, что понравится. Но это неправильно... вот незадача! Теперь это стало аргументом, на который нельзя плевать. И какова же была ее радость, когда кузнец показался на лестнице с хорошо знакомой корзинкой в руках. Она точно была полной!

Сочные, отбитые куски говядины и мытая зелень на чистом полотенце — занимали все пространство внутри нее. Благоухало все это дело умопомрачительно...

Поставив съестное на столик перед софой, кузнец сорвал сургуч с кувшина и налил молодого вина в медный кубок. Себе же налил колодезной воды с листьями свежей мяты, и, болезненно поморщившись устроился в кресле. Его словно подменили. Он переоделся и во взгляде его снова царил покой и прежняя уверенность. Ни тени сомнения или страха. Он молча сидел напротив и созерцал. Теперь он пах по-другому... Сильный, слегка терпкий, но приятный дух исходил от него. Он четко выделялся из общей какофонии ароматов, витавших в комнате. Словно алые пятна крови на свежем снегу.

Дева проворно сползла с софы и придвинулась к столу. По-хозяйски растормошив льняное полотенце, она выхватила кусок мяса и впилась в него своими заостренными зубками. Не доев первый, она уже потянулась за вторым куском. Арон терпеливо ждал пока она вдоволь нахватается. Аппетиту бестии можно было завидовать. Она рвала мясо зубами, довольно урча и громко чавкая, а потом закрывала глаза и откровенно тащила от вкуса прожаренной плоти... Наконец, набив утробу, она отпихнула от себя корзину и лениво повалилась на спину. Крылья ей абсолютно не мешали.

Пришло время и Арону поесть. Он отпил воды, обложил мясо зеленью и завернул в тонкую лепешку. Откусывая по кусочку, он тщательно пережевывал пищу. Еще теплое, с хрустящей корочкой, оно казалось манной небесной. Если долго не глотать, оно будто растворялось на языке. Торопиться было некуда. Он спокойно завтракал, меж делом разглядывая развалившуюся напротив тварь.

Конечно, она была голой, как и раньше. Чувство стыда ей знакомо не было, а потому,

все что должно быть скрыто — было на виду. Она расслаблено покачивала бедрами, меж которых отлично проглядывались ее гениталии. Чистый, безволосый лобок лаконично переходил в плотно сжатые губки. Плавная линия губ переходила в знакомую ложбинку между ягодиц, обрываясь у самого ануса. Его маленькая впадинка тоже отлично проглядывалась...

То ли от съеденного мяса, то ли от твердеющего не к месту органа, Арон ощутил прилив сил. Это не было дрожью, пробежавшей по спине. Было больше похоже на глоток густой, горячей медовухи, что варит лавочник. Тепло разлилось от шеи к спине, просочилось сквозь позвоночник до самого копчика и спустилось к ногам. Руки потеплели последними. Кузнец ощутил необычно сильное покалывание во всем теле. Кожа его неестественно порозовела. Такое уже бывало... когда-то в детстве. В день весеннего равноденствия, когда отец нашел его избитым, лежащим на дороге. Тогда он запретил сыну говорить кому-либо об этом случае и две недели не выпускал из дому. Следом за чудесным приливом сил, пришел и животный голод. Он словно и не ел вовсе. Благо корзинка была еще полна.

Расслабленная бестия в полудреме ощутила слабые признаки тревоги. Врядли ей что-то угрожало... однако, она насторожилась. Вокруг что-то менялось... Она приоткрыла глаза и нехотя села. Она ожидала увидеть бледного кузнеца в кресле, напротив, но там его не было. Вместо него сидел пышущий здоровьем, молодец. И он не был бледен. Дева кожей ощутила жар, исходящий от него. Он словно зверь жадно пожрал все до чего мог дотянуться. И взгляд его не был теперь приятным. Холодок пробежался по ее спине от затылка до самого копчика. Настало ее время пугаться.

Она вдруг вспомнила подвал, холодные цепи, и с ужасом поняла, что, если он сейчас прикажет — она будет есть у него с руки и ходить на цыпочках. А вчерашняя выходка, теперь может выйти ей боком... В ногах поселилась предательская дрожь. Когда кузнец о ней вспомнил — дыхание вдруг перехватило. Сразу захотелось спрятаться, забиться в угол... а ее словно пригвоздило.

Человек вытер руки, не весть откуда извлек ее клинок из зачарованной стали, и звонко бросил на стол.

— Нож мясника и тот чище!

Ход мыслей крылатой девы резко прервался. Ей вернули меч! Остальное более не было актуально. Один взгляд... одно мгновение..., и она уже на столе... Во всей совей дикой красе, с оскалом и клинком наизготовку.

— А дальше то что? — Кузнец улыбнулся устало. Она была предсказуема до мелочей.

Она сделала угрожающий выпад и острие меча уперлось в его грудь, слегка пробив кожу. Но он не дрогнул. Откинув голову на спинку кресла, он медленно осмотрел ее низу доверху, задерживая взгляд на отдельных деталях.

— На цепь посажу...

В голосе его не было явной угрозы или злости, но она нутром чувствовала, что он это сделает. И сил ему теперь хватит. Одна часть ее готова была отступить и подчиниться здравому смыслу, но другая — дикая, и не думала этого делать. Ведь речь шла о превосходстве, а оружие было в ее руках!

Кузнец вздохнул удрученно. Глаза ее сузились, а на губах заиграла ехидная ухмылка. Острие меча погрузилось чуть глубже. Его уверенность ее забавляла. Она ловила его взгляд, чтобы утвердиться, но... Укол его узких зрачков поразил ее молнией. Он отвел глаза и через мгновение она уже летела на пол, теряя перья и удивленно хлопая ресницами. Прежде чем

она опомнилась, он за ногу подтащил ее к камину и обвил голень холодным ремнем. Рванувшись в сторону, она грохнулась носом в пол, едва не сломав его. Другие попытки вскочить тоже не увенчались успехом. Фыркнув и издав отвратительный хрип. Она перевернулась на спину и увидев кузнеца, тут же швырнула в него клинок. Но тот лишь небрежно отклонился, позволив лезвию воткнуться в стену.

— Как знаешь... — подытожил он. Взяв свой бокал, хозяин дома завалился на софу, демонстративно забыв о ней в то же мгновение.

Поборов свою бессильную ярость, через какое-то время, дева огляделась. То, что она приняла за холодный ремень, на самом деле оказалось металлической полосой, цепь от которой тянулась к каминной решетке. Сначала она подумала, что кузнец заранее все продумал и подготовился. Но поразмыслив, она поняла, что это не так. В черной полосе, грубо обвившей ее лодыжку в полтора оборота, она узнала бывшую кочергу. Это она висела на длинной цепи рядом с топкой... А цепь свисала с каминной заслонки. Что случилось, она так и не поняла. Зачем ей было делать такую глупость — тоже. Прояснилось только одно: игры с кузнецом всегда выходят боком.

Глава 6. Отрубленные крылья

До самого вечера кузнец спал. Когда на небе появились первые звезды, он решительно скинул одеяло. На улице моросил мелкий дождь, а по полу тянуло прохладой. Облачившись в грубый кожаный плащ, он спустился вниз. Ноги сами вели куда нужно. Деревня тихо отходила ко сну, где-то неподалеку лениво гавкали собаки. Свет в таверне все еще горел. Войдя в двери Арон огляделся. Среди нескольких завсегдатаев, в самом темном углу сидел тот самый старик. Кивнув хозяину, кузнец тихо спросил:

— Старик в углу... давно он здесь?

Хозяин удивился, посчитал что-то на пальцах и неуверенно ответил:

— Да с месяц уж как... приходит, напивается и спит без памяти. Платит исправно, не дебоширит. Станный какой-то... но пока не напрягает.

Пока они говорили старик тихо встал, тенью прошел мимо и вышел вон. Кузнец поспешил следом, но хозяин таверны придержав его, сунул в руку кувшин вина.

— Поправляйся скорее! — искренне пожелал он.

— Спасибо, я постараюсь...

Выйдя следом, Арон прислушался. Дождь лил ровной стеной, монотонно тарабаня по глиняной черепице. Свежие следы на скользкой грязи уходили в просвет между домами. Через пару десятков метров, впереди замаячил темный силуэт. Арон прибавил шагу, но старик пошел быстрее.

— Эй, стой!

Арон почти перешел на бег. Поскользнувшись и чудом не упав в лужу, он остановился на свету. Следующий шаг был лишним. Блеснув из темноты, острое лезвие уткнулось в его подбородок.

— Чего тебе надо? — грубо гаркнул старик.

— Я Арон! Местный кузнец... мы встречались раньше.

— И что с того!?

— Надо поговорить!

— Не думаю! Иди своей дорогой, а я пойду своей.

Арон мотнул головой, убирая клинок в сторону. Но лезвие тотчас вернулось на прежнее место.

— Тогда всего один вопрос....

— Ладно, валяй, только быстро!

— Скажи... как дорого тебе твое здоровье?

Старик рассмеялся. Арон все еще не видел его лица в темноте, но уже знал, что сделает дальше...

— Угроза, кузнец?

— Ты слишком смело тычешь в меня клинком.

— Хм... чутье редко подводит меня. Ты похоже не шутишь... — Старик медленно убрал меч под накидку и вышел на свет. Арон не ошибся, это был тот самый человек. Долговязый, широкоплечий старец с ясным, открытым взором.

— Я вспомнил. Кажется, у тебя были проблемы с женщинами?

— Да, — вздохнул кузнец. — И они не пропали.

— Этот... кувшин у тебя в руке, он с вином?

— Да.

— Мне бы пригодился... — пробурчал собеседник.

— Пойдешь со мной, и он твой.

— По рукам! — воскликнул старик — Веди, я пойду следом!

— Нет уж. Мой дом вон там, на пригорке. Ступай-ка сам вперед, а следом пойду я.

— Не доверяешь?

— Нет.

— Эх молодежь... умные все стали.

Топая по грязи, они прошли поселок насквозь. Дождь не унимался. И без того хромоногий старик то и дело спотыкался. От недавней прыти не осталось и следа. Когда подошли к дому из-за туч уже показалась луна. Арон отпер двери и впихнул старика внутрь. Разувшись и скинув плащи, мужчины прошли на кухню.

— Я бы поел, — заявил старик невзначай.

— По тебе заметно, — ответил Арон. — Сиди пока, сохни. Посмотрю, что осталось.

Накидав в топку дров, Арон разжег небольшой очаг и подвинул к нему стол. Старик тут же придвинулся к огню и протянул к нему промокшие ноги. С обеда осталось мясо и зелень. Хлеб, завернутый в льняную тряпку, еще не очерствел. Поставив перед гостем две кружки, Арон тоже сел к огню.

Старец ел на удивление проворно, видать пил то он каждый день, а вот питался не часто. Вино из таверны хоть и было прохладным, но согревало кровь изнутри, благодатной волной растекаясь по телу. Арон ждал, пока гость насытится. То и дело подкидывая дров в очаг, он незаметно прислушивался к тому, что происходило наверху. Судя по всему, крылатая бестия уже спала, или напротив, затаилась в темном углу и выжидает момента.

— Так, о чем ты хотел поговорить, молодец? — осведомился старик, облизывая жирные пальцы.

— Да ты ожил, как я погляжу...

— Мясо и вино — пища богов, не иначе!

Кузнец молча кивнул, давая старику прожеваться. Когда тот закончил, он наконец перешел к делу:

— Скажи, любезный, ты так здорово расписывал мне всякую нечисть в прошлый раз... Откуда ты все знаешь?

— Ну... — тот развел руками. — Опыт, знаешь ли, жизненный. Ведь не всегда я был стариком, бывали и лихие годочки. Правда гордиться можно далеко не всем, но все же... Постой, постой... ты что, поймал одну из тварей!? Так вот оно что. Ну-ка, давай, колись здоровяк!

— Собственно, в этом вся проблема. Только могу ли я доверять тебе, старец?

— А... ты боишься, что я приведу селян и они сожгут твой дом. Я угадал?

— Именно.

— Что ж, резонно. Но это не в моих интересах, — Старик погрузился на глазах. — У меня есть веские причины не торчать на людях. И не привлекать к своей особе лишнего внимания.

Арон пристально посмотрел старцу в глаза, правдивость его слов не вызвала сомнения.

— Что ж, я вынужден тебе верить, но знай, если что...

— Ладно, — прервал тот. — Я уже понял, что ты грозный противник. Показывай, кто у тебя там.

Арон встал. Наполнив деревянное ведро водой из бочки, стоявшей в углу, он двинулся к лестнице. Заставив гостя разуться, он и сам скинул сапоги. Наверху было все так же темно и тихо... Арон помнил, что, когда уходил, оставил бестию в темноте, а потому был спокоен. Тихо поднявшись на этаж, он на ощупь усадил гостя в свое кресло и зажег светильники один за другим. В комнате никого не было...

— Ну и, где оно?! — возмутился старик.

Арон жестом приказал ему молчать и внимательно огляделся. Бестии он не наблюдал, как и ее меча. Только вот цепочка все еще висела на каминной решетке, а другой ее конец уходил под верхний край топки, в каминную трубу...

Неслышно подкравшись к камину, Арон осторожно взялся за цепь, отошел подальше и дернул за нее, что было силы...

В следующий момент случилось страшное: с шипением и визгом, извергая клубы сажи, каминная топка извергла из себя нечто невообразимое... Лишь облако пыли слегка рассеялось, это нечто, с тихим рыком кинулось на старика... Арон ждал, что тот бросится наутек, но старец удивил его. Вместо этого он, резко вскочив, вскинул небольшой стол на манер щита и обнажил изящный меч. Только сейчас кузнец обратил внимание на форму лезвия. Он точно видел такое и совсем недавно.

Однако, агрессия была не долгой. Бросок бестии ограничился длиной цепи. Она гулко грохнулась на деревянный пол, не достигнув и края софы. Вскочив на ноги, она готова была кинуться вновь, но волна ледяной воды, окатившей ее, спутала все карты. Бестия медленно обернулась и увидела кузнеца с пустым ведром. Она оскалила свои зубы и прикинула расстояние для прыжка....

— Хватит... — тихо, но очень грозно сказал кузнец.

Бестия скрипнула зубами, но послушаться не посмела. Она сопела, раздувая ноздри и расчленяла его взглядом на части. Но кузнец остался к этому равнодушным. Подойдя ближе, он запросто забрал у нее оружие, сунул в руки безнадежно испачканное сажей покрывало и вернулся к своему гостю. Отобрав у того стол, он занял свое хозяйское кресло. Окинув обоих мужей полным презрения взглядом, мокрая бестия плюхнулась на пол там, где стояла, и обиженно завернулась в покрывало. Кончики крыльев наглядно выдавали ее волнение.

Пока гость стоял в оцепенении, Арон небрежно выковырял из его пальцев меч, и сравнил оба клинка. Взвесив их в руках и бегло оглядев резные эфесы, он заключил, что они практически идентичны. В условиях его мастерской на такое оружие ушли бы месяцы, а тут явно не штучное производство. Да и сталь — просто загляденье. Старик было потянулся за рукоятью, но кузнец безоговорочно убрал оружие под кресло.

— Ты должен ее убить! — воскликнул старик, сотрясая руками.

— Не думаю, — ответил ему кузнец.

— Тогда верни мне меч, и, я сам сделаю это!

Арон покачал головой и предложил гостю сесть. Тот кинул на бестию полный ненависти и горечи взгляд, на что та только усмехнулась. Старик глянул на Арона, на свой меч у него под ногой... и решил не рисковать. Вздохнув раздраженно, он сел рядом.

Арон понимающе похлопал его по плечу, и выдвинул осторожное предположение:

— Мне кажется, или вы знакомы?

Старик понуро кивнул головой. По его виду можно было уверенно сказать как сильно он не рад этой встрече. Он совсем поник и повесил нос. Казалось, еще немного и он просто зарыдает....

— На тебя горько смотреть. Еще вина?

Старик поднял глаза, и поняв, что Арон серьезен, охотно кивнул.

— Да, да... я бы не отказался...

Отпихнув недовольную бестию словно кошку, сидевшую у камина, хозяин дома закинул дров. Запалив тонкие щепки от ближайшего светильника, он положил их под поленья. Предусмотрительно сунув оба клинка подмышку, он прихватил и вороненый топор, что стоял у кровати. Оглядев комнату на предмет оружия, он довольно кивнул и спустился вниз. Вскоре, он вернулся с корзинкой в руках. Убедившись, что все на своих местах, он свалил оружие в дальнем углу. Кинув бестии шматок холодного мяса, он подвесил закопченный медный чайник над очагом.

— Она напала на меня в поле... — начал кузнец свой рассказ, глядя на пленницу с высоты своего роста. — Было уже, наверное, за полночь, я нес домой сломанный плуг. А она свалилась на меня сверху. Появилась ниоткуда, только тень и видел. Я и испугаться толком не успел. Но, когда увидел ее силуэт в лунном свете, сразу вспомнил наш с тобой разговор. И тут разум мой затмило...

— Но... как ты справился с ней? — изумился старик.

— Я не помню. Просто сбил ее на землю, вот и все. А потом... овладел, пока удача не покинула.

— Что ты сделал!?! — глаза старца поползли из орбит...

— Ну, овладел... как мужчина овладевает женщиной. В этом смысле.

— О чем ты только думал?! — Воскликнул старец с хрипом в горле. Он нервно хохотнул и пробурчал что-то себе под нос.

— Я вообще тогда головой не думал, — признался кузнец.

— Оно и понятно... Тогда, ты точно должен ее убить. Убить и точка!

Арон снял чайник с огня, и разлил подогретое вино по кружкам.

— Не думаю, — твердо заключил он, отдав одну кружку бестии, а другую старику.

— Пора бы научиться... — огрызнулся гость.

— Так, ты скажешь мне кто она?

— А ты еще не понял... смертный?

— Слово за тобой....

Старик, нервозно посмеиваясь отхлебнул горячего вина.

— Перед тобой, смерд, чистокровная, высокородная валькирия, собственной персоной. Дочь Ангуса — старшего сына по королевской линии.

— Угу... — опасения кузнеца подтвердились. — Я примерно так и думал, но не был уверен до конца.

— И это все? Ты что не понял, что я сказал!?

— Вполне... Да ты присядь, не волнуйся так.

— Не волноваться? — не унимался старик. — Да это же самая мерзкая тварь из тех, что я воспитал! Это просто чудо что ты ее поймал. Да еще и обесчестил! Уму не постижимо, сколько прекрасных, достойных людей пало от ее руки... только за намек о близости!!! Она мужчин на дух не переносит. Я не удивлюсь, — он ткнул в нее пальцем. — Если там, на ее бедрах, была кровь!

— Кровь была, — подтвердил Арон. — Я тогда руки о клинок порезал.

— Это ты девственность ее, своим "клинком" прорезал, — усмехнулся старик. — Руки тут ни при чем.

— А мои крылья!? что она сделала с ними...

Старик вдруг осекся, и сжался, словно получив увесистый подзатыльник.

— А что случилось с твоими крыльями? — как ни в чем не бывало уточнил Арон.

— Она... отсекла их, — угрюмо процедил он. — Забавы ради... в ответ на мое замечание.

Старик опустил голову на ладони и тяжело вздохнул.

— Теперь ты знаешь, почему я избегаю людей. В твоих руках моя тайна.

— Покажи... — тихо попросил кузнец.

Старец поморщился. Но, делать нечего, сказался углем, прыгай в печку... Задрав рубаху и стеганный жилет, он повернулся к свету. Взгляду кузнеца предстала спина, испещренная шрамами. Но самые страшные из них простирались от поясницы и до самых лопаток, представляя собой аккуратные зарубцевавшиеся швы.

— Это уже работа хирурга. Он тоже живет при дворе и у него по истине золотые руки. Пришлось удалить все, что было связано с крыльями... иначе было нельзя. Вот так, в одночасье, я познал жизнь смертного. Хотя меня не гонят ни оттуда и ни отсюда, прибиться к одному берегу все же не получается. Лучше бы она меня просто убила.

Меж горьких фраз повисло скорбное молчание....

— Да уж... — Арон нарушил тишину первым. — А как зовут то тебя, бедолага?

— Хаук, придворный летописец, к вашим услугам, — старик встал и вежливо поклонился.

— Ясно... а как зовут ее?

Хаук бросил в сторону бестии презрительный взгляд.

— Сольвейг, ее имя. Солнечный луч... другими словами. Она была последней и самой долгожданной дочерью Ангуса и Гуды — нашей любимой королевы. Все ждали что она прольет свет в их жизнь... и она пролила. Она столько всего пролила! Убей ее, слышишь? Прошу тебя...

Арон встал, и положил руку ему на плечо.

— Никто не умрет сегодня. Вы гости в моем доме. Там внизу, у очага, матрац для тебя и теплое одеяло. Бери вино и отправляйся спать. Тебе отдохнуть нужно, успокоиться. Поговорим завтра...

— А она?

— Она прикована цепью, и останется таковой, пока вести себя не научится.

Старик сгреб в охапку еще теплый чайник, откланялся и побрел вниз.

— Хаук?

— Да?

— Забыл спросить... Она что, говорить совсем не умеет?

— Она то!? Еще как умеет, да ни на одном языке... только шепотом.

— Почему это?

— Это хоть и дрянная, но все же валькирия, — ухмыльнувшись напомнил он. — От ее гласа стены рушатся.

— А, ну да... точно, — кивнул Арон. — Да ты ступай. Будь покоен, она до тебя не доберется.

Проводив старика, Арон прилег на край софы. Следы сажи были повсюду, так, что можно было не раздеваться. Он устало смотрел на огонь, лениво пожирающий прогоревшие поленья. Разогретые каминные камни излучали мягкое, осязаемое тепло. Не досохшая

валькирия скромно сидела у огня, цедя остатки теплого вина и тоже смотрела на пламя. О чем она думала, не стоило и гадать... От недавней ярости и следа не осталось. Арон вытянул руку и ошупал ее крылья. Они вроде обсохли и больше не дрожали.

— Так значит... Сольвейг? Луч солнца в темном царстве... Похоже на злую шутку.

Она грустно кивнула.

— Все что сказал старик — правда?

— Да... — прошептала она. — Каждое слово.

— Почему ты раньше молчала? Почему не сказала ничего?

Она покосилась на него, но не взглянула. Только вздохнула тяжело...

— А что бы изменилось? Ты взял меня силой... сломил волю, унизил... обесчестил при полной луне.

— А ты хотела меня убить и, кажется, напиться свежей крови?

— Так и есть... — прошептала она — Я и сейчас хочу этого.

— Это жизненно важно для тебя?

— Нет... просто хочу. Ты вкусный.

— Хм... так ты оцениваешь людей, по вкусу крови?

— Да... — просто согласилась она. — А еще ты первый из людей, кто говорит со мной после встречи.

— Почему же? — удивился Арон.

— Они просто не успевали...

— Ах в этом смысле... Ну, тогда придется привыкать.

— Не придется! — фыркнула раздраженно.

— Ты не в том положении. И зависишь пока от меня. Не забывай об этом.

Она, сузив глаза, пристально глянула на него. Кузнец был задумчив, а взор его грустен и открыт, словно закат последнего летнего дня. Она провела языком по сладким от вина губам, вспоминая какова его кровь на вкус...

— Придет день... — она усмехнулась, глядя на него. — И я снова отведаю твоей крови.

— Да, — согласился он. — Так может случиться. Я позову именно тебя, когда придет мое время.

Он похлопал ее по бедру и грустно улыбнулся. Бестию передернуло от его касания. Она вдруг развернулась и вцепилась в край софы когтями.

— Но, почему я? Именно я, в том месте и в то время!?

— Не знаю, наверное, это судьба. И наш выбор от части, — Арон пожал плечами. — Мне нужен был тот злополучный плуг. А ты искала легкой наживы. В жизни ведь ничего не дается даром. За все нужно платить.

— Это, что... мое искупление?! — прошептала она.

— Может быть... одному Богу известно.

— Думаешь, он там есть?

— Я точно знаю... — тихо сказал кузнец, погладив ее когтистые руки. — Давай спать, скоро утро.

Языки пламени тихо угасали, лениво облизывая остатки прогоревших дров. Усталый кузнец крепко спал на пыльной софе. А грозная валькирия мирно сопела, свернувшись на полу, возле камина. Надоедливый дождь наконец прошел, уступив небо ярким, чисто вымытым звездам. Далекий горизонт подернулся алым багрянцем зори. Лишь теплый, пьянящий ветер и отдаленный шум листвы будоражили чуткую гладь предрассветной

ТИШИНЫ...

Глава 7. Порядок

Поутру старик ушел. Он не стал никого будить, тихо взял свой меч, и, закрыв снаружи дверь, закинул ключи в окно. На куске бересты, он углем написал несколько строк. Часть из них предназначалась Арону, а часть была написана на чуждом языке.

"Парень, — писал старик — ты выбрал себе не простую судьбу. Если хочешь спокойно дожить остаток дней, убей эту тварь! Сожги ее тело и забудь все что было. Желаю тебе добра. Благодарю за хлеб и кров. Люди не узнают твоей тайны, а ты храни мою. Прошу, передай записку этой твари... Прощай кузнец."

Прочтя эти строки, Арон задумался. Он решил не спешить, аккуратно свернув кору, он убрал ее на полку. Собрав грязное белье, он посмотрел в зеркало. От недавних шрамов остались заметные следы, но заживали они все же быстро. Разорвав чистую ткань, он наложил плотные повязки на нужные места, чтобы ни у кого не возникало вопросов. Это было ему не впервой. Отец с детства учил его скрывать свои травмы.

— Люди, — говорил он. — Этого не поймут. И Арон скрывал. Так было надо.

Вздыхнув при мысли об отце, кузнец стянул покрывало с тряпьем в тугой узел. Не мешало бы и помыться... но в общую баню идти нельзя. Пришлось поставить на огонь старый чугунный котел на треноге, и потрудиться у колодца, чтобы набрать в него воды. Закончив с котлом, он отнес белье пожилой прачке, живущей на окраине поселка, возле самой реки. Женщина не пришла в восторг от вида сажи и засохшей крови, но звонкая серебряная монета вселила в нее достаточно оптимизма. Затем на рынок, прикупить еды. К мяснику, за свежей говядиной. И к угольщику, заказать дров и угля. В работе кузнеца есть свои плюсы. Он всегда при деньгах и при работе.

Закончив с делами, домой кузнец вернулся только к полудню. Дом нуждался в солидной уборке, и он не стал затягивать с этим. Сняв чан с очага, он поставил туда котел, и нарезал в него мясо. Вооружившись щетками, тряпками и ведром, он поднялся на верх. Следующие два часа, чумазая Сольвейг провела сидя на табурете рядом с камином. За это время Арон перевернул комнату вверх дном. Все что ему нравилось, летело в одну кучу. Остальное — в топку. Там, где он проходил, сначала все начинало блестеть чистотой, а потом занимало прежнее место. Все было хорошо пока он не добрался до маленькой ниши, сразу за камином... Представляя, что сейчас будет, рыжая бестия накрылась с головой покрывалом. Она то знала, что именно лежит под перевернутым тазом в том самом углу.

— Черт!!! — воскликнул Арон от неожиданности. — Твою то мать! Дерьма в моей спальне только не хватало!

Он бросил тряпку на пол и вышел из-за угла.

— И как прикажешь это понимать!?

Бестия не знала в какой угол метнуться. С одной стороны, он, конечно, прав. Но, с другой стороны, она на цепи, а гадить как-то надо! Не дождавшись ответа, кузнец сходил вниз и принес ржавый скребок. Бросив его и кусок мешковины ей под ноги он сложил руки на груди и встал напротив.

— Я не буду это убирать! — прошипела она грозно.

— А есть ты будешь?

Она с ненавистью и обидой уставилась на него. Но кузнец был не умалим. А есть так хотелось...

— Ну?!

— Хорошо! — прошипела она. — В первый и последний раз.

Скинув покрывало на пол, она спустила ноги с табурета и схватив скребок со злостью, направилась в угол. Морщась от отвращения, она соскоблила с пола все, что там было и завернув в мешковину, протянула кузнецу.

— В огонь! — скомандовал он, — И скребок тоже.

Она повиновалась.

— И покрывало туда же!

Тяжко вздохнув, она бросила в топку и грязное покрывало, оставшись при своей чумазой наготе.

— В моем доме не гадят! — заявил он. — Если тебе нужно куда то, скажи мне. Только так и не иначе. Это понятно?

— Вполне, — прошипела она брезгливо, залезла на свой табурет и закрылась крыльями, не желая более общаться.

Грязное покрывало вспыхнуло словно порох, брызнув снопом обжигающих искр. Кочерги под рукой не оказалось и кузнецу пришлось быстро искать ей замену. Когда ткань прогорела, он вытер вспотевший лоб и задумчиво посмотрел на чумазую бестию.

— Тебе цепь на ноге еще не надоела?

— Хочешь снять?

— Нет, просто хочу вернуть кочергу на место.

Присев на пол, кузнец поставил ее стопу себе на колено и бегло оглядел голень. Изогнутая кочерга уже натерла небольшие ссадины на ее плотной коже.

— Будет больно, — предупредил он и подтянул к себе ослабленную цепь.

Но больно не было. Повеселевшая, Сольвейг, с замиранием сердца наблюдала, как сильные пальцы кузнеца, виток за витком, осторожно разгибают толстую стальную полосу.

— Ты очень силен, для человека, — заметила она.

— Для человека? Это ты так решила?

— Все знают, что люди слабы!

— Значит не все люди таковы. Я кузнец с самого детства, но есть мирные пахари и земледельцы, что меня на лопатки одной левой укладывают.

Сняв импровизированные кандалы, кузнец встал. Критично осмотрев горе кочергу, он выпрямил ее на сколько смог, а потом, слегка вспотев, скрутил в несколько витков. Получилась, пусть и не идеально ровная, но витая безделушка. Довольный собой, Арон повесил кочергу на место. А свободная Сольвейг снова забралась на свой табурет...

К концу второго часа, кузнец, наконец закончил творить вопиющий беспредел, называемый уборкой. Черный топор снова занял свое место возле софы, а натертый до блеска меч перекочевал куда-то на первый этаж. Оставшиеся же на полу предметы, он просто скидал в мешок, и уволок в подвал, с глаз подальше. Теперь, в просторной комнате стало легче дышать, пахло влажной древесиной, и чистым, свежим постеленным бельем. Солнечные лучи приятно переливались, отражаясь в кристально чистых стеклах... И только Сольвейг балансировала на своем табурете, боясь опустить ногу на что-то чистое. Довольный собой, Арон окинул взглядом свое аккуратное жилище. Когда взгляд пал на чумазую бестию, радости в нем поубавилось. Но, мгновение спустя, он уже недобро улыбался, почесывая небритый подбородок. Сольвейг быстро смекнула — что-то сейчас будет...

Вернулся кузнец не скоро. Он был умыт, чисто выбрит и переодет. На спине он нес широкую деревянную кадку. Однако, бестии не было на виду. Бросив кадку рядом с табуретом, он оглядел пол, и не найдя следов, поднял глаза вверх. Она сидела на балке перекрытия, подобрав ноги так, чтобы нельзя было дотянуться. Покачав головой, кузнец принес ведра с водой, мыло и медный черпак.

— Слезай, мыться будем.

Она отчаянно замотала головой, давая понять, что не слезет.

— Тебе все равно придется слезть. Сажа впитает всю влагу с кожи, она высохнет и потрескается. Она будет чесаться и зудеть в самых разных местах. А когда сажа вьестся в кожу, тебя будет уже не просто отмыть. Ты понимаешь, что я имею в виду? Я уж не говорю о перьях...

Сольвейг, брезгливо поморщилась. Тело уже начинало чесаться и раздражающе подзуживать. Он был прав, на этот раз. Хотя она и не сильно любила воду, сделать это было необходимо. Вцепившись в несущую балку, она, скребя когтями соскользнула вниз, приземлившись на свой табурет. Он подал руку, забыв с кем имеет дело. Бестия, не знакомая с людским этикетом, вдруг оступилась, и рефлекторно вцепилась в его кисть. Он вскрикнул от неожиданности. Скулы вздулись от напряжения, а другая рука сжалась в крепкий кулак. Но он ее не ударил. Молча стерпев внезапную боль, он резко выдохнул, потом еще раз. Словно спуска пар наружу.

— Я не хотела...

Он схватился за ее кисть и жестом приказал молчать. Потом медленно, один за другим, извлек ее острые когти из своего тела. Присев на пол, он зажал раны здоровой рукой, и сидел так, пока боль не утихла. Сольвейг хотела прикоснуться к нему, но побоялась поранить снова.

— Я правда не хотела! — прошептала она, присев рядом.

— Верю, — процедил он сквозь зубы. И посмотрел ей в лицо.

Сольвейг смотрела на него, и впервые в ее лице он увидел, тень сострадания. Сострадание, у нее? Что-то новое в этом мире... Но, когда взгляд ее упал на рану, все переменилось. Его кровь уже просочилась сквозь пальцы и капала на пол. Кузнец терпел боль, но наблюдал происходящие в ней перемены с интересом. Как расширяются ее зрачки... как нервно поджимаются губы... учащается дыхание... Как умоляюще смотрят на него ее глаза.

— Черт с тобой, хуже уже не будет... На!

Он протянул ей раненую руку и отвернулся. Она мягко взяла его предплечье теплыми ладонями. Из пяти его ран сильно сочилась лишь одна. Прикрыв глаза, она мягко сомкнула свои горячие губы. Теплая, пьянящая кровь медленно наполняла ее рот, смешиваясь со слюной. Желание впитаться зубами было выше ее сил, и она слегка прикусила кожу. Смакуя его жизненные соки словно молодое вино, она не позволяла им протекать дальше. Наконец, она сделала первый глоток. Первый и последний... Она знала, что, попав в рану ее слюна свернет кровь и она остановится. А потому, взяла столько, сколько успело просочиться.

Тщательно облизав ранки, она нехотя отстранилась.

— У тебя очень вкусная кровь... но я взяла совсем немного.

Осмотрев тыльную сторону ладони, кузнец пошевелил пальцами и вздохнул.

— Ну взяла, и взяла... можно сказать — день прожит не зря.

Сольвейг опустила глаза виновато и присела на колени рядом с ним. Не рискнув

промывать ранки водой, он достал длинную льняную полосу из маленького сундука и плотно намотав на руку протянул ей. Сольвейг чиркнула коготком, и ткань разделилась надвое. Завязав крепкий узел, кузнец посмотрел на нее, с укором.

— Ну что? — спросил он беззлобно. — Мыться будем?

Она кивнула головой и тихо всхлипнула.

— ... это еще что? — нахмурился он.

Она отвернулась, чтобы не показывать наворачившихся слез.

— Зачем ты терпишь меня? Ты слышал, что сказал Хаук. Я редкая тварь!

Кузнец встряхнул чистое полотенце и пожал плечами.

— Ну и что?

— Я убиваю людей ради забавы... а ты возишься со мной. Почему?!

— А почему бы нет? — улыбнулся кузнец.

— Не играй со мной! Я хочу знать!

Арон нагнулся и потрогал воду в ведре.

— Ну вот... твоя вода совсем остыла. Я согрею еще, а потом, если хочешь, мы поболтаем.

— Скажи сейчас! — она схватила его за руку, но тут же отпустила, поняв, что снова оставила ранку.

— Позже, — тихо сказал Арон, облизнув проколотый палец. — Когда я вернусь. И постарайся не наследить тут.

Когда он ушел, Сольвейг залезла в кадушку с ногами и сжалась в комочек. Слезы почему-то текли и текли, хотя она не хотела плакать. Вот только было почему-то очень обидно. Не от чего-то конкретного, а так, вообще. Обидно и все...

Глава 8. Кровь на руках

Солнце светило в окно, в комнату то и дело заглядывали любопытные птицы, цепляясь за створки ставней. Теплый ветер порывами обдувал плечи и будоражил кончики крыльев. Кузнец брэнчал посудой где-то внизу. А она сидела и задавала себе вопросы, на которые не могла найти ответа.

Наконец, он вернулся. Разбавил воду и ни слова не говоря, полил ее плечи из черпака. Затем голову, спину и ноги... Вода была теплой и приятной. Присев рядом на табурет, он облил ее голову душистым травяным варом и запустил свои длинные пальцы в ее спутанные волосы. Она закрыла свои глаза и доверилась его сильным, надежным рукам. Она чувствовала, как они скользят по ее волосам, как старательно трут ее спину, и плечи. Как тщательно промывают каждый ее пальчик и коготок. Как мама делала это в детстве. Так же мягко, и почти любя.

Только вот когда его ладони касались груди, бедер или живота, ощущения были совсем другие. Он делал это с усилием, чтобы оттереть грязь. Но все же старался не сделать больно. От этого груди ее наливались соками, а внизу живота разливалось приятное тепло. То же самое чувство было когда он омыл ее в первый раз. Но тогда не было так спокойно... И не лень ему было мокрой щеткой вычищать каждое перышко на крыльях, а потом просушивать их чистыми полотенцами. Это тоже было приятно, и необычно. Закончив с крыльями, кузнец расправил их вширь, и окатил ее чистое тело остатками воды. Потом бережно, как ребенка, переставил дочь крылатых королей на чистый пол и насухо обтер полотенцем. Выплеснув грязную воду в окно, он составил все в угол и усадил ее к столу.

Когда он вышел в очередной раз, она встала во весь свой рост, и встряхнула влажные крылья. Растопырив послушные перышки, она сладко потянулась и замерла... Легкий ветерок продувал ее насквозь, напомнив радость свободного полета. Она представила, что снова парит в небесах, влекомая восходящими потоками. Не выслеживая врага, не пикируя с боевым кличем... а просто паря. Наслаждаясь полетом.

Открыв глаза, она вернулась на землю. Кузнец стоял, прислонившись к перилам, задумчиво разглядывая ее со стороны. В руках у него была все та же корзинка и закопченный котелок с чем-то вкусным. Сольвейг вдруг вспомнила, как сильно хочет есть. Солнце то уже перевалило за полдень, а ее еще не кормили...

— Твои крылья уже не болят?

— Почти нет. Но я еще не скоро встану на крыло...

— Чистой быть лучше, да?

— Да, — шепнула она. — А когда ты еще помоешь меня?

Он задумался на минуту...

— Когда от тебя снова начнет вонять.

— А если я замараюсь? — оживилась она.

— Я понял к чему ты клонишь. Ладно, если ты хочешь, будем мыться два раза в неделю.

А по вечерам я могу обтирать тебя влажным полотенцем.

— Сегодня тоже полотенце будет? — уточнила она.

— Будет, будет... вздохнул он. — Ты есть собираешься?

Она энергично закивала головой.

— Ну тогда садись, у нас поздний завтрак...

Сегодня кузнец приготовил густую мясную похлебку. Она была очень горячей, но на вкус просто изумительной! Есть ее ложкой было так непривычно, но почему — то весело. Когда она наелась, осталось еще больше половины котелка. И она обязательно доест все потом. С кузнецом... или без него. Чувствовать себя чистой и сытой было необычайно приятно. Она довольно раскинулась на софе, вдыхая запах свежего белья и еще влажных волос. Но чего-то все же не хватало... Она поднялась на локте и уперлась взглядом в кузнеца. Он сидел в своем кресле, сложив босые ноги на край стола и смотрел в окно.

— Как твоя рука, кузнец? — прошептала она.

— Почти не болит... затянется к утру, — задумчиво ответил он.

— Ты злишься на меня?

— Нет, не злюсь...

— Почему? Я ведь поранила тебя.

— Это не первая рана в моей жизни и далеко не последняя. — Он усмехнулся, глядя на нее.

— Тогда побудь со мной, — она подвинулась, уступая ему место на софе. — Ты теплый, и мягкий — это приятно.

— Что? — он покачал головой. — На сегодня ранений хватит. В другой раз, возможно.

— Тебе еще больно...

— Больно, — согласился он и снова взглянул на небо. — Мой отец всегда говорил, что боль — это часть жизни. Хочешь ты того или нет. Отвернись от нее, и она уйдет.

— Хаук тоже так говорил... пока я не подрезала ему крылья. Он меня никогда не простит...

— Да уж... Хаук оставил тебе письмо, — вспомнил кузнец. — Но не думаю, что там много хорошего.

— Где оно? — подскочила она.

Через минуту он вернулся с куском бересты в руке и протянул ей.

— Вот оно.

Схватив письмо, она бегло прочитала первую часть и глянула на кузнеца. Потом, уже более вдумчиво она прочитала написанное ниже. Выронив записку, она упала на спину и закрыла руками лицо. Она лежала так несколько минут, пока Арон, наконец, не спросил:

— Что там?

Она убрала руки от лица и медленно села.

— Они отказались от меня....

— Кто они?

— Мои родители... Нас осталось совсем мало, и отец хочет мира с людьми. Он запретил нападать на людей, но я ослушалась. Тогда он объявил, что убьет меня, если я ослушаюсь его еще раз. И я ослушалась...

— Ага, — кузнец кивнул. — Что же было потом?

Она посмотрела на него прохладно, думая стоит ли продолжать...

— Мы скрестили клинки. Я ранила его и готова была убить, но мать закрыла его собой... Я не смогла поднять на нее руки... и улетела.

— Даже так... — Он приподнял бровь. — Ты подняла руку на родного отца?

— Да. К том уже он мой король.

— И, они искали тебя?

— Нет... никто не отважился меня преследовать. Даже моя боевая подруга, с которой

мы бок о бок рвали чужие плотки. Она отвернулась от меня. Все знали, чем это кончится. Они просто изгнали меня... заочно.

— И как давно это было?

— Уже, наверное, третий год... я не помню. Сначала я упивалась свободой. Грабила караваны, разоряла села... Потом, когда стало нечего разорять, скиталась по свету, обретаясь там, где шла война. А когда войны кончились, поняла, что осталась совсем одна...

— Хм... хорошего мало. Не удивительно, что я принял тебя за гарпию.

— Да, в общем, я и опустилась до них. Разве что падаль не ела, и не бросалась дерьмом.

Она вздохнула так тяжело, словно на плечи ее опустилось небо.

— А теперь, мои старшие сестры жаждут меня наказать.

— И что ты намерена сделать? — ровно спросил кузнец.

— Я виновата, признаю. Но себя я убить не дам... Если сестры не отступятся, придется их уничтожить.

— Это все, что написал Хаук, или есть что-то еще?

Она бесцельно пожала плечами и отдала письмо кузнецу.

— Старик сказал, что будет молчать, пока я буду рядом с тобой. Но рано или поздно он приведет их сюда.

— Это очень великодушно с его стороны. Думаю, он не будет тебе мстить.

— Хаук всегда был мудр. Только зря он пытался учить меня... это вышло ему боком.

Она усмехнулась грустно и взглянула на кузнеца.

— Мне нельзя доверять, я хитра и вероломна. Ты можешь проснуться с ножом в горле, когда крылья совсем заживут.

— Все может быть... — кузнец пространно кивнул.

— Так почему ты возишься со мной? Почему не сделаешь как сказал Хаук?! Я знаю... у тебя хватит сил. В открытом бою мне долго не устоять.

— Я не хочу больше этого слышать! — неожиданно жестко оборвал ее кузнец. Он резко встал и, сдвинув свое любимое кресло, шагнул к окну. Затем обернулся. Его пронзительный, полный горечи взгляд поразил ее до глубины души, так, что сердце, вдруг, замерло на вздохе...

— Жизнь — это дар, — четко обрезал он. — Даже такая, как твоя.

Он схватил свое кресло, и шумно развернув к окну, рухнул в него.

Сольвейг еще не видела его таким раздраженным. Даже когда они дрались, он оставался спокоен. А сейчас, она боялась шуметь лишний раз. Он сидел у окна в нескольких шагах от ее софы, но даже отсюда чувствовалось как все кипит внутри него.

Прошло какое-то время. Солнце почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в багровый цвет. Стало прохладно. Арон неслышно встал и затопил камин. Запахло дымом и сухой корой. Он сел рядом, и положил ладонь на плечо Сольвейг. Она не спала, просто утопала в своих мыслях, которые хорошими назвать было трудно. Почувствовав его рядом, она открыла глаза. Какое-то время кузнец молчал, решая, стоит ли продолжать начатый разговор. Она так же молча ждала, давая ему возможность собраться с мыслями.

— Можешь считать меня дураком... но смерть не решает проблем. — начал он издали. — Мы живем в беспокойное время, в беспокойном мире, и, чтобы выжить, приходится убивать. Для пропитания, или для защиты... это не важно. Почти у каждого есть кровь на руках. И не имеет значения, убил ты курицу или целый народ — пути назад уже нет. Но, жизнь на этом не кончается. Вот что я хотел тебе сказать.

Она подобрала ноги под себя и села прямо напротив него, так чтобы смотреть в его глаза.

— Ты плохо представляешь, о чем говоришь, кузнец, — прошипела она. — Зря ты взялся меня учить.

Он склонил голову набок и грустно усмехнулся.

— А что ты знаешь обо мне, крылатая бестия?

— Ты кузнец! — заявила она. — Больше мне не нужно знать. Ты силен, но по натуре не боец.

Он погладил ее по руке, затем взял ее ладонь и наложил на свою.

— Эти руки никогда не желали убивать, но порой все складывается все не так, как должно бы быть.

Он сжал ее кисть, прислонил к своей груди, так чтобы она чувствовала биение его сердца. Кузнец прикрыл глаза, и сделал глубокий вдох....

— Впервые... я убил, когда мне было двадцать лет. В этот грустный день не стало моего отца. Чужие люди пришли с той стороны реки. Они решили поживиться добром, но в деревню сунуться побоялись. А наш дом стоит на отшибе, так уж у кузнецов повелось. Звон молота не всем по нраву. Они пришли среди белого дня, и попросили отца подковать лошадей. Он взялся за молот, и сделал свою работу. Когда он закончил — они убили его. Кинжалом под лопатку, в самое сердце. Но он был очень сильным человеком и пытался дать отпор. Это только раззадорило их... добивали его все вместе. Кто лопатой, кто киркой... что под руку попало. Но умирать он не желал. Он до последнего просил их одуматься, пока еще не поздно. И тогда они не обезглавили его... Так мне рассказали.

А потом они просто вытерли ноги о траву, быстро обшарили жилище, и сели на лошадей. Когда я вернулся домой, то нашел его там, внизу, у ворот кузни. Он был мертв и холоден, как синее небо, застывшее в его открытых глазах. Голова держалась на лоскуте кожи, на его теле не было живого места. Все вокруг было залито и забрызгано его кровью. И следы... много кровавых следов. В доме, в мастерской и на улице.

Там, на пригорке есть место, где растут цветы. Отсюда их видно. Попрощавшись с отцом в последний раз, я сжег его тело там... Он был не из этих мест. Всем говорил, что с севера, где живут белокурые люди с голубыми глазами. Очень далеко отсюда. Это не совсем правда, но люди поверили. Проводить его пришли все, до последней собаки. И когда он сгорел, я развеял прах над рекой и собрался в путь. Медлить не стал. Все, что я взял — это отцовский молот из кузни, фляжку воды и буханку хлеба. Никто из селян мне и слова не сказал, проводили в путь молча. Даже глаз никто не поднял. Ведь ни один из них ни пришел на помощь!

Глава 9. Рассказ кузнеца

— За все в этой жизни приходится платить. Так мир устроен, — кузнец тяжело вздохнул.

— Найти их следы не составило большого труда. Отцовские подковы оставляли четкий, характерный отпечаток на земле. Три дня и три ночи, я брел по конскому следу, не тратя время на еду и сон. К концу четвертого дня я их нашел. Набрел на лагерь, разбитый в низине, возле ручья. Просто подошел, и проверил копыта у лошадей. Там были те самые подковы. Еще совсем свежие, даже грязью не успели зарости... Тогда я взялся за молот. Хм... они вволю посмеялись надомной. А потом я всех убил.

— Сколько их было? — спросила Сольвейг.

— Их было восемь... Восемь здоровых мужчин. Я хорошо запомнил их лица, прежде чем бросил тела в огонь. Там и заночевал. А на утро пришли еще пятеро. Но разговаривать они не стали. Пришлось убить и их. Потом, я наконец поел. Набрал воды из ручья и собрался домой. Но увидел другие следы... Отец всегда говорил, что в жизни нельзя делать две вещи: предавать друзей и оставлять за спиной живых врагов. Недолго думая, я взял коня, оружие, и броню, снятую с убитых врагов. Я не был воином никогда, как ты и сказала. Сражения чужды простым людям, поэтому, я просто убивал тех, кто вставал на моем пути. Скитался почти месяц, пока не нашел последнего из убийц.

Там... было большое селение. Много женщин... дети, старики. Я шел по следу словно пес, учуявший запах, и вошел в дом, рядом с которым он обрывался.

— Чей это конь? — спросил я, и увидел молодую женщину, которая пряталась за спину седовласого старика. Это был неожиданный поворот... но я вытащил ее на свет. Девчонке было примерно столько же лет, сколько и мне на тот момент. Она тряслась от страха и рассказала мне все, что могла рассказать.

Отца убивали двое ее братьев. Один отвлекал, а другой бил кинжалом. Остальные уже были в пути, и только она видела это. Но ей приказали заткнуться. Их заело то, что он из северного народа. Как видишь, дома мне преподали все несколько иначе. Хотелось верить ей на слово, но жажда мести была еще сильна. Тогда старик заслонил ее собой.

— Ты убил их? — оживилась Сольвейг.

Кузнец закашлялся, и глотнул вина из бутылки, что стояла возле софы.

— Нет, в тот день никто не умер. Но я оставил ей шрам на руке, чтобы помнила. А когда собрался в обратный путь, старик дал мне еды в дорогу и довел коня до самого леса, под уздцы. Там были воины, и не мало, но никто не тронулся в след. Они молча стояли, провожая меня взглядом. И каждый думал о своем... Но злобы я не видел. Тогда я понял, что, в сущности, эти люди такие же, как и все. Живут как могут, только уклад и нравы немного другие. Наверное, не будь я так зол, мы могли бы сесть, поговорить... и все могло сложиться иначе.

На обратном пути, я без труда нашел всех, кого убил, и похоронил их тела. И в каждом из них я увидел чьего-то сына, мужа... или отца. Ненависть ушла. Остались только скупые слезы... сожаление и звенящая пустота внутри. Через день, я все же заметил, что кто-то идет по следу. Те люди отлично видели меня. Они держались довольно близко, но не пытались напасть.

Вернувшись домой, я, почтив память отца, сжег наш дом. Огонь очищает... Пламя тогда

пылало до небес. Люди пытались его тушить, но завидев меня, опускали руки. Я стоял рядом и смотрел до тех пор, пока последний всполох пламени не погас под дождем. А потом я отстроил дом заново, на том месте, где он стоит сейчас.

Прошел год, и жизнь вроде начала налаживаться. Но как-то утром пришел небольшой отряд с той стороны реки. Проехав через деревню, они направились ко мне. И я вышел на встречу, босой и без оружия. Как мой отец до этого. Во главе отряда стоял тот самый старик. Он слез с коня и поклонился до земли. Попросив прощения за своих недостойных сынов, он спросил, ни я ли предал их тела земле. Тогда я показал ему то, что покажу сейчас тебе...

Кузнец развязал узел и размотал бинт на раненой руке. Подвинувшись к свету, он согнул ее в локте.

— Вот, — тихо сказал он. — Смотри...

Сольвейг подалась вперед и пригляделась... множество зарубцевавшихся шрамов тянулись по его предплечью ровной чередой. Начинаясь от локтя, они пролегли через всю руку до самого запястья. Их было много, около двадцати, но он не дал сосчитать...

— Что это? — спросила она, уже зная наверняка.

— Это моя ноша. Здесь все, кого я убил за свою короткую жизнь. И память хранит лица каждого из них. Они не были безобидны. Не были слабы. Не были трусливы. Они умирали с оружием в руках и твердо стоя на ногах.

Скомкав бинт Арон кинул его в огонь, дождался пока он прогорит и продолжил рассказ.

— Мы почтили память мертвых, осыпав головы пеплом и заключили мир, в знак которого он предложил мне свою дочь. Ту самую, которой я оставил шрам...

— И ты согласился?

— Я не мог отказаться. Старик пообещал убить ее на месте. Принести в жертву, так сказать. В общем, она стала залогом шаткого мира... Взамен я отдал серп, выкованный отцом. Как назидание, в память об этом дне. И они ушли...

— Что с ней стало? Она жила здесь?

— Да, но не долго. Я не обижал ее и не держал силой. Она просто ходила как тень... а через месяц повесилась.

— Умерла?

— Нет, я вернулся в тот день рано, и вытащил ее из петли.

— Ты... был с ней? Ну я имею в виду как с женщиной, — уточнила крылатая бестия.

— Ну, она пару раз пыталась. Даже залезла однажды в мою постель. С ее стороны это был настоящий подвиг!

— И как?

— Боюсь я не порадую тебя подробностями, — Кузнец грустно усмехнулся. — Нет... тогда я не познал плоти. Сложно приласкать женщину, которая скрипит зубами от боли.

Кузнец замолчал.

— Что же стало потом?

— А потом, она стала жить там, в поселке. Люди, хоть и с опаской, но приняли ее в свой круг. Теперь все нормально.

— Почему ты не оставил себе женщину? — удивилась Сольвейг.

— Думаешь, легко жить с тем, кто убил родных братьев? Пытаться его ублажать сквозь слезы? И потом, я тоже не железный. Я сильный мужчина, она — красивая женщина. Это могло плохо кончиться.

— Я тебя поняла. Но меня бы это не остановило, — констатировала она.

— Временами, я жалел об этом. Но рад, что поступил так. Хотя... встречаю ее иногда, и дурные мысли всплывают в голове.

— А что было дальше?

— Ну, прошло семь лет, я встретил странного старика, подавшего мне шальную идею. А дальше ты знаешь. Встреча в поле и все что было дальше....

— Я с трудом верю в то, что ты рассказал. Особенно после того, как ты обошелся со мной. А еще больше я не понимаю, зачем мне все это знать!?

— Как бьется мое сердце? — спросил он, сильнее прижав ее ладонь к своей груди.

— Оно бьется спокойно. Но при чем тут это?

— Когда я нашел отца, оно отчаянно рвалось наружу. Но, когда я убивал тех людей... оно билось так же спокойно, как и сейчас.

Кузнец молча встал, взял с камина шкатулку и протянул ей. Внутри лежал длинный, грубо сработанный кинжал с обломанным кончиком. Лезвие его сохранило остатки засохшей крови. Она попробовала его на язык и содрогнулась.

— Очень странная кровь... как у тебя.

— Он пришел из далека, я же говорил...

— Я убивала белокурых людей с голубыми глазами, — огрызнулась она. — Говорю тебе, это странная кровь!

— Теперь ты знаешь кое-что и обо мне, — Арон забрал кинжал и убрал на место.

— Да, только зачем мне это? — повторила она свой вопрос.

Арон наклонился к самому ее лицу:

— А за тем, чтобы ты знала другую сторону медали! Убиваешь ты за правое дело, из мести, или забавы ради — разницы никакой! Кровь цвета не меняет. Умереть просто... Вопрос в том, как жить?

— И как же? — усмехнулась рыжая бестия.

— В мире, — и глазом не моргнул он. — Как богом дано.

— Ты сам в это веришь? — взревела она. — Напомнить кто я?!!

Она кинулась на кузнеца, сбив его с ног и подмяла под себя. Сжав его что есть силы, она выгнулась и ослабила зубы...

— Вспомнил, или сломать тебе кости?!

— Значит так ты хочешь прожить... безмозглым животным, сидя на цепи?

— Этого не будет! — яростно прошипела она, переходя на свист, и, наотмашь, ударила его кулаком. Длинная ссадина медленно проступила под его глазом. Веко дрогнуло, и нечаянная слеза скатилась по щеке...

— Хм... проснись! Мира он захотел!

Какое-то время кузнец с грустью смотрел на нее, потом, отвернулся. Больше он ни сказал ни слова. Когда поток брани и сомнительных аргументов иссяк, она, наконец, слезла с него. Он медленно встал, с хрустом расправив плечи, взял шкатулку с камина и ушел...

— Слабак! — кинула она ему вслед. — Бесхребетный тьюфяк! Ты — пища для таких как я!!!

Ночь была долгой. Ей снились людские тела, догорающие в костре, седовласый старик, с серпом в руках и молодой кузнец, роющий мечом могилы. Только волосы его были белыми, а глаза синими. Но, это точно был он. А вокруг стояли такие же беловолосые люди. Каждый с лицом кузнеца, от млада до велика. Их было ровно тридцать, по числу его лет. И каждый держал что-то в руках. По одному предмету из его комнаты.

Она же была одета в сияющую сталь и в руке ее был меч. Почувствовав рукоять в ладони, она ощутила уверенность и силы, бурлящие вулканом внутри. Было по — настоящему хорошо! Солнце играло на острых гранях... крылья не болели, а доспех совсем не тянул к земле....

Но, вдруг, что-то изменилось... теперь все они смотрели на нее. Меч резко потяжелел, и она увидела на нем кровь... Кровь была везде... на ее руках, на лице, брызгами был покрыт весь доспех, а ноги запачканы по щиколотку. В глазах каждого из стоявших читалось разное. Кто-то был зол, кто-то растерян, кто-то грустил... Алые пятна проступили сквозь их робы, окрашивая одного за другим. Они трогали себя, не понимая, что же это, смотрели на свои руки, испачканные в крови, и валялись замертво наземь.

— Это не я.... Нет! Это не я! — шептала она. — Я не могла... нет! Я не хотела...

Но они падали и падали, словно костяшки домино, а меч становился все тяжелей и тяжелей... Сольвейг держалась за него как за спасительную соломинку, пока не разжалась пальцы. Она пыталась поднять его, вырвать из сырой земли, но корни деревьев оплели его клинок. А потом, ратный меч превратился в прах... рассыпался на глазах в рыжую труху. А люди лежали на земле, медленно умирая и взгляд каждого из них был обращен к ней.

— Но это не я! — хрипела она оправдываясь. — Я не делала этого!!!

Дева кинулась к кузнецу, который копал могилу, но он не услышал ее. Его израненные руки горсть за горстью выгребали землю из ямы... Он снова брался за меч, и остервенело вонзал его в вязкую сырую землю. Она пыталась дотянуться до него, но не могла... убегала прочь, но каждый раз возвращалась на то же место. А он все копал и копал, а на локте его проявлялись свежие кровавые шрамы... Земля была грязна, но руки его оставались чисты, хоть и кровоточили... а одежда его — белоснежна.

Сольвейг заглянула в яму, и голова ее закружилась. Кузнец стоял по колени в крови. Но когда он наклонялся, она уходила в землю, не оставив от себя и следа... Ноги подвели ее, стали ватными, и она полетела вниз, беспомощно хлопая крыльями. Теплая бурая жижа поглотила ее. Она ощущала знакомый вкус на своих губах и все нутро от этого рвалось наружу. Ее выворачивало словно бурдюк. Хотелось кричать, но она не могла.

Цепляясь за скользкие стены Сольвейг, пыталась встать, но все было зря. Она падала снова и снова, утопая в кровавой жиже. Она пыталась звать кузнеца, но от чего-то не могла вспомнить его имя, хотя знала его наверняка. Она вдруг подумала, что это кошмар и нужно проснуться... но ничего не менялось. Сольвейг била себя по лицу, но и это не помогало. Когда силы наконец оставили ее, дева посмотрела вверх, в пьянящее высотой, голубое небо. И вспомнился вдруг родной дом. Сильные руки отца и светлый лик матери, сияющий добротой...

— Простите меня все... — прошептала она, и опустив руки, безвольно погрузилась на дно.

Бурая густая жижа, хлюпая и пузырясь поглощала ее окрыленное тело.

— Вот и все, — сказала она себе. — Такой вот, красочный конец....

Но вдруг, когда Сольвейг окончательно отчаялась, чья-то сильная рука схватила ее за шиворот и выдернув из смердящей тленом могилы, опрокинула на живот... Рвотные массы хлынул наружу, освободив глотку. И она снова смогла дышать!

Жадно глотнув воздуха, дева подняла глаза, и увидела кузнеца. Он крепко держал ее за плечи, опустив головой вниз. Лицо его было хмурым, но сам он, будто светился изнутри... Неярким, мягким светом, словно затухающая восковая свеча, оставленная на окне, в лучах

утренней зари.

— Прости и ты, не моя это вина... — хрипло прошептала она.

— Не твоя... — успокоил он ее. — Не твоя....

К утру следующего дня Сольвейг пришла в себя. Кожа ее была бледна, а по телу гулял мороз. Лежа под кипой одеял, она никак не могла согреться. Небо было пасмурным и моросил дождь. В комнате не было никого, окна были закрыты, а у кровати стоял пустой медный таз, и тряпка с ведром. Где-то внизу позвякивала посуда и вкусно пахло едой. Когда она проснулась в следующий раз, котелок уже стоял на столе, рядом с ней. Кузнец тоже был недалеко. Он поправлял тлеющие дрова сидя у камина. Заметив, что она проснулась он ни сказал ни слова.

— Прости меня, — снова прошептала она. — Я не умею по-другому.

— А хочешь? — мягко спросил он.

— Хочу... наверное, — прошептала она и слезы покатались с ресниц.

Кузнец выглядел жутко усталым. Он не спал уже сутки и валился с ног. Присев рядом, он пощупал ее лоб.

— Тебе надо поесть, — сказал он так же мягко.

Арон помог ей сесть и налил в глиняную миску содержимое котелка. Трясущимися руками, Сольвейг пригубила ее и, пряный, дымящийся бульон смягчил ее пересохшее горло. Тепло медленно разлилось по нутру. Сначала согрелись ноги, потом потеплело в плечах. Вскоре на лбу проступил мелкий пот. Прикончив почти весь котелок, Сольвейг блаженно завернулась в одеяла и снова прикрыла глаза...

— А ты светишься в темноте...

Арон пощупал ее лоб еще раз, он был горячим. А тело ее трясло мелкой дрожью.

— Ты еще бредишь.

— Нет... — прошептала она. — Ты светишься....

Арон потянулся устало. Кризис видимо миновал, бестию больше не рвало. Хорошо, что ночью была гроза и никто не слышал ее икотного рева. Пришлось здорово попотеть, чтобы удержать ее в беспамятстве, особенно, когда она задышалась. Сколько же было потрачено сил...

Накормив валькирию, кузнец тоже поел. И теперь глаза его сами собой слипались. Дождь монотонно стучал по крыше и ставням, солнце и не думало выглядывать из-за туч. Как же хотелось спать! Скинув на ощупь свои сапоги, Арон избавился от сорочки, будто веревкой, сдавившей его грудь, и повалился на софу, уснув раньше, чем голова коснулась постели...

Дрожащая, Сольвейг, выкинула подушку из-под его головы и не слишком бережно подтянула парня к себе под одеяла. Было очень приятно прижаться грудью к его теплой спине, а руками обнять сильное тело. Согревшись живой теплотой, она перестала дрожать. Вдыхая слабый аромат его чистой кожи, она забылась спокойным сном.

Глава 10. Слезь с меня

Арону не приснилось ничего. После тревожной бессонной ночи, он не уснул, а упал в бездонную яму. Общение с валькирией само по себе стоило огромного труда. Только одно то, что она ходит голой, постоянно сбивало с мыслей. Он то и дело ронял взгляд на ее выдающиеся прелести. А они, к слову, были куда крупнее чем у обычной женщины. Когда настроение ее менялось соски твердели, грудь набухала. На простынях и мебели то и дело возникали влажные следы от ее промежности. При его немалом росте, она, все же была на голову выше. Но пропорции оставались неизменны, разве что ноги длиннее... А значит и грудь ее и бедра и... все что прилагалось к ним не могло оставить его равнодушным. Ровно, как и ее необычная кожа и крылья за спиной. В довершение ко всему скверный, взрывной характер, смешанный с высокомерием и грубостью... Однако, она прекрасно понимала, что пока не может обходиться без него. И сей аргумент многое смягчал в отношениях.

Но, сейчас ему было хорошо. Просто замечательно. Он спал и не хотел думать ни о чем. Мысли прочь, и сны тоже! Только тьма и тишина. Только вот что странно... хорошо ему было не так как бывает во сне. Как-то по-другому... и не там, где надо бы. Совсем не там! Арон попытался открыть глаза. Но не тут-то было — веки слиплись! Пришлось потереть пальцами, что немного помогло. Разлепив ресницы, он не сразу проморгался. Болело почти все, что не онемело от долгого лежания на спине. Кто-то нежно поглаживал его по груди. Он привстал... и увидел валькирию, оседлавшую его нагое тело. На ее лице отражалось блаженство, крылья чуть трепетали на весу, а грудь мерно вздымалась в такт дыханию... Это ее когтистая рука скользила по его коже.

— О... ты уже проснулся? — томно прошептала она. — Жаль... совсем не хотела тебя будить.

Арон быстро прогнал остатки сна, нащупал на полу подушку и сунул себе под голову.

— Удобно? — спросил он.

— Молчи... — она прикрыла пальцами его рот. — Не шуми сейчас!

Арон чуть не подавился! Или за ночь мир переменился, или, он, что-то важное проспал.

— Я хочу доверять тебе, Арон... а это не просто, дружок.

Она впервые назвала его по имени, что странно само по себе.

— Не дергайся, и все будет хорошо, — успокоила дева в свойственной ей манере. — Я не стану тебя калечить. И я... благодарна за эту ночь. Я думаю, что мы квиты с тобой.

Слово "благодарна" далось ей с трудом... Арон не поверил своим ушам. Голос разума? И от кого?!

— Ладно. Хорошо. Может быть, ты слезешь с меня теперь? — Вчерашний неприятный осадок еще не оставил его, засев глубоко в душе.

Она снова прикрыла его рот рукой.

— Нет, нет, нет... — прошептала она нараспев, хитро улыбаясь. — Только не сейчас....

И тут, онемевшее тело Арона, отойдя ото сна, решило подать знак! Древко мужского копья невольно дрогнуло, и он понял, что ни только праздная прихоть удерживает ее грозное тело на его бледных бедрах...

— Ага.... - игриво подмигнула она. — Может, приласкаешь меня?

— Ты!!? — Возмутился он, не найдя других слов.

— Тише, милый, не нужно лишней суеты...

Она пикантно прогнулась в спине, и он ощутил, как сжимаются ее крепкие ягодицы. Потом втиснула под себя длинные пальцы, подтянулась, и Арон ощутил их прикосновение на себе.

— Еще немного... — довольная собой, сообщила она. — Все разговоры потом.

Какое-то время она, томно вздыхая и покачивая бедрами, продвигала в альковах своего горячего тела его упрямую плоть. Достигнув желаемого результата, она расплылась в жутковатой, но довольной улыбке.

— Ну вот... — бестия извлекла когтистые пальцы из-под себя. — Теперь говори.

Пока Сольвейг довольно скалилась, Арон весьма недоверчиво разглядывал ее.

— Слезь с меня... — сказал он спокойно и строго.

В ответ, она просто пожала плечами. Арон пытался встать, но она прижала его к постели, схватив за запястья. Он хотел встать снова, но она опять помешала. Кузнец ухватило сил сдерживать свое раздражение. Недавний конфликт запал в душу сильнее чем обычно. Довольная улыбка не сползала с лица девы. Удерживая его руки, она прижала их к своим коленям. Глядя в его глаза, она старательно описала круг своими бедрами... Сильный инструмент кузнеца, невольно отозвался. Тогда, она сделала это снова, оценивая свои ощущения... Подавшись влечению, она несколько раз повторила движения...

— Не думала, что будет так приятно... без цепей.

— Ну надо же... — вздохнул Арон удрученно, — Какое откровение...

Она отпустила его руки, и легонько провела коготками по отмеченной шрамами груди... от плеч, до предмета ее наслаждения.

— Это от меня? Твои шрамы...?

— По большей части, — признал Арон.

— Было очень больно?

— Когда не ждешь... всегда больно.

— Жаль... — вздохнула она. — Ты такой ранимый.

— Подпустил близко... да и когти твои острее обсидиана.

Она бегло осмотрела свои коготочки, и довольно кивнула.

— Да, этого не отнять.... Но, если ты хорошо попросишь, я попробую их затупить.

— С чего это!?

— Скажем так... — она задумалась — Ты вкусный... но сильный. Это так необычно. Не хочу, чтобы ты меня боялся.

— Хм... вот это аргумент! Не то что бы я тебя боялся... но идея хорошая. Ты это в серьез, или так, слова на ветер?

— Хм... я ж не рискую, все равно отрастут. Но могу и передумать...

— Ну что ж, по крайней мере ты с меня слезешь. Вперед! Точильный камень внизу и он весь твой.

Глядя на то, как она мысленно прощется со своими ровными, отточенными когтями, кузнец не смог сдержать улыбки. Внутри этого крылатого монстра с ангельскими чертами, все-таки что-то расцветает...

— Расслабься... камень я тебе не доверю. Сломаешь, чего доброго... — его взгляд снова стал мягким. — Я подумаю, как с этим быть.

Сольвейг воссияла, почувствовав эту перемену, и распласталась у него на груди.

— Тяжело тебе меня терпеть, да?

— А тебя это беспокоит?

— С недавних пор... сама удивляюсь.

— Правда? — удивился кузнец.

— В моей жизни не было столь... тесных контактов со смертными. Может, стало интересно...

Ее бедра пришли в движение а волосы, едва собранные в пучок, расплелись... Она дернулась, предвкушая наслаждение.

— Какие странные ощущения... почему я дрожу? Какие приятные волны по телу... Так и должно быть?

— Думаю, что да, — предположил кузнец.

— Ах, ты же затворник, а я и забыла, — прошептала она с ехидцей.

— Сейчас не лучшее время для этих игр! — твердо сказал Арон, — Оставь это до поры.

— До какой поры?

— Пока когти не укоротишь! — быстро нашелся он.

— А вдруг я не захочу потом? Или забуду... — она закатила глаза и деланно зевнула.

— Я напомню, — сказал Арон, тоном, не терпящим сомнений.

— Даже так? Хм... — она вздохнула разочарованно. — Раньше ты был куда охотливее.

Или может дело в цепях? Тебе так больше нравится?

— Дело в тебе. Реши, какой голод тебя больше мучит. А там видно будет, зверь ты или кто еще.

— Ну ладно... как знаешь.

Сольвейг пожала плечами, сладко потянулась и, давая свободу плоти, нехотя выпустила его из себя. Пару дней спустя, когда разомлевшая бестия проминала кушетку, кузнец пришел к ней с котелком воды и ящиком инструментов.

— Ну, давай, что ли, свои руки.

— Зачем, — удивилась она?

— Человека из тебя делать будем. Частично.

— Ах, человека? Ну попробуй...

Она небрежно откинула руку в его сторону, с любопытством, поглядывая, что будет.

Первым делом, Арон внимательно осмотрел ее пальцы. Хотя когти и звенели, словно железные, но имели волокнистую структуру, и сделаны были явно не из металла. Вернее, выращены, ведь, они отрастают, как сказала бестия. Самой острой частью был маленький крючковатый изгиб на кончике когтя. С него-то и решил начать кузнец. По началу дело плохо продвигалось, держать ее крепкую руку на весу было неудобно, и хотелось зажать ее в тиски, но бестия вела себя на удивление кротко и, главным в этом деле оказалось усердие.

Так как обрезать коготь не получилось, пришлось сточить. Маленький точильный оселок превосходно подошел для этой цели. Он медленно, но, верно, снимал мелкую стружку с ее когтей. Не прошло и часа, как руки, а потом и ноги бестии, благополучно перестали быть источником проблем. С ногами все было еще сложнее. К общему удивлению, оказалось, что бестия боится щекотки. Процесс протекал весело, но опасно.

— Все! — выдохнул, наконец, Арон, — пользуйся.

Сольвейг бегло оглядела когти и попробовала вспороть подушку. Но ничего не случилось. Теперь у ее острых когтей были аккуратно заоваленные кончики. Хотя короче они и не стали.

— Хм... неплохо. Но все равно ненадолго, — констатировала она.

Взвесив ее слова, Арон вручил бестии оселок и котелок для дальнейшего пользования.

— М... да? Не думаю... — усомнилась она.

— Ничего, привыкнешь. Будет чем убить время.

Фыркнув, она поставила котелок на пол и задвинула его под софу.

— Ну что, теперь ты доволен?

— Еще нет. Давай, что ли, проверим...

Арон, чуть поразмыслив, повернулся к ней спиной.

— Пробуй.

Бестия провела когтями вдоль его хребта... тонкая льняная сорочка осталась целой.

— Ну как? — прошептала она.

— Меня это радует, — честно ответил кузнец, так же тихо.

В ответ на это Сольвейг подтянула его к себе и обняла, словно новую плюшевую игрушку.

Нежность, с ее то стороны? Мягко говоря... это ново. Подумав немного, Арон решил не противиться. Во-первых, потому, что не хотел портить ее порыв... и потому, что это все равно бесполезно. А во-вторых... попался — терпи!

Глава 11. Он уходит

День прошел спокойно. Кузнец позвякивал железьяками у себя в мастерской, селение за окном кипело своей жизнью, а валькирия бесцельно валялась на софе. Крови ей, конечно, никто не дал, но кое какая еда на столе стояла. И вино, опять же... Она думала про себя, что легко могла бы привыкнуть у такой жизни. Мягкая постель, вкусная еда, свежий воздух и просторная комната ее вполне устраивали. Без своих доспехов она была нага. Другой одежды то, кроме лат у нее никогда и не было. Только в детстве. Но здесь, она чувствовала себя комфортнее без облачения. Иначе, как бы она чувствовала дуновение ветерка, или прохладу простыней... И потом, она все равно не может пока улететь отсюда. Почему бы не насладиться моментом!?

Обретаясь в тишине, дева как-то вдруг осознала, что давно вот так не оставалась наедине с собой. Не было времени подумать. Погонять приятные мысли в голове, помечтать... Само это слово "мечтать" не всплывало в ее памяти лет этак сорок. А то и более. Странно, но грезы гнать от себя совсем не хотелось. Она думала о доме, где не была очень давно. Об отце с матерью, о друзьях, которые у нее, кажется, когда-то были. Она не помнила их имен, но они точно были! Она же не придумала ... она их точно знала!

Знала... потому и убила — напомнила память безжалостно. Воспоминания нависли над ней черной тучей, словно желая раздавить своей тяжестью. Но она вовремя открыла глаза. Это был только сон... наваждение. Хотя дева не помнила, когда задремала. За окном уже стемнело. Остался только неприятный осадок в душе, потому как события минувших дней, хоть и были далеки, но оставались явью. Вскоре нижняя ступенька скрипнет, и на лестнице послышатся знакомые шаги. Как же она ждала их весь день! Запах этого человека, его голос, взгляд, которым он смотрел на нее... Строгий, но теплый одновременно. Как у отца... только он смотрел на нее так, когда-то очень давно. Его сильные, натруженные руки, грубые, мозолистые, но такие желанные... Как хочется ощутить их на себе...

Сольвейг знала кто она есть. Без иллюзий и оправданий. Врать себе бесполезно, потому как ты сам и судья, и красноречивый свидетель. То, что случилось с теми, кто окружал ее, когда-то, добивался руки, пытался усмирить, или просто верил в лучшее, любя и прощая, уже свершилось. Этого не вернешь, не исправишь. Но он — кузнец, он очень сильный и духом, и телом.... Он не позволит ей навредить.... Он сможет защитить себя от нее. И она очень хотела в это поверить. Ведь иначе не сможет простить себя в этот раз, смириться с проснувшейся вдруг совестью и странным, томным чувством, горячим угольком, тлеющим в ее душе. Она — бесчувственная бестия, нежданно ощутила потребность заботиться о ком-то, переживать. Так странно....

Ну вот... скрипнула дверь и послышались шаги. Сольвейг села на постели и томно потянулась. В руках кузнеца была корзинка. Но не с едой. В ней было нечто иное. Она сразу почувствовала чужой, непривычный запах. Какое-то время кузнец просто стоял созерцая ее задумчиво. Затем, поставив корзину на пол, присел на одно колено.

— Я уеду на несколько дней, — начал он негромко. — Может на два, может на три дня. Думаю, не дольше. Ты, конечно, останешься здесь.

Сольвейг молча кивнула, слушая его.

— Так вот, чтобы не было скучно, я принес тебе кое кого на замену. Ты готова?

Она пожала плечами.

— Ясно, — вздохнул он. — Все равно, рано или поздно придется начинать...

Он откинул ткань и наклонил корзинку вперед. На свет тотчас выкатился маленький пушистый комочек с дрожащим хвостом и глупыми, растерянными глазками.

Бестия рефлекторно скрипнула сточенными когтями об пол.

— Это что... кошка!?

— Котенок. Маленькая беззащитная тварь, которой холодно, страшно и безумно одиноко.

— Ты это серьезно? Скорми его кому-нибудь, и дело с концом! — прошептала она раздраженно.

— ... другого я не ждал.

Кузнец присел и вытащил животное из-под стола, куда оно успело забиться.

— Посмотри на него. Ничего не замечаешь?

— Бесплезная тварь. Только и всего.

— Вот именно. На тебя похоже. Только меньше... слабее и глупее. Возьми его, только осторожно.

Сольвейг не слишком деликатно взяла животное в руку, и тут же вскрикнула. Бедный котенок вцепился в нее семи четырьмя лапами. Она тряхнула рукой, но стало только больнее.

— Мне больно! — возмутилась она, на сколько могла громко.

— Еще бы... ты отнеслась к нему небрежно. А он держится за жизнь, как умеет. Давай сюда.

Кузнец аккуратно отцепил котенка и положил его Сольвейг на колени, постелив плед на ее голое тело. Немного повозившись, котенок свернулся клубочком и заурчал.

Сольвейг застыла, сконфуженно растопырив руки.

— И что? Он теперь спать тут будет?!

— Вероятно, да. Он доверился тебе и это... хороший знак. Теперь ты за него отвечаешь.

— Ты это серьезно?

— Вполне. Ну, не навсегда, конечно. Потом я оставлю его себе. Жить одному грустно, а он скрасит мои будни.

— А я...? — Вдруг спросила Сольвейг, — Разве я не скрашиваю твои дни?!

Кузнец вздохнул удрученно. Взглянул в газа крылатой девы, а потом на небо за окном. И от взгляда этого у нее в душе что-то не слабо дрогнуло.

— Мы оба, ты и я, не знаем, что будет дальше. Близится час расставания. Скоро заживут твои крылья... и след твой простынет. Если раньше мой дом не спалют селяне...

— Да... — она опустила глаза. — Это возможно. Уж так я устроена, знаешь ли. Но такой как прежде мне не стать... А могу я остаться, если вдруг передумаю? Ты... разрешишь мне вернуться сюда? Пусть не сейчас, но когда-нибудь?

— Да, наверное, — сказал кузнец. — Я буду рад, но... ждать тебя не буду. Возможно, скоро и самого меня тут не будет. Люди уже не те, и грустные мысли в моей голове — частые гости. Здесь, кроме праха отца, меня ничто не держит. Похоже, пора двигаться дальше. А то жизнь так и пройдет на одном месте.

— И... куда ты пойдешь? Я найду тебя там, позже!

— Вряд ли. Есть место, куда я давно хочу отправиться, но все не наберусь смелости. Можно сказать, там святилище моих предков. Ты знаешь, я не из этих мест. Я был там с отцом несколько раз. Но после его смерти, я там не появлялся.

— Туда ты поедешь?

— Да, — ответил он. — Но не сразу. Это опасно, нужно подготовиться. Дорога лежит через горы. К скалистой бездне.

— Туда!? Ты умом тронулся? Даже я там никогда не летаю!

Кузнец улыбнулся устало.

— Думаю, ты никому не скажешь... — усмехнулся Кузнец. — Я знаю иную дорогу. Она ведет на самое дно бездны... Она так глубока, что если днем из нее посмотреть на небо, то видно звезды.

— Но зачем тебе туда? Разве тут плохо... со мной, пока я не улетела.

— Это связано и с тобой тоже. Мне нужно кое-что сделать. Я не могу работать тут. Сделать задуманное в моей кузне практически невозможно. Но там есть место, которого нет нигде.

— И что там... в том месте, чего нет здесь? — взволновалась Сольвейг.

— Я не могу сказать тебе. Ты не поймешь просто... посчитаешь меня ненормальным.

— Я и так считаю, — заявила она. — Но меня это не смущает! Что там, наверняка магия? Наследие твоих предков, или их духи?

— Это огромная тайна! — Кузнец грустно усмехнулся.

— Я умею хранить тайны! Хочешь, скрепим договор кровью?

Она вскочила, уронив котенка на пол. Но кузнец вовремя поймал животное и посадил к себе на колени. Облизав поцарапанный палец, он жестом приказал Сольвейг сесть. Но она не повиновалась.

— Хорошо, хорошо, — сдался он. — Ладно! Считаю, что так.... Предки оставили мне волшебный молот и.... адское горнило. Но они на столько мощные и опасные, что пользоваться ими могу только я и только на дне скалистой бездны. Любой, кто прикоснется к ним тут же умрет. Там, на дне, живут безмолвные стражи. Меня они знают и помнят, ведь я сын своего отца. Но любого другого они испепелят в мгновение ока.

— Вот как? Кажется, ты не врешь. Жаль... — вздохнула она удрученно. — Но, раз так надо...

— Надо, — улыбнулся он мягко, — Я не задержусь долго. Главное не обижай зверя, и корми вовремя.

— А кто же накормит меня?

— Об этом я уже позаботился. Для кота — бутылка кипяченого молока в погребе. Больше он ничего есть не станет. Ну а все остальное для тебя. Главное, не показывайся никому на глаза...

— Да, да... не шуметь в окна не выглядывать, двери никому не открывать.

— Все верно, — одобрительно кивнул он.

— Когда ты уйдешь?

— Завтра, на рассвете. Путь предстоит не близкий. В деревне я уже предупредил кого нужно. А твой старый друг обещался приглядеть за домом издали, если что.

Она осторожно приподняла котенка и положила поближе к себе.

— Я... позабочусь о нем для тебя. Хотя это и не привычно, но... я постараюсь.

— Хорошо. Сделаешь мне одолжение. И... еще одно.

Кузнец достал из кармана небольшой предмет причудливой формы. Толи браслет, толи ремешок из прозрачного тонкого материала. В любом случае, для украшения, вид у него был мало привлекательный.

— Это тебе. На всякий случай.

— Зачем?

— Если вдруг что-то случится — я узнаю. С этим браслетом, я смогу тебя найти. Отец делал так, когда я был маленьким. У меня есть такой же.

Он показал ей свою руку, и дева смогла разглядеть на коже причудливое переплетение тончайших золотистых нитей под еле заметной матовой пленочкой на его коже.

— А что может случиться? — искренне удивилась она.

— Не важно. Думаю, ничего, но мне так будет спокойнее.

— Ну, хорошо...

— Его можно носить на руке или ноге. Нет разницы. Но, когда я его застегну, снять ты его не сможешь. Сначала будет немного неприятно, но это быстро пройдет. Когда я вернусь, мы его сразу снимем. Если ты захочешь, конечно. Хорошо?

Сольвейг пожалала плечами и уверенно протянула запястье.

— Не бойся...

Кузнец сжал ремешок в кулаке, потом хорошенько размял его в руках и посмотрел на Сольвейг.

— Замри и не дыши! — приказал он.

Она повиновалась. Взяв деву за руку, он осторожно положил ремешок ей на запястье. Странная, теплая от его рук диковинка просто лежала, на коже. Однако кузнец ждал. Спустя несколько мгновений, Сольвейг ощутила неприятное покалывание и в этот же миг странный ремешок пришел в движение. Словно голодная сколопендра, он сделал виток вокруг руки и сильно сжался! Сольвейг вскрикнула, но кузнец мягким усилием удержал ее пальцы в своей ладони. И правда, как он обещал, пощипывание прекратилось... браслет ослабил хватку и стал почти не ощутимым. Он медленно растекся по коже и принял ее очертания. После чего, тая на глазах, стал совсем прозрачным... если не считать тонких, причудливо переплетающихся нитей внутри него.

— Уже все? — спросила она доверчиво.

— Все, — кузнец осмотрел запястье и выпустил из своих рук. — Не мешает?

— Нет, — улыбнулась она. — Но это так необычно. Станный подарок, но все равно приятный.

— Ну что ж... пока тебе есть чем заняться. А мне нужно собрать кое-что в дорогу.

Забрав с собой пустую корзинку, кузнец встал. Оглядевшись по сторонам, он направился к лестнице.

— Арон...

— Да? — кузнец остановился на пол пути.

— Ты не мог бы... согреть воды?

— Воды?

— Да. Я хотела бы....

— Хорошо, — кивнул он. — Сейчас согрею.

Глава 12. Возьми меня нежно

Когда кузнец ушел, крылатая дева погрузилась в свои мысли... Маленький пушистый комочек сладко спал на ее коленях, то и дело тихонько мурлыча. Несколько раз кузнец поднимался наверх, тщательно выбирая что-то из своих непонятных вещей. Сложив их в сумку, он снова убежал. Сольвейг лишь провожала его грустным взглядом, ни подавая ни звука. Человек выглядел спокойно и сосредоточено, но свою тревогу все же не мог скрыть. Она чувствовалась во всем. Через какое-то время, закончив сборы, он поднялся наверх. Хотел сказать, что вода согрелась, но рыжеволосой девы не застал. Проверив окна, и осмотрев балки под потолком, он спустился вниз по лестнице. Заглянул на кухню и в кузню... Но ее нигде не было. Осталась только маленькая дверка в укромном уголке. Он толкнул ее ногой, но дверь оказалась закрыта изнутри. Решив, что Сольвейг хочет побыть в одиночестве, Арон не стал мешать.... Проверив все еще раз, он прислушался. В доме было тихо и спокойно, если не считать ветра за окном. Самое время....

Тихо обойдя ступени, ведущие наверх, он поддел ножом половицу и потянул за кольцо, спрятанное под ней. Что-то под полом глухо щелкнуло и перед лестницей проступили очертания люка. быстро встав, кузнец открыл его. Лестница что вела на верх, теперь вела и вниз. Только ступени там были каменные, если не сказать бетонные. Они были ровными, пыльными и уходили далеко вниз. В полумраке подпола виднелась площадка и еще один марш, уходящий куда-то влево, и еще глубже. Сложив сумки на ступени, кузнец тихо закрыл люк, и, встав на него сверху, слегка подпрыгнул. Под полом снова что-то сработало и люк словно исчез, оставив после себя ровный, ничем не примечательный, дощатый пол.

Довольный собой, кузнец взглянул в окно. Небо уже темнело. Сумерки опустились на горы. Кинув взгляд на маленькую дверку, он ушел. Вернулся намного позже, уже чистый и отдохнувший. Подойдя к дверке, он тихонько постучался. С той стороны щелкнул маленький засов, и дверь приоткрылась. Вошел он не сразу. Осторожно толкнув дверцу, спустился вниз. Глаза не сразу привыкли к полумраку.

— Ты пахнешь мылом. Решил освежиться в дорожку? — прошептала она из-за спины.

— Да... так крепче спится.

— Хорошо... — она плавно опустила крылья поверх его плеч. — А где же цепи и моя мягкая подстилка?

— Их нет.

— Жаль....

Он почувствовал, как ее когтистые пальцы обнимают его грудь.

— Жаль?

— Ну, здесь ты овладел мной впервые. Хотя, нет... Впервые это было, кажется, в поле. Помнится я хотела тобой поживиться.

— Я не горжусь этим.

— Почему же? — переменилась Сольвейг. — Я сильный и опасный, противник. Хорошо, что твой голод оказался сильнее моего. Я стала твоим трофеем. И этим трофеем, ты мог бы владеть безраздельно... Стань ты моим трофеем, поверь, я бы не стала стесняться. Все же удивительно, как смертный человек, может так резко сломить, подавить волю, вселить страх... Окунуть в дерьмо, с головой, а потом выдернуть на свет божий и отмыть от того, что налипло за целые годы.

К чему ты клонишь? — с опаской осведомился кузнец.

— Правда не справедливо? Ты оставил мне жизнь. А взамен получил только боль и свежие шрамы.

— От добра — добра не ищут, — усмехнулся он.

— Не думай, что я изменилась. Стала мягкой... податливой. Все может вернуться. Уже завтра, мы можем снова стать врагами.

— Поживем — увидим. Я в тебя верю... — сказал кузнец просто.

— Но я себе не верю! — прошипела она у него над ухом.

— Так чего же ты от меня хочешь? — осведомился он устало.

Она сжала его в своих объятиях, и прошептала:

— Не хочу, чтобы завтра наступило....

Она всхлипнула у него над ухом, как обиженная девчонка, и ее горячая искренняя слеза скатилась по его щеке.

— Ничего, ничего... — он погладил ее по руке, — Поверь мне, все образуется — дай только срок.

— Тебе легко говорить... ты вон какой. Так и светишься. А я....

— А ты, просто другая, и смотришь на мир, тоже по-другому, — прервал он ее мягко.

— Думаешь?

— Знаю.

— А если я снова стану тварью? Ты прикуешь меня, если поймаешь?

— Там видно будет, — резонно заключил он. — Но убивать точно не стану. Обрежу крылья к чертовой бабушке, и одежду носить заставлю!

Сольвейг надсадно засопела и прижалась к его спине сильнее.

— Отрежь сейчас! — взмолилась она.

— Нет!

— Я тебя умоляю! Иначе совсем скоро, я улечу отсюда и одному богу известно, что дальше будет. Я так не хочу!

— Нет! — оборвал он ее резко. — Что дано тебе свыше — дано не случайно. В свое время все на места встанет...

— Ну, тогда... возьми хотя бы мое тело. Оно тянется к твоему теплу...

Кузнец не поверил своим ушам. Конечно, чего греха таить, ее тело его волновало. Сама она, одним фактом своего существования, породила в нем бурю желаний и предчувствий. Но... он не ожидал столь смелого признания с ее стороны.

— Сольвейг... — начал он, подбирая слова.

— Да?

— Пойми, я не игрушка. Ты ранишь даже, не желая того. Сейчас ты одна, а через минуту — уже другая. Я не слишком преуспел, в обращении с женщинами... ты знаешь. Но дело даже не в этом.

— Что не так? Во мне дело?

— Прости, но... что, если в порыве страсти, ты вспомнишь кто ты есть? Что если потеряешь контроль над собой? Твое настроение и так меняется слишком часто.

— Да, — согласилась она. — Здесь ты прав. У тебя не будет шансов. А я... наверное не смогу простить себя за это.

— Вот видишь...

— Но, ты ведь хочешь этого? — не оставляла она надежды. — Ведь раньше хотел, и

делал!

— Да, — задумался он, — этого не забыть. Но близость с тобой оставляет слишком глубокие шрамы.

— Я... согласна на цепи, — прошептала она. — Я все понимаю.

— Нет... нет. Это ничего не решит. Будет только хуже, — возразил кузнец.

— Скажи, что? — взмолилась она тихо. — Я все сделаю. Только не гони от себя. Будь со мной сегодня... Ты говорил, о новой, о другой жизни. И я поверила тебе. И я стараюсь.... Помоги мне. Дай почувствовать себя нужной и желанной. Это так... чуждо мне. И так необходимо сейчас. Я не умею... не знаю как выразить то, что творится внутри. Да еще эти слезы....

После ее слов кузнец долго молчал. Она слышала, как часто бьется его сердце и чувствовала, как он напряжен. Они так и стояли во мраке подвала, обнявшись в тусклом свете луны, пробивавшемся сквозь узкие окошки у самого потолка. Он думал о том, что все, о чем он мечтал когда-то, блекнет по сравнению с тем, что происходит сейчас. Ее мятежный, неудержимый дух, ее вольное, окрыленное тело, за его спиной... Ее сильные когтистые руки, нежно обнимающие его. Ее слезы и все то, что переменялось в ней. Это так трогательно и волнительно. Но и грустно, в то же время. Грустно от того, она может окончательно привязаться к нему. И что самое ужасное — он сам боялся привязаться к ней. Она и так уже оставила в его памяти неизгладимые впечатления на всю жизнь. И к боли физической, сейчас могла добавиться боль душевная. Хотя... кого он пытается обмануть?! Он уже привык... Она резко ворвалась в его жизнь и быстро стала ее частью. Заполнив собой пустоту в его остывающей душе...

Сольвейг молча ждала, прикрыв глаза, и мягко сжимая его в объятиях. Она тихо млела от тепла его чистого, распаренного тела. От терпкого, только ей уловимого аромата, сплетавшегося с запахом мыла и, почему то, сосновой коры. Хотелось прижаться к нему как можно сильнее, чтобы всем телом ощущать это приятное тепло. Сжать руками и ногами так, чтобы он уже никогда не вырвался из них... И она бы прижалась, не будь нужный ей человек, таким ранимым и хрупким...

— Хорошо, — вдруг сказал кузнец тихо.

— Ты что-то придумал? — обрадовалась она.

— Да, — выдохнул он. — И, надеюсь я об этом не пожалею.

— Что мне сделать? — оживилась Сольвейг.

— Ничего особенного. Просто пойдешь наверх, закрой ставни... разведи огонь в камине. И возьми себя в руки. Сильная, ты мне нравилась больше.

Сольвейг выпрямилась и быстро утерла слезы.

— Так лучше?

— Да, — улыбнулся он мягко. — Так лучше.

— А ты?

— А я поднимусь к тебе позже. Немного терпения, хорошо?

Хорошо, — улыбнулась она в ответ.

Отправив ее наверх, Арон присел на ступеньку. Нужно было успокоить бурю мыслей, поднявшуюся в своей голове. Побороть усталость, и постараться довериться ей. А еще взять в руки себя самого, и отделаться от чувства, что он скотина, которую ведут на заклание. Нет... это его, и только его, сознательный выбор. Если не сделать этого сейчас, он никогда не простит себе этой трусости. И серая жизнь снова поглотит его. Решено! Арон встал, и

расправил плечи. Привычный покой поселился в его сердце и голове... Чему быть, того не миновать. Наполнив ведра теплой водой, он, наконец, поднялся на второй этаж.

Крылатая дева переминалась с ноги на ногу, стоя у очага. Она выглядела совсем не так, как раньше. Неуверенность, и смятение чувствовалось во всем. В ее движениях, взгляде, растерянной улыбке...

— Вода еще не остыла... — заговорил он. — Ты все еще хочешь умыться?

Она быстро кивнула.

— Ты... мне поможешь?

— Прыгай в кадку, пока не остыло.

Кузнец зачерпнул ковшик воды из ведра и вылил его в кадку, чтобы ногам было теплее. А возле нее, постелил на пол сложенное льняное полотно. В комнате было тепло и тихо. Неяркий свет исходил от камина и пары толстых свечей на его массивной полке. Они были совсем одни, если не считать маленького пушистого зверька, тихонько сопящего в уголке. Кузнец неторопливо поливал ее голову водой, и теплые струи приятно скатывались по волосам. Стоя на полусогнутых ногах, она прикрыла глаза, наслаждаясь его пальцами в своих волосах. Кузнец щедро намыливал пряди душистым травяным шампунем, и от этого странное, приятное покалывание, искрами разбегалось по спине и ногам, возвращаясь волной волнительной теплоты.

В голове становилось как-то легко и светло, не смотря на плотно зажмуренные глаза. Мысли и тревоги с каждым движением его рук растворялись в окружающей тишине. Лицо Арона, было спокойным и сосредоточенным. Ей очень нравилось, когда он ее омывал. Как бы там ни было, оказавшись в этой кадке, она была податлива как глина. Теплая вода и душистое мыло творили с Сольвейг маленькое чудо.

Конечно, сей процесс и самому ему доставлял немалое удовольствие. Сжимая в своих пальцах ее плечи, бедра, или икры, он сравнивал себя со скульптором. Зодчим, который каждый раз, с пристрастием ощупывает свой шедевр, не находя изъяна... Конечно, мнение это предвзятое, но ее сильное, гармоничное тело, казалось ему идеальным. Близким к идеалу. Особенно будоражила его сердце мощь скрытая в нем. Дикая, безудержная... никому не подвластная.

Отвлечшись от своих мыслей, Арон похлопал деву по внутренней стороне бедра и вопросительно взглянул в глаза. Без тени сомнения, она открылась его руке... Теплая ладонь, скользнув по ее животу, легла поверх ее мягкого лобка, и чуткие смелые пальцы, под стружкой теплой воды, бережно сделали свое дело. Наконец, Сольвейг ступила на льняное полотно, расправила крылья, и была тщательно обтерта большим полотенцем. Что делать после, кузнец еще не придумал.

— Что дальше? — словно прочтя его мысли, прошептала Сольвейг.

— Дальше...?

— Да, что мне сделать теперь?

Кузнец улыбнулся, взял ее за руку, дотронулся до сточенных коготков, и приложил ее пальцы к своим губам.

— Думаю, тело подскажет.

Улыбнувшись в ответ и неуклюже склонившись, она поцеловала его в губы. Как могла нежно.

Потом, обняв ладонями его лицо, она сделала это снова.

— Так, кажется, это делают?

— Да, — согласился он. — Начало положено. Рискнем?

— Рискнем, — охотно согласилась она.

Кивнув в ответ, кузнец решительно скинул с себя рубаху, и, чуть замешкавшись, избавился от остальной одежды. Теперь они стояли друг напротив друга без всяких условностей и стеснения. Сердце Сольвейг дрогнуло, когда взору ее предстала вся картина ее деяний. Свежие, еще белые шрамы украшали все тело кузнеца. Были они и на шее, и на спине, и на животе... В общем, можно сказать, везде, где падал взгляд, она успела оставить заметные следы.

— Я не думала... что их так много, — вздохнула она.

— Уже поздно что-то менять. Выкинь из головы.

— Я не могу...

— Тогда не смотри.

В последний раз, взвесив свои шансы, кузнец приблизился к ней вплотную. Медленно положил ее руки себе на плечи, и осторожно коснулся талии... Потом прижался щекой к ее прохладной коже и, наконец обнял. Ничего страшного не случилось.

— Ты такой горячий! — удивилась она.

— А от тебя веет прохладой... Приятно?

— Очень....

Она прижала его к себе так, как малые дети прижимают к груди любимую игрушку. И ее вновь отвердевшие соски упруго врезались в его тело. Было трудно дышать... но вырываться совсем не хотелось. Ощувив приятный прилив сил, кузнец удивился. Усталость, которую он чувствовал минуту назад, как рукой сняло. Погладив Сольвейг по спине, он, наконец коснулся ее ягодиц. Но не так как делал это раньше, а с пристрастием. С чистым мужским интересом!

Реакция его тела была предсказуема. Пригревшаяся на его теле дева, вздрогнула, когда упругий горячий предмет, быстро твердея, скользнул по внутренней стороне ее бедер и занял место меж ее ног.... Почему-то сразу захотелось его сжать. И она это сделала. В ответ горячий предмет дрогнул.

— Это... всегда так происходит? — удивилась она.

— Что?

— Ну вот... это? — она снова сжала его плоть меж своих бедер, и ощутила сильную пульсацию в ответ.

— Да — ответил он, — вероятно так и бывает, это... приятное чувство.

— Ага... — согласилась она продолжая осторожно сжимать его бедрами.

А так? — Арон склонился и с удовольствием поцеловал ее сосок.

От этого дыхание Сольвейг сбилось, а зрачки расширились. Когда он прикоснулся ко второму соску, все повторилось.

— Так тоже хорошо, — призналась она тихо.

— Мне продолжать?

— А дальше тоже будет приятно?

— Вероятно, да, — он снова коснулся губами ее груди.

— Это так необычно...

— Что?

— Ты такой мягкий... но сильный. Ранимый телом, но крепкий духом.

— По-твоему это хорошо или плохо?

— Не знаю... — она поцеловала его в губы. — Но, мне нравится и.... я пока не хочу тебя съесть.

Она ослабила свои объятия и осторожно соскользнула с его плоти. Кончики ее крыльев трепетали от волнения, а лицо слегка порозовело. Она не пыталась скрывать свое возбуждение, но, все же, была смущена.

— Внутри все дрожит, — поделилась Сольвейг, неуверенно. — Так и должно быть?

— Да, — улыбнулся кузнец. — Так и бывает. Волнение, дрожь, томление внизу живота...

Она покраснела еще больше. Ее сероватая кожа не смогла этого скрыть. Кузнец с интересом наблюдал за ней. Метаморфозы, происходящие с ее сознанием впервые, были столь забавны и столь опасны... Ей самой не ведомо что будет в следующий момент, и какая мысль или желание возьмут верх в ее голове. Ведь она изначально крепче и сильнее любого человека. Забывать об этом совсем — не стоит...

— Знаешь, — вдруг встрепенулась она. — Я понимаю, что наши тела уже совокуплялись, но от чего-то боюсь.

— Давай отложим. Ничего страшного не случится, — предложил кузнец.

— Нет! — возразила она.

Ее длинные крылья расправившись сделали мощный взмах, и пол ушел из-под его ног. Небольшие предметы попадали со своих мест, свечи потухли, а камин — напротив, вспыхнул еще ярче, отозвавшись треском и снопом искр. Крепко прижимая человека к себе, Сольвейг поднялась в воздух и тут же, опустилась на софу. Мягко подмяв кузнеца под себя, она устроилась на его коленях. Так, она могла обнимать его тело своими ногами и чувствовать под собой отвердевшую плоть. Кузнец, поглаживая изгиб ее талии нежно прижался щекой к груди.

— Твое сердце сейчас выпрыгнет наружу, — заметил он вслух.

— Да... я сильно волнуюсь. А ты?

— Да, есть немного.

— Поцелуй меня?

Он подался на встречу ее губам и почувствовал, как они дрожат. Обняв ее крепче, он снова прильнул к ее губам. Сольвейг прикрыла глаза от удовольствия. Нежность, с которой он целовал ее была сравнима... пожалуй ни с чем, из того, что она испытывала раньше. И тепло его было таким... таким приятным....

Она не отпускала его губ от своих. Было не очень удобно, но ее сильные руки с легкостью удерживали его. Сольвейг разомлела и погрузилась глубоко в себя... Бедра ее пришли в движение и медленно качнулись в сторону. Затем вперед... назад и снова в сторону. Ее плоть увлажнилась, и теперь медленно скользила по его плоти, желая принять ее в себя.

— Немного назад... — прошептал он, оторвавшись от ее сладких губ.

С трудом понимая, что он говорит, она окинула лицо кузнеца одурманенным взглядом и чуть отклонилась. Он тут же почувствовал, как ее подточенные когти, больно впились в его плечи.

— Легче... — прошептал он. — Легче....

Она слепо повиновалась. Его твердая плоть, вдруг утонувшая в ее дрожащем теле, начисто лишила замутненное сознание какой-либо воли. Вот и все... она сдалась окончательно и бесповоротно. Но факт этот не вызывал у нее сомнений или сожаления. Она

приняла его. Так же трепетно и глубоко, как принимала сейчас живую плоть свои влажные чресла.

— Почему мне так хорошо? — прошептала она. — Чем я это заслужила?

Он не ответил. Не знал, что ответить. Вместо этого просто погладил ее своими теплыми ладонями. Через какое-то время, отстранившись от нее он мягко улыбнулся и положил ладонь на софу, приглашая Сольвейг лечь рядом с ним. Она сделала это. Устроившись в центре софы, дева вытянулась во весь свой рост, и поджала крылья.

— Так?

— Почти.

Кузнец сел рядом и положил ладонь на живот.

— Расслабься. Закрой глаза и подумай о хорошем. что бы я не сделал, это не причинит тебе вреда.

— Ты волен делать со мной все, что захочешь, — прошептала она. — Это правда.

— Расслабься, — повторил он. — Выкинь все из головы. Дыши ровно, и спокойно...

Его теплая ладонь заскользила по ее животу вверх, а потом вниз. В такт ее дыхания. И правда с каждым вздохом, она чувствовала себя все спокойнее. Тихое потрескивание от огня, и тепло исходящее от очага, убаюкивали ее. Ветер, подвывавший снаружи и теребящий ставни, только усиливал ощущение уюта здесь, внутри дома. Кузнец взял с полки склянку и открыв ее, наполнил воздух приятным, слабым запахом. Кажется, это была лаванда. Да, она вспомнила этот запах! Лавандовое масло... И откуда оно здесь?!

Согрев немного масла в своих руках, кузнец разлил его по ее телу, и тут же растянул по коже ладонью. От самого низа живота и до ее шеи. Продолжая поглаживать ее тело, кузнец сосредоточено втирал его. Особенно было приятно когда его руки огибали ее грудь, слегка сжимая ее пальцами, и тут же соскальзывали вниз, к бедрам, и спускались до самых колен. Потом, кузнец зачем-то сильно сжимал ее икры, слегка разминал и возвращался обратно. Но это тоже было хорошо, хотя и щекотно немного. Наконец, она справилась со своим напряжением... Раскинув руки в стороны, разомлевшая bestия, облегченно вздохнув, позволила крыльям распластаться как им угодно.

— Хорошо... — довольно прошептал кузнец. — Ты молодец. А теперь перевернись на живот.

Без лишних вопросов, Сольвейг исполнила просьбу. Кузнецу это понравилось. Такая покорность...Согрев в ладонях еще немного масла, он устроился на софе, оседлав ее ноги. Душистое масло сразу растеклось от ее ягодиц, по пояснице и спине. Она блаженно постанывала, когда его сильные пальцы проходились по ней сверху вниз. Тщательно разгоняя кровь по ее задубевшим мышцам.

— *Боже, почему раньше этого никто не делал?!* — подумала Сольвейг. Хотя... рискнул бы кто своей жизнью? Даже свою боевую подругу, которой доверяла почти как себе, она не пустила бы близко к телу. Как жаль, что она не задумывалась о своей жизни раньше... Как жаль...

Руки Арона, с пристрастием изучали ее изгибы, не оставляя ничего без внимания. Постепенно поднимаясь все выше, они добрались до ее плеч. Она чувствовала, как его живот давит на ее ягодицы, в то время как пальцы гладят ее шею, разминая плоть. А еще, как его полу окрепшая твердь изредка пульсируя, упирается в ее упругое тело. Это тоже было приятно и особенно необычно. Кузнец чувствовал, где его плоть, и конечно понимал, что она тоже не может не чувствовать этого. Но ему так не хотелось портить этот момент... Он

отвлекал себя разными мыслями. Стараясь не думать об этом, сосредоточил внимание на ее спине. На том месте, где крылья начинают свой взлет, тем более что такого чуда не суждено было видеть раньше. Но разве можно было не думать о ней, когда сильное, крепкое тело вздымается под тобой с каждым вздохом, и томно постанывает по воле твоих пальцев...

Он мерно покачивался взад и вперед, массируя ее мускулистую спину, разгоняя приятную волну снизу-вверх вдоль всего позвоночника. Его руки как раз достигли ее плеч, когда Сольвейг улучила момент и прогнулась ему навстречу. Арон зачем-то закрыл глаза, поняв, что сейчас будет... Ее влажная, скользкая от собственной влаги и массажного масла промежность, преградило путь его естеству. Оголенная головка его массивного отяжелевшего члена окунулась в преддверие ее чрева. Преодолев символическое сопротивление, она мягко скользнула в ее обжигающую пустоту.

— Не останавливайся, — попросила она. — Так я чувствую тебя лучше.

Поборов внезапное желание проникнуть глубже, кузнец снова набрал масло в ладонь. Теперь его руки двигались не так четко, как раньше. Ведь с каждым своим движением, он входил в нее глубже. Но, продолжалось это не долго, его собственная спина дала о себе знать. Деликатно покинув ее лоно, он переместился ниже, к ногам, и неторопливо закончил начатое. Разминая и созерцая столь организованное тело, он получал эстетическое наслаждение, граничащее с тактильным вожделением. Но оно ни шло ни в какое сравнение с теми переживаниями, которые он еще только готовился испытать.

— Перевернись, — негромко скомандовал он, и разомлевшая бестия снова перевернулась на спину. Устав держать крылья навесу, она разметала их в стороны.

Глаза Сольвейг были закрыты. Налитая грудь мерно вздымаясь, мерному дыханию в такт, манила упругими заостренными сосками. Присев рядом, Арон захотел их приласкать. Ее грудь была плотной, и при этом совсем не маленькой. Было приятно ощущать ее в своих ладонях, согревая дыханием солоноватый сосок в своих губах. Сольвейг почувствовала, как мягкое тело кузнеца накрыло ее сверху. Он осторожно оседлал ее бедра и склонился к лицу. Наконец, ее губ коснулся нежный, горячий поцелуй.

Она почти никогда ни с кем не целовалась. Все ее поцелуи, не считая тех, что она раздавала своим жертвам, за мгновение до того, как вонзала в них зубы, можно было по пальцам пересчитать! А теперь ее целуют с такой нежностью... Как и чем она могла это заслужить? За что такая награда? Губы кузнеца, заставляли ее губы отвечать. Она старалась, хоть и не слишком умело, приласкать его в ответ. Ее взор, в каком то дурмане, то погружал ее в темноту, то снова открывал перед ней убранство скрытой в полумраке комнаты. Она ясно чувствовала, как его мужская длань покоится на ее животе. Ей почему-то захотелось потрогать его плоть, ощутить в своей руке...

Арон замер, когда почувствовал ее когтистые пальцы на себе. Они скользнули по его животу и наткнувшись на живое древко, осторожно завладели им...

— Он такой... твердый... — удивилась она. — Каково это ощущать свою плоть в живом теле?

— Наверное, так же как чувствовать эту плоть в себе.

— Как такое возможно? Это кажется таким... не реальным.

— Да, — согласился кузнец. — Это верно...

Вдоволь наигравшись с ее губами, он снова сместился вниз, к ее груди. Покрывая тело поцелуями, он нежно поглаживал ее. Повинуясь инстинкту, древнему, как сама жизнь, она разомкнула свои колени, впуская его меж них. Повинуясь тому же инстинкту, кузнец, лаская

ее живот и бедра, плавно опускался вниз... До тех пор, пока щека его не коснулась ее бедра... Отвратительные воспоминание недавних дней ясно проступили в его сознании, но усилием воли он отогнал их проч. Сейчас следовало прислушаться к иным позывам, и не испортить сей волнительный момент.

Она ощущала его горячее дыхание там, где его не должно бы быть. Ее вдруг обуяло волнение, и предвкушение чего-то такого, чего она не сможет забыть. Когти ее сами собой вцепились в белые простыни, а кулаки сжались так что костяшки пальцев побелели... Кузнец никогда раньше не видел так близко то, что женщины скрывают от посторонних глаз. То, что было между ними раньше — не в счет. Да, он прекрасно знал женскую анатомию, и без особых иллюзий, представлял себе весь процесс... Но одно дело знать, со страниц немых книжек... А другое — созерцать красоту того, что дано женщине природой. Когда она трепещет в твоих руках в ожидании чуда, в преддверии наслаждения.

Прикрыв глаза, кузнец коснулся щекой нежной кожи ее горячего бедра, и прильнул губами к мягкому, влажному бутону... Тело Сольвейг, словно пронзила стрела. Она готова была взорваться от напряжения, когда его дыхание достигло ее потаенных губ. Но ощущения были столь противоречивы, и столь прекрасны...

Она сжала бедра так, что казалось, что его голова не выдержит этого. Но к ее удивлению, он продолжал ее целовать. И она заставила себя поддаться. Раскрыться и отдаться всецело на его милость....

Плоть Сольвейг оказалась на удивление нежной... Конечно, Арону не с чем было это сравнить, по понятным причинам. Весть о его богатырских размерах быстро облетела окрестности, и породила множество домыслов и сплетен, навсегда отбив у местных женщин интерес к нему. Осталось разве что, бестактное любопытство. Но сам контраст... Как может столь сильное, жестокое существо, обладать таким нежным, податливым цветком? Конечно, он понимал, что тела женщин, по сути, похожи, но все же, это не очень укладывалось в голове. Впрочем, как и сам факт происходящего...

Проникая губами в ее сочную, розоватую плоть, источающую тонкий аромат лаванды, он наткнулся на плотный твердеющий бугорок. Коснувшись его языком, он тотчас уловил в ее теле напряжение. Что будет дальше он знал точно. Утопая щеками в ее горячей мякоти, он обнял его губами и слегка сдавил... Сольвейг содрогнулась своим могучим естеством. Тогда он повторил это снова... И снова... пока она не стала двигаться ему в такт. Касаясь ее потаенного бугорка языком и лаская губами, он заставлял бестию принимать нелепые позы, силой удерживая ее на одном месте.

Его пальцы впились в ее бедра, крепко прижимая их к софе, а язык безнаказанно бороздил ее скрытые просторы. Все, о чем она пыталась думать в этот момент, все что видела и слышала вокруг, что ощущала — все сплелось в единый, абстрактный аляпистый жгут... и разом оборвалось! Горячая, неконтролируемая и всепоглощающая волна поднялась снизу, от живота, где его губы терзали ее плоть и захлестнула ее с головой...

Это было по истине нечто... ее ноги схлопнулись как створки капкана, уткнув его лицо в раскрытую бездну ее разгоряченного естества. Благо бедра ее были сложены природой достаточно широкими, и он не почувствовал боли. Ее тело так выгибалось, и сотрясалось, что пришлось вцепиться в бедра, чтобы не сломать себе шею. Продолжалось это совсем не долго, но потом случилась судорога, продолжавшаяся несколько минут... Вырваться сразу не получилось и Арон терпеливо ждал, уткнувшись сопя носом в ее лобок.

Открыв глаза, рыжая бестия не сразу поняла, где находится. А когда пришла в себя, не

смогла разжать ног. Приятные спазмы охватывали ее тело при малейшем движении... Но через какое-то время, она все же смогла с собой совладать. Высвободившись наконец из ее плена, кузнец смог отдышаться. Он встал, и с хрустом расправил плечи. Спину и шею ломило от напряженного сопротивления.

— Ты мне чуть шею не сломала... — посетовал он.

— Прости... со мной это впервые.

— Не слабо...

— Это оно и было? — она растерянно моргала, глядя на него.

— Блаженство? — он довольно улыбнулся. — Вероятнее всего.

Размяв шею руками, он сел рядом с ней на софу. Простыни под ее пальцами превратились в лохмотья, как и часть старой обивки.

— Хорошо, что это не моя спина... простыням конец. А софа еще поживет.

Сольвейг опустила глаза.

— Ты... расхотел быть со мною?

— Нет, просто моя спина, дорога мне как память, — отозвался кузнец.

На что Сольвейг тут же перевернулась на живот, и накрыла голову крыльями.

— Так, я не причину вреда?

— Пожалуй нет.

Он поцеловал ее спину и нежно погладил рукой ягодицы. Теперь его черед.

— Погоди-ка... — Взяв с пола подушку он подsunул ее деве под бедра, и медленно обошел вокруг. Зрелище было по истине волнительным... Чистокровная валькирия лежала перед ним в предвкушении близости. Чистая, благоухающая ароматными травами... разгоряченная своими желаниями. И это не было сном. Обойдя прекрасную деву сзади, Арон неспеша оседлал ее ноги. Сладостно наслаждаясь моментом, он, плавно скользнув вперед, обнял ее тело так, чтобы чувствовать в своих ладонях ее налитую грудь.

Сольвейг тут же обняла его руки. Крепко зажмурив глаза, она всем своим естеством трепетно ощущала, как он медленно проникает в нее. Как, пронзая влажную плоть, проскальзывает в ее лоно. А потом его жилистое древко, осторожными толчками растягивает и раздвигает ее чрево. Как оно продвигается в глубь сильного, но податливого тела, вытесняя любовные соки наружу.

Он входил в нее долго. Осторожно и с трепетом. Ее тугая, не привычная к ласке плоть, медленно, но добровольно принимала его. И от этого разум его просветлился. Он наконец признался себе, что все что происходит — происходит здесь и сейчас. И это наяву. Его по истине немалый орган окончательно окреп. Такое чувство, словно его обмотали и перетянули невидимыми жгутами... Ее горячее чрево обнимало его так крепко, что он боялся не выдержать и испортить момент. Но кузнец сдержал себя усилием воли. Когда же его прохладный живот, наконец коснулся ее разгоряченных ягодиц, он ощутил предел и остановился. Но Сольвейг, сжав его руку, попросила продолжить... Навалившись всем весом, кузнец закончил начатое, коротким, но плавным толчком.

— Так вот что значит слиться воедино... — в сладком беспомыслии, прошептала она.

Ответа она не ждала. Мелкая дрожь — предвестник волн приятной теплоты, уже побежала по ее нервам. Дыхание перешло в еле слышный хрип, пульс участился. Сознание медленно уплывало куда-то в даль и ввысь... Говорить больше не хотелось. Член кузнеца крепко засел в ее чреве, а пальцы его нежно терзали окаменевшие соски. Напряжение нарастало, колени его стиснули ее бедра, а лобок медленно, но верно втиснулся меж ягодиц.

Ее пределы он давно преодолел. А теперь достиг и своего. Впервые в своей унылой жизни молодой кузнец так глубоко погрузил свой венец в недра женщины. Казалось его одинокий клинок наконец то обрел столь желанные ножны. Сольвейг искренне возжелала его, и добровольно приняла в свои чресла. Это тоже случилось впервые...

В пьянящем экстазе он нанизал ее на свое копье еще сильней, словно, желая проткнуть само мироздание.... Поток семени пробил себе дорогу так резко и обжигающе, что кузнец вскрикнул... Сжав тело Сольвейг в порыве страсти, он излился в нее в животном порыве. Обильно и многократно... Дрожь в ее теле только усиливалась от его порыва. Он органически чувствовал связь между изливами своего струящегося семени и волнами экстаза, которые отзвуками грома отзывались в ее теле. Он чувствовал, как мышцы Сольвейг перекачиваются, под блестящей от пота кожей. Словно ретивая кобыла, оседланная без седла, несла его вдаль... А она лишь сильнее сжимала его руки, вверяя рваным простыням свой пронзительный стон.

Излив семя однажды, кузнец не оставил ее в покое. Страсть разгоралась внутри него яростным пламенем. Перевернув рыжеволосую валькирию на спину, он вторгся в ее локоны своими руками и впился в ее приоткрытые, полные губы. Плоть его, быстро нашла дорогу в ее чертоги и пришла в движение, заставив Сольвейг снова ощутить внутренний жар и волны неведомого доселе исступления. Она так хотела его обнять! Крепко и страстно... но не решалась, боясь сделать больно. Однако страсть, поглотившая их в свои пучины, вскоре заставила забыть обо всем... Только плоть, объята плотью, только страсть, объята страстью.

Сейчас он был сильным и нежным мужчиной, а она мягкой и податливой женщиной, только и всего. Все что было ранее, все различия и догмы стерлись, или остались где-то там, позади. Он просто чувствовал ее, а она наслаждалась им. И больше ничего. Экстаз сменялся экстазом. Волны блаженства томными каскадами разливались по их телам. И лишь развеяв всю накопившуюся похоть, утомленные и разгоряченные любовники погрузились в дремоту. Наполнив сосуд любви до краев, обмякший член кузнеца обмяк и плавно выскользнул из крылатой девы. Прочувствовав этот момент, она забылась глубоким счастливым сном...

Глава 13. А утром он ушел...

А утром он ушел. Укрыл мерно сопящую деву одеялом, аккуратно поправив раскинутые крылья. Взглянул сквозь задернутое окно на предрассветные сумерки и спящий городок в низине. Тихо спустился по ступенькам, ведущим куда-то вниз, перекусив, чем Бог послал. Закрыв за собой люк и оставил за собой лишь звенящую тишину. Так было проще. Предчувствие говорило кузнецу, что случившееся этой ночью возможно никогда больше не повторится. Как ни жаль. Он ощущал неотвратимое приближение чего-то трагичного, опасного, и уже совсем скоро. Жаль, но предчувствия редко его подводили. Гнетущая уверенность в неизбежности события неизменно сопровождалась надеждой что оно, событие — не случится. Но у судьбы на все свои взгляды.

Гранитные ступени первого лестничного пролета оканчивались небольшой площадкой и массивной деревянной дверью. За дверью небольшой пыльный погреб, сложенный из самодельных глиняных блоков с небрежно прибитыми, местами поломанными полкам. Темно, сыро. Полная иллюзия запустения. Все как надо.

Постояв с минуту во мраке, чтобы глаза привыкли, кузнец взмахнул перед собой рукой. Ничего не произошло. Он начал считать в уме секунды. В душу закралось неприятное волнение, но он продолжал стоять неподвижно. Прокрутив в голове последние действия, он вернулся к двери погреба поняв, что не закрыл ее за собой. Щелчок — и дверь заблокировалась. Прошло еще несколько неопределенных минут в полной темноте.

Наконец, что-то вокруг изменилось. В сыром погребе потянуло сквозняком. В нос ударил прохладный, свежий, если не сказать стерильный, воздух. Стены почти беззвучно ушли вверх, а он вместе с полом провалился куда-то вниз. Сделав два шага вперед, кузнец остановился. Он знал, что теперь за его спиной поднимается ровная, холодная стена, возвращая пол погреба на его прежнее место.

Он не был здесь лет, наверное, семь, иди десять? Ожидая увидеть нечто удручающее он снова ждал в темноте. Ах да... отсчитав семь ступеней вниз, он повернулся к стене и нащупал круглую нишу около метра в диаметре, сунул туда руку и наощупь отыскал рукоять. Потом плавно навалился на нее всем весом. Рукоять поддалась мягко, с равномерным усилием раскручивая какой-то скрытый механизм. Обороты его нарастали, судя по тихому, нарастающему гулу в стене. Набрав нужные обороты механизм вернул рукоять на прежнее место. Мягкий неяркий свет понемногу залил все помещение. Это был ровный просторный зал с бетонным полом, стенами и потолком, пропитанный матовым белым полимером, предотвращающим любое гниение и разрушение. Посреди зала, в полу был отлит желоб в полметра глубиной. У стены — отлитая из того же бетона скамейка с деревянными вставками. Больше в этом зале не было ничего. Арон прилег на скамью, положил под голову вещи и через минуту задремал. Снова нужно было ждать.

Примерно через сорок минут часть бетонной стены шумно скользнула в сторону, открывая взору ровную круглую горловину тускло освещенного тоннеля. Еще через минут пять из него в желоб выкатилась платформа размером во всю длину зала. Мягко ударившись резиновыми отбойниками о причальную стенку, она остановилась.

Потянувшись во весь свой рост, Арон подхватил вещи и, уверенно шагнул на платформу. Кроме ровного шероховатого пола, перил, поручней и пластиковых скамеек, расположенных вдоль бортов, здесь ничего больше не было. Устроившись поудобнее, он коснулся небольшой

металлической пластинки, подержал на ней палец несколько секунд и платформа мягко тронулась в обратный путь. Стена зала заняла свое прежнее место закрывая собой тоннель. Тишина в тоннеле давила на уши. Спасал лишь легкий встречный ветерок. Платформа быстро набирала скорость.

— *Надо же,* — подумал Арон, — *Столько лет прошло, а здесь ничего не изменилось...*

Через сорок однообразных минут в тоннеле, скромный транспорт начал торможение. Ровные бетонные стены сменились полированной скальной породой. Здесь освещения уже не было, но вдалеке виднелся тусклый свет, который вскоре должен был ударить в глаза. Солнце уже взошло. Платформа, единственным пассажиром которой был Арон, выкатилась в каменный карман, вырезанный в скале, и остановилась. Арон понял, что зря зажмурился. Большая стеклянная стена, закрывшая тоннель, сейчас плохо пропускала свет. Снаружи она покрылась толстым слоем пыли. Как и железная потертая дверь солидных размеров.

Вздыхнув удрученно, кузнец повернул рукоять и навалился на дверь. Облако пыли и промозглый сырой ветер встретили его снаружи. Он очутился на дне ущелья, естественная порода которого была выработана так, чтобы можно было свободно ходить и перемещать грузы. Солнечный свет, освещая верхние кромки скал, отражаясь от полированных ветром и пылью стен, проникал сюда в достатке.

Нечто зловещее и всесильное таилось в недрах этих скал. С самого детства, приходя сюда с отцом, он испытывал благоговейный страх и восхищение, зная, что однажды окажется здесь один. А еще чувствовал неразрывную связь с этим чуждым, непонятным и пугающим местом. Но, все это лирика. Он пришел сюда с конкретной целью и времени на детские страхи ностальгию совсем не было. Перекинув ношу через плечо, он двинулся вдоль ущелья, закрывая лицо от промозглого ветра и пыли. Шаги его эхом разносились по пустым километровым коридорам. Метров через сто в стене показалась арка. Свернув в нее, кузнец прошел еще метров двадцать, и остановился перед серьезной преградой в виде стены из серого металла.

Он помнил, что где-то в теле стены есть панель доступа. Отыскать ее было не сложно, нужно было лишь смахнуть пыль рукой. Но делать ничего не пришлось. В нише, чуть левее терминала щелкнул замок, и небольшая овальная дверь проявила свои очертания.

— *Ну, конечно, не велик гость чтобы парадные ворота открывать...* — догадался он.

Ухмыльнувшись, Арон пригнулся и протиснулся в проем технического люка. То, что покоилось за ним, пожалуй, он не смог бы нормально описать ни Сольвейг, никому бы то ни было в этом мире. По крайней мере доступными образами. Вросшее в скалы, закрывая собой половину неба, над его головой покоилось нечто, способное путешествовать к звездам, именуемое "Эсхил".

Раньше, когда Арон приходил с отцом, здесь все оживало. Причудливые механизмы приходили в движение. Начиналась странная суeta. Пахло жженым металлом, какими-то химикатами и гарью. То и дело сыпались на голову искры, что-то шипело, грохотало... Но не теперь. Все что его окружало — пыль и тишина, разрываемая завываниями ветра, блуждавшего среди остроконечных скал.

Отец не рассказывал Арону сколько ему было лет, но в деревне он поселился далеко не сразу. По скромным подсчетам молодого кузнеца, «Эсхил» покоился здесь несколько десятков лет. И все это время он жил своей, непонятной ему жизнью. Несомненно, «жив» он и сейчас. Он просто выжидает, наблюдает за ним. Ведь кто-то впустил его внутрь. Любое другое существо, попавшее сюда на свою беду, уже превратилось бы в пепел, и прах его

перемешался бы с пылью.

Арон обратил свой взор вверх, туда, где метрах в ста над ним нависал корпус огромного крейсера. Он поднял руку приветствуя корабль.

— Здравствуй, Эсхил! — Громко и отчетливо выкрикнул он.

— Здравствуй, Арон... — тихо пронеслось в ответ дуновением ветра. И снова тишина.

— Что здесь случилось? Почему так тихо, ничего не происходит?

— Я все еще скорблю о твоём отце, Арон... — ответил ветер.

— Да... я тоже, — кузнец вздохнул. — Но ничего уже не поделать.

И снова тишина в ответ.

— А как... продвигается твой ремонт?

— Я давно все закончил, — оборвал его голос Эсхила. И в голосе том не чувствовалось радости встречи и жажды общения.

— Вижу ты мне не рад, — вздохнул кузнец.

— Ты не появлялся здесь со смерти отца, Арон. Почему?

— Я мстил... — вздохнул Арон с грустью.

— Ты... мог попросить помощи в любое время. Хотя бы пол слова...

— Я не был уверен... Ведь если бы ты все видел, то сам бы вмешался.

— Я все видел Арон.

— Так... почему же, черт возьми, ты бездействовал? — Спросил кузнец, холодея.

— Прости. Я выполнял приказ, Арон. У меня были четкие инструкции на этот случай.

— Инструкции!? — Арон осмотрелся по сторонам. Было неприятно говорить с тем, кого не видишь. Хотя умом он и понимал, что и откуда исходит.

— Видишь ли, твой отец настрого запретил мне вмешиваться в его жизнь. И, особенно, препятствовать его смерти.

Арон вздохнул бессильно и проглотил подступивший к горлу ком. Злиться тут было не на кого. Ведь разговаривал он с очень умной, но все же машиной. Выполнять приказы хозяина — ее основная задача.

— Что ж... — согласился он с горечью. — У него всегда был свой взгляд на вещи. Поверь, я сполна отомстил его убийцам.

— О, я наблюдал, Арон. Ты убил много людей. Признаюсь, я не думал, что ты на это способен.

— Что было — то было, — голос кузнеца дрогнул. — Тут нечем гордиться.

— От чего же?

— Это неправильно.

— Твое право. Но Олаф бы это одобрил, будь он на твоём месте. Я бы истребил всех, чтобы избежать повторения.

— Нет! Это было ужасной затеей. Все это.

— Твой отец совсем раскис в этом примитивном мире. Как глупо... имея мощь разрушителя планет, умереть от заточенного куска металла в руке глупца?

— Ты прав, Эсхил. Это нелепо...

— Знаешь, Арон, смерть его не прошла для меня даром. Я ощутил потерю... и, вероятно, то, что вы зовете болью. Почти физически... А потом одиночество. И страх... впервые. Почему ты не пришел ко мне?

— Странно слышать такое от звездного крейсера... — Арон замолчал, испытав одновременно страх, стыд и чувство вины.

— Я много думал здесь, наедине с собой. Во мне что-то надломилось, — признался Эсхил.

— Ясно...

— Так, почему ты не пришел ко мне, Арон?!

— Как тебе сказать... — Сердце Арона защемило от пережитых вновь воспоминаний.

— Как есть, Арон. Я хочу знать это, — настаивал Эсхил.

— Во мне... тоже что-то надломилось, — признался кузнец. — Глубоко в душе. Я потерял счет времени. Происходящее вокруг казалось бессмысленным, глупым и серым... Нужно было время, чтобы отстроить дом и свою жизнь заново. Ты прав, я должен был прийти. Но не смог себя заставить. Здесь все напоминает об отце и причиняет боль. И, потом... я боялся.

— Меня?

— Да, Эсхил. Только отец знал, чего от тебя ждать. Я же не всегда знаю, чего ждать от своей лошади.

— Забавное сравнение. Все правильно, Арон... нужно бояться. Страх заставляет думать. Так, что же изменилось сейчас? Страх пропал?

— Нет... сердце мое бьется с надрывом. Обстоятельства изменились.

— А... — догадался Эсхил. — Тебе все же понадобилась моя помощь?

— Да. — твердо ответил Арон. — Ты поможешь?

— Конечно, молодой хозяин. Я сделаю для тебя все что в моих силах. Во что бы то ни стало. И я никогда не причиню тебе вред и не ослушаюсь приказа. Отец передал тебе ключ?

— Передал, — Арон снял с шеи то, что хранил в тайне от всех долгие годы. Небольшой диск похожий на языческий амулет.

— Открой его, — потребовал Эсхил.

— Я пробовал много раз. Не получилось.

— Здесь получится. Пробуй!

Арон повертел предмет в руках и, он действительно открылся. Вернее, от диска "отломилась" часть, делая его похожим на полумесяц.

— Что дальше?

— Разверни руку ладонью вверх и прислони выемку на диске к предплечью, ближе к локтевому изгибу. Прижми с силой и держи крепко, ибо ты испытаешь боль.

Повторив сказанное в уме, кузнец присел на одно колено, прижал к нему предплечье, развернул ладонь и решительно прижал предмет к коже. Неожиданно резкая боль заставила его вскрикнуть. Изогнутая игла, спрятанная в полумесяце, прошила его кожу насквозь. Описав ровную дугу в его мышцах, она дошла до кости, и, пробив второе отверстие уже на выходе, вошла в другой край амулета, а потом медленно вышла обратно. Рука Арона задрожала, но он продолжал прижимать предмет так же крепко.

Мелодичный звук дал понять, что все кончилось. На коже остались лишь две кровоточащие ранки.

— Все? — недоверчиво спросил он.

— Нет. Теперь другая половина. прислони ее к скуле. Где кость потолще.

— К левой, или к правой?

— Не важно. Следа не останется.

— Больно тоже будет?

— Конечно, Арон. Но не долго.

Приготовившись к худшему, кузнец осторожно прислонил вторую половинку предмета в указанное место. Короткий резкий щелчок и стальное жало засело в его черепе. На миг в голове потемнело, а зубы, глаза и, казалось, сам мозг прошило яркой болезненной молнией. На несколько секунд лицо его онемело.

— Что теперь? Камера пыток?

— *Нет Арон, на этом все. Ключ можно выбросить, он одноразовый.*

На сей раз голос корабля прозвучал прямо в голове кузнеца. То, что он минуту назад вживил в свое тело уже работало. Повертев безделушку в руках, Арон все же собрал ее как было и сунул в карман.

— Как знаешь... — сказал Эсхил. — Командуй, молодой господин! Хочешь, мы уничтожим этот мир и отправимся к звездам? Или, может быть, обрушим его в пучину хаоса, где будет только твоя воля и никакой морали? Или просто постреляем по городам? Это тоже весело!

Арон натянуто улыбнулся, подозревая, что Эсхил не шутит. По спине его пробежал предательский холодок.

— Вот, — он вывалил на пыльный контейнер остатки доспехов Сольвейг и ее шлем.

— И только то? — разочарованно вздохнул голос Эшила. — Доспехи для крылатой девы?

— Сольвейг, ее имя.

— Я знаю, Арон. Хороший выбор. Давно за ней наблюдаю.

— Видишь ее сейчас?

— Отчетливо и ясно.

Перед кузнецом возникло изображение его дома, разбитое на несколько картинок. Вид сверху, с боков, и как бы насквозь. Судя по картинке, Сольвейг все еще спала. Внизу и сбоку проекции отображались данные с ее браслета. Температура, дыхание, давление, сердцебиение...

— Эсхил, ты можешь оценить ее состояние?

— Конечно, Арон. Что ты хочешь узнать?

— Как ее крылья... ну и вообще, здорова ли?

— Она вполне здорова для своего возраста. Мускулатура слабовата, вес увеличился. Она мало двигается... Хотя для полета это не так важно. Мышцы не создают подъемной силы.

— То есть как? — Удивился Арон.

— Феномен полета крылатых людей пока не укладывается в моем понимании. Они используют неизвестные мне физические принципы. Проще говоря, она летает каким-то чудом. Крылья нужны лишь для планирования, стабилизации в полете и, в качестве щита. Они весьма прочные, хоть и состоят из органики. Оперение пронизано каким-то сложно модулированным полем, которое синхронизировано с мозгом. Либо, как вариант — излучается им. Поле обеспечивает подъемную силу, оно же поглощает ущерб. Жаль, но это все что я узнал за последние годы.

— Не понимаю... Так почему она не улетает?!

— Причина вероятно кроется в ее сознании. Страх, травматический синдром. Шок, как вариант. Очевидно, и то, что ее влечёт к тебе не только животный интерес. Но и привязанность, как бы странно это не звучало в ее случае.

Арон окинул взглядом проецируемое изображение. Он не обладал глубокими медицинскими познаниями, только базовыми, но, все же что-то показалось ему странным.

— Я правильно понимаю, — он ткнул пальцем в картинку. — Вот эта мерцающая кривая — ее сердцебиение. А та, что выше, кажется, активность мозга?

— Верно Арон. Ты сделал правильные выводы.

— А ниже, что, тоже пульс? — предположил он.

— Верно.

— Два пульса? Как это?

— Два сердца — два пульса. Ошибки нет — подтвердил Эсхил.

— У нее что... два сердца?! — Воскликнул кузнец удивленно.

— Интересная версия. Однако все прозаичнее, друг мой. Первые две кривые — это показатели работы мозга и сердца матери, а второй ряд показателей отображает состояние ребенка.

— Как... ребенка? — кузнец нахмурился. От чего-то он был уверен, что подобного поворота событий быть не могло. При всей фантастичности глобальных обстоятельств, все свелось к банальной беременности?!

— И... как давно? — выдавил он из себя.

— От четырех до шести недель. Точнее сказать не могу. Физиологически женщина заметно крупнее среднестатистической особи, но сопоставление пропорций в данном случае не ведет к точному результату.

— А если проще?

— Эксперименты в подвале не прошли даром, говоря простым языком. — Эсхил сделал паузу. — Скоро беременность станет заметна. Поздравляю, вероятность успешного развития и вызревания плода 98 %. Каких-то восемь — девять месяцев, и ты станешь родителем. Изумительно, правда?

— Не то слово...

Арон почувствовал, как его пальцы холодеют. Захотелось присесть, в горле пересохло, в желудке заныло. Почему-то навернулись слезы.

— Черт... как все не вовремя! Я не готовился к этому.

— Друг мой... теория вероятности различных событий ясно дает понять, что ты никогда не будешь готов на 100 %.

— Я понимаю. Не все поддается логике. У меня и женщины то до нее ни разу не было. А тут сразу раз — и ребенок! Да еще от крылатой... Как так вышло? Не понимаю...

— Друг мой. Взгляни на вещи с другого ракурса: у тебя никого нет. Я не в счет, я — машина. Но есть шанс, только вдумайся! Появится на свет родное тебе существо. Плоть от плоти. Кровь от крови. И вас снова будет двое. Маленький и большой хозяин. Нет, трое! Семья, о которой, поверь, мы сможем позаботиться. Ты о ней уже заботишься, иначе не пришел бы ко мне.

— И давно ты такой... странный? Пару минут назад ты описывал совсем другие варианты событий.

— Годы одиночества, иногда, идут на пользу. То, что нельзя ощутить — можно осмыслить!

— Ты очень мудр, Эсхил...

Арон взглянул на небо.

— Однако, солнце уже в зените. Время уходит.

— Что ты решил, Арон?

— Тут не о чем думать. Мне нужны твои мастерские, — потребовал он.

Перед кузнецом возникли еще несколько пустых парящих экранов.

— Как это возможно? Я имею в виду деву, — вдруг спросил кузнец.

— Вы совместимы. Скажу больше, — ее организм подстроился под тебя. Если не сказать покорился, ведь ты...

— Не надо подробностей. Я тебя понял.

Эсхил замолк.

— У меня... — Арон прокашлялся. — В общем предчувствие нехорошее. Нужно торопиться. Что-то должно случиться.

— Твоего отца предчувствия не обманывали... Что-то конкретное?

— Меня беспокоят ее сородичи. Сольвейг ищут и, кажется, хотят убить.

— Мне уничтожить белые горы? — с надеждой в голосе предложил Эсхил.

— Не вздумай! — перепугался кузнец, осознав всю серьезность положения.

— Как прикажешь...

— Что ты о них знаешь?

— Немного. Я называю их небожителями. Наблюдаю их с тех пор, как закончил ремонт и смог запустить дополнительные атмосферные зонды. Обитают на обширном плато среди гряды белых гор. Живут обособлено. Дикарями назвать язык не поворачивается. Все признаки развитой культуры. Поселение построено из руин в центре плато. Строй правления — монархия. Численность — несколько тысяч особей. Представляют опасность.

— Есть идеи?

— Сровнять с землей! — Оживился Эсхил.

— А есть идеи, не связанные с изменением рельефа и глобальной экспансией?

— Хм... тогда, всего две. И обе мне не нравятся, — подытожил Эсхил.

— Воплотим обе. Там видно будет... в процессе.

Глава 14. Экстренные меры

Еще пол часа назад Арон беспокойно спал, завернувшись в походное одеяло. Теперь же он несся по длинному тоннелю на транспортной платформе. Случилось то, чего он так боялся: ночью Сольвейг покинула дом, что само по себе не страшно. Сделав несколько кругов в вышине ночного неба, она вернулась обратно. Страшно то, что это не осталось незамеченным. Вечером, Эсхил зафиксировал странную активность в селении. А посреди ночи городок уже не спал. Платформа неслась на максимальной скорости, то и дело высекая искры о дно тоннеля. Волнение охватило кузнеца.

Планы резко изменились. Настроен он был серьезно. Облачение для Сольвейг было готово, но в свете новых событий пришлось позаботиться и о себе. Он стоял в черном костюме из легкой матовой ткани, под которой скрывался от ненужных взоров комплект легкой, технологичной боевой брони. Поверх костюма был накинут строгий плащ с матовой черной пряжкой. В отдельной сумке располагался шлем. А еще имелся закрепленный на бедре, объемный подсумок, с разными "сюрпризами".

Мучительные десять минут и вот уже вдалеке стена шлюза лениво отползла в сторону. Не дожидаясь полной остановки, кузнец спрыгнул с платформы и бросился к лифту. Пол кладовой опускался и поднимался предательски медленно. Пульс стучал в висках, а сердце рвалось наружу. Наконец, массивная деревянная дверь выпустила его на площадку. Несколько ступеней остались позади и вот уже люк защелкнулся под его ногами.

Он дома... Шум в голове утих не сразу. Однако здесь было тихо и темно. Хотястораживающие звуки где-то вдалеке уже присутствовали. Он в три прыжка поднялся наверх и огляделся. Сольвейг проснулась от его шагов и нехотя начала шевелиться.

— Вставай! — тихо, но жестко скомандовал он.

Она медленно села и потянулась. Пушистый комочек, спавший рядом, недовольно мяукая забрался к ней на колени. Арон поставил к ее ногам странную пятнистую сумку и перевернул ее, вытряхивая содержимое.

— Одевайся. Быстро!

— Зачем? — недовольно пробурчала она. — Что за спешка?

В этот момент, громко ударившись о ставни, в комнату залетел какой-то предмет. Арон глянул в окно, но никого не увидел. Нащупав на полу камень, он снял с него клочок бумаги, наскоро примотанный куском ткани. В лунном свете, отчетливо читался крупный текст.

— Что там? — встревожилась Сольвейг.

— Ничего хорошего. Это записка от Хаука... Люди с деревни уже идут сюда.

— Зачем? — спросонок не поняла она.

— Выкуривать крылатую тварь, и кузнеца, что ее прячет. Твои полеты не долго оставались тайной.

Кузнец смял бумагу и бросил в тлеющие угли камина. Секунда — и записки не стало. Незачем подставлять старика, он и так много вытерпел в своей жизни.

— Ты должна улетать, и быстро.

Сольвейг не ответила. Арон, осторожно убрав котенка, поставил ее на ноги. Света луны вполне хватало чтобы не работать на ощупь. Ловкими, торопливыми движениями, он облачал прекрасное тело Сольвейг в какие-то латы. Она наблюдала за ним молча, но лицо ее стало непроницаемым. Да и ощущения были странными. Детали, из которых он собирал

доспех, как-то странно ложились на ее кожу. Прилипали к ней, сдвигались сами по себе, соединяясь друг с другом, становились теплыми... При всем при этом были весьма твердыми на ощупь и почти невесомыми. Она отобрала у кузнеца очередную часть доспеха приладила ее к предплечью и тут же вздрогнула. Изогнутая пластина, словно живая, выбрала себе место и сразу вцепилась в ее руку.

— Что это?! — в недоумении вскрикнула она.

— Твой шанс на какое-то будущее, — бросил кузнец.

И прежде, чем она спросила снова, он уже закончил. Облачение приняло окончательный вид.

— Все, — выдохнул кузнец. — Теперь я за тебя спокоен. Прибери волосы...

Он сунул ей в руки шлем. Привычным движением, не задумываясь, Сольвейг скрутила волосы в жгут. Склонившись, она опустила их в шлем и рывком одела его на голову. Шлем тут же "сросся" с основным доспехом. Механизм, открывающий забрало, оказался на привычном месте. И она открыла его.

— Ты... сделал это специально для меня? — спросила она с дрожью в голосе.

— Да. Прости, но старый доспех — ничто по сравнению с этим. — Кузнец нервозно улыбнулся.

— Я чувствую себя странно. Как будто без одежды, но кожа твердая. — поделилась она ощущениями.

— Он всегда будет сидеть по тебе, что бы не случилось. Так задумано. И, кроме тебя снять его никто не сможет, как и одеть. Поверь наслово.

— Даже ты?

— Даже я, — подтвердил кузнец. — Этот доспех признает только одного хозяина.

О том, что доспех имеет собственный разум и контролируется напрямую с борта Эшила, кузнец, конечно, умолчал. С улицы доносились уже совсем отчетливые звуки. Приятных моментов они не сулили.

— Тебе пора! — прошептал Арон.

— Так внезапно... Но почему все вот так?!

Арон не нашел нужных слов.

— Глупые люди. Раньше я бы просто убила их всех. Сожгла деревню дотла, вырезала скот....

— Да, где-то я это уже слышал. Что изменилось?

— Я не хочу. Теперь не хочу, — призналась она честно.

По крыше и ставням забарабанили первые камни, брошенные возмущенной толпой.

— Давай! — он подтолкнул ее к окну в противоположной стене, на ходу закрепляя меж крыльев компактный обтекаемый бокс.

— Мы ведь увидимся снова? — с тревогой прошептала она.

— Конечно. Только позже. А теперь улетай, быстро!

Поцеловав кузнеца в губы, Крылатая дева бросила на него прощальный взгляд, приняла из его рук черный подсумок с недовольно урчащим зверьком внутри, и, взмахнув крыльями, взвилась высоко в небо. Черный доспех отлично контрастировал с ее светлыми крыльями.

— Вот и молодец... — сказал он тихо. — Вот и славно!

— *Вероятно они сожгут твой дом...* — прозвучал в голове еще непривычный голос.

— Непременно сожгут, — вздохнул Арон. — Надо что-то делать.

Оглядевшись, он сорвал с постели белье и одеяла. Все что попало ему на глаза, будь

то книги, свитки или странные безделушки — все полетело на пол. Люди с наружи уже выкрикивали его имя. Сначала робко, потом смелее, подзадоривая друг друга и нагнетая атмосферу. Еще бы... такое событие! Приходилось двигаться быстро.

Связав все ценное в тюки, кузнец поспешил вниз. За три приема Арон осторожно сбросил вещи в колодец. Предвидя подобное развитие событий, он заранее сковал решетку и подвесил ее на цепях чуть выше воды. Заклинив в каменной горловине круглую деревянную крышку, он засыпал все сверху песком из кузницы. Так бесценные вещи наверняка уцелеют. Потом, он вернулся за тем самым топором, что так интересовал валькирию. Народ снаружи уже бесновался. Мысленно собравшись, кузнец открыл дверной засов и спокойно вышел за дверь...

Факельное шествие было в самом разгаре. Собралось все селение от стара до млада. Ну и, конечно, местный староста, лекарь, и здоровенный скотник с кувалдой. Люди, в борьбе за правые идеалы выглядели как всегда решительно, глупо и бескомпромиссно. Когда кузнец появился, шума поубавилось. Лицо его казалось спокойным и слегка заspanным. Черное облачение, под которым явно скрывался доспех и внушительный боевой топор, которым он слегка постукивал себя по ноге — приятных иллюзий не внушали.

— Что вам нужно? — вежливо поинтересовался он.

Первым очнулся староста:

— Да вот, понимаешь... люди утверждают, что крылатого дьявола ты у себя приютил. И не отпирайся! Я сам видел ночью как «оно», сверкая срамом залезало в твоё окно.

— И что же вас привело той ночью к моему дому, уважаемый староста?

— Промысел Господень, что же еще! Так ты будешь отпираться, или сознаешься?

— Так это не дьявол, — улыбнулся кузнец как можно искреннее.

— Нет? Ну тогда кто же это? Поведай нам.

— Валькирия, — честно признался он.

Староста поперхнулся и осенил себя крестным знаменем.

— В наших то краях!? Будь искренен поведай все без утайки!

Для полноты картины не хватало фразы "сын мой", но староста вовремя осекся.

— Тут нет особой тайны... Она возвращалась с какой-то войны, но была ранена. Я подобрал ее в поле. Ночью, когда ходил за сломанным плугом, по вашей просьбе.

— Это было довольно давно... Она что, была здесь все это время?

— Да... — кузнец пожал плечами. — Она попросила о помощи, и я не смог отказать.

— Прямо так и попросила? — съязвил стоявший рядом скотник. — Чего ты нам сказки рассказываешь? Давай ее сюда!

— Уж больно та дева была хороша. Сердце мое дрогнуло, вот и все. А тут ее больше нет.

Она улетела.

— Хороша собой, говоришь? — прищурился известный своей похотливостью лекарь.

— Ангельски хороша, — подтвердил кузнец мечтательно. Он окончательно вошел в роль.

— Не богохульствуй, кузнец! — Предупредил староста.

— Так и улетела?! — рослый скотник потеснил старосту с явным намерением это проверить.

— Мой дом — ваш дом... — Арон толкнул ногой дверь и отошел в сторонку, приглашая желающих убедиться лично.

Несколько особо ретивых селян во главе со скотником, с вилами и факелами ворвались

в жилище кузнеца, но так ничего и не найдя вернулись на улицу.

— Пусто! — отрапортовал Скотник. — Кузнец, а живет хуже меня. Ни тебе столового серебра ни золота, ни шкуры медвежьей. Взять то нечего. Тьфу!

— М-да... — Староста сунул голову в проем, попытался что-то разглядеть в потёмках, но заходить не стал.

— А почему ты с оружием, да еще... — он постучал Арона по плечу. — Да еще в латах, а?

— Так ночь на дворе. Люди какие — то с факелами и вилами. Я вроде дурного не делал тут. Подумал, что чужие.

— Ну да, ну да... времена нынче беспокойные, — староста стыдливо отвел глаза. — Добра ты нам много сделал, и мы это помним. А потому... зла не причиним. Но тебе придется уйти, кузнец. Валькирия, если ты не соврал, конечно, не демон. Хотя, кто их знает... тварь совсем не божья. Сам понимаешь, так просто я этого оставить не могу.

— Вот значит как. И что же вы решили?

— Как ни жаль... я изгоняю тебя из нашей общины! — он объявил свой вердикт так громко, как только смог. — Дом твой будет сожжен, стены разрушены. А строить на этом месте будет запрещено. Впрочем, как и возделывать проклятую землю. Святые отцы потом сами решат, что со всем этим делать. Уверен ты не станешь противиться. Возьми все что тебе нужно и с богом. Чтобы через два дня тебя тут никто не вспомнил.

— Даже так...?

— У меня нет выбора... — вздохнул староста. — У святой церкви на все свои взгляды. А перечить ей... сам знаешь.

— Как же вы все... мне дороги! — осерчал Арон.

Сказав это, он вскинул топор на плечо, чем перепугал добрую половину собравшихся. Покачав головой, расстроенный кузнец медленно прошел сквозь расступившуюся толпу. Выбрав местечко поудобнее, он устроился на остове старого забора, метрах в тридцати от дома. Оттуда, ткнувшись подбородком в рукоять топора, он угрюмо наблюдал, как разрастающиеся языки пламени чуя безнаказанность, жадно пожирают его родной дом. Хотя нет... отцовский он сжег по своей воле.

— *Как твои дела?* — прозвучал голос в голове.

— Почти по плану. Наслаждаюсь зрелищем....

— *Да, пылает ярко. А хочешь, огонь случайно перекинется на поселок?*

— Нет... я провел там много хороших дней.

— *Ну, как знаешь. Если подует ветер, то они сами виноваты.*

— Значит он не должен подуть.

— Приказ понял, — вздохнул голос в голове, и вокруг ненавязчиво воцарился удивительно тихий штиль.

Глава 15. Знакомство с родителями

Крыша и балки прогорели быстро. На то чтобы остов дома основательно выгорел ушло около часа. Когда последние зеваки разошлись по жилищам, за спиной кузнеца послышался шелест крыльев, и тихая поступь. Рука Сольвейг легла на его плечо.

— Ну, как ты? — прошептала она.

— Начинаю новую жизнь. Смотрю как старая догорает...

Арон ответил так будто все шло своим будничным чередом. Как-то беззаботно просто.

— А ты чем порадуешь?

— Немного болят крылья, но ничего. Я уже и забыла, что такое радость полета.

— Рад за тебя, — он похлопал ее по руке.

— А с тобой что будет дальше?

— Милая Сольвейг, твоя судьба сейчас волнует меня куда больше.

— А что с моей судьбой? Идти мне некуда... жить как раньше я не хочу, и не смогу.

Мне было уютно в твоём доме, но он сгорел. Что будет дальше — без понятия. Но я точно знаю, что хочу быть поближе к тебе, чтобы вовремя прикрыть твою спину. А ты научишь меня правильно жить. Так я решила.

— Забавно... — вздохнул Арон.

— Что забавно? — Сольвейг прижалась к нему плечом и склонила голову, уткнувшись губами в его макушку.

— В детстве, наслушавшись разных героических историй, я мечтал, что однажды вырасту, совершу подвиг, и услышу такие слова от прекрасной принцессы. Вот только и представить не мог что это будет так...

— Как?

— Ну, вот так... — он обвел происходящее вокруг красноречивым жестом.

— Знаешь, — встрепенулась она. — А ты прав. Это действительно забавно!

— Еще бы... — вздохнул кузнец.

— Нет, я как-то не думала об этом в таком ключе, но ты послушай! Если отбросить все лишнее и малоприятное.... То и формально, и по праву рождения я действительно принцесса.

— Ну да, точно... — Арон как-то смутился — Отец король, а мать королева.

— Будешь моим принцем. Радуйся! — рассмеялась она.

Помолчав какое-то время, Арон внимательно посмотрел на рыжую бестию, взял за руки и осторожно, стараясь избегать пафоса, заговорил с ней:

— Сольвейг!

— Да, мой принц?

— Так уж случилось, что я остался один. По правде сказать, мое сердце опустело и, почти, остыло. Так было, пока ты не свалилась на меня с неба.

Она хотела что-то возразить, но он прикрыл ей рот ладонью.

— Здесь больше нет дорогих мне людей и судьбы этого мира не скоро тронут мою душу. Я больше не буду повторять, так что, выжги это каленым железом в своем мозгу! Я принимаю то, кем ты была раньше, вижу, кто ты есть сейчас, и, верю в то, какой ты станешь в будущем. Что бы не случилось, — для тебя всегда есть место в моем сердце. С этого момента я только на твоей стороне. Вот тебе моя клятва.

Зловещее предзнаменование, сквозившее из его слов, заставило Сольвейг сжаться на миг. Внутренний голос шептал, что цена ее счастья может стать слишком высокой.

— Стой! — озарение вдруг сошло на нее. — Что-то должно случиться? Когда!?

В глазах Сольвейг промелькнуло недоверие и страх. Но кузнец не ответил, потому что голос в его голове нарушил молчание:

— *Арон, есть активность! Несколько целей в километре над вами. Снижаются по спирали, будут брать в кольцо.*

— Мы не одни, — кузнец поднял руку и не отрывая взгляда от Сольвейг, ткнул пальцем в небо.

Быстро выдохнув, он достал из подсумка шлем и одел на голову. Затем, одним движением захлопнул свое и ее забрало.

— Приготовься! — скомандовал он. — За тобой пришли!

— Вот значит, как... Крылатая дева посмотрела вверх, потом снова на него. Подумав секунду, она сняла с плеча подсумок со спящим в нем котенком и повесила на угол забора. Медленно разогнула спину, расправила плечи и встряхнулась. Кузнец последовал ее примеру.

Гости не заставили себя ждать. Взмахи крыльев и приглушенный лязг металла сопровождали приземление небольшой, хорошо организованной группы. Шлем Сольвейг, как и шлем кузнеца, имел непроницаемое, безликое снаружи, забрало. Однако изнутри он позволял видеть и слышать более чем достаточно.

— Пока забрало опущено, мы можем общаться на любом расстоянии, и нас никто не услышит.

— Поняла, — Она еле заметно кивнула.

— Делай что должно и будь что будет! — прошептал он.

Сольвейг повернулась к Арону повторяя про себя только что сказанное.

— Я поняла, — коротко и холодно ответила она.

Тем временем, крылатые бойцы образовали собой круг, рассредоточившись в пределах нескольких метрах. Все в подвижных латах. Вооружены и серьезно настроены. Кто-то, как Арон опирался на боевой топор. Кто-то носил меч. Иные же — подобие огнестрельного оружия или длинные копья. К своему удивлению, Арон заметил, что не все воины, как мужчины, так и женщины, имеют обычные крылья. Часть бойцов носила оперение целиком состоящие из металла. Крылья различались по цвету размерам и форме. Но функции свои, судя по всему, исполняли исправно. Возраст бойцов тоже разнился. На первый взгляд здесь собрались люди от тридцати до пятидесяти лет. Но это только внешне. Помнится возраст прекрасной Сольвейг перевалил далеко за сотню.

— Здесь Уна! — Сольвейг сразу вычленила из группы свою боевую подругу. Именно с ней в былые времена она пускала кровь и вселяла в людей ужас.

— Парень? — окликнул кузнеца знакомый голос.

Арон повернул голову. Рядом, откуда ни возьмись, появился Хаук. Старик был спокоен, но глядел виновато.

— Послушай! Наш король мудр и справедлив. Не делай глупостей и уцелеешь.

Хауку бы уйти, но старик не отвел взгляда и не двинулся с места, чем четко обозначил свою позицию.

— Я тебя понял, старик. Но не дыши мне в спину, — ответил сухо кузнец.

Хаук понял, что ничего не выйдет, но он хотя бы попытался. Вскоре, описав круг над

кольцом воинов, на землю ступил сам король.

— Отец? — Спросил Арон.

— И мама... и сестры тоже, — послышался грустный голос в наушнике.

Следом за королем земли коснулась и королева. Ангус — суровый мужик, по-другому не скажешь. Лет под шестьдесят внешне. Он не уступал в росте Сольвейг, но был значительно мощнее любого из присутствующих. Тонкий золотой обруч в волосах и золотые доспехи, переливающиеся в свете догорающего пожара, свидетельствовали о его высоком статусе. Он носил густую, вьющуюся шевелюру, с обильной проседью, квадратную бороду, переходящую в усы, и бакенбарды. Король был сед, но полон сил. На поясе он носил меч, какое-то стрелковое оружие, украшенное резьбой, и, свёрнутый в кольцо кнут.

— *Он опасен!* — прозвучал голос Эхила в голове.

Арон не отвечал. Это было заранее оговорено. Он продолжал смотреть и слушать.

Королева — единственная кто присутствовала здесь в мягких, светлых одеждах. Женщина не уступала в стати королю, но физически уступала по силам Сольвейг. Хотя все же носила оружие. На поясе висел тонкий длинный меч больше похожий на рапиру. Королева оказалась поистине прекрасна. В лице Сольвейг угадывались именно ее черты. Волосы светлые, прибранные аккуратной диадемой, скромные серьги, изящная золотая цепь с кулоном на груди. Возраст же королевы выдавал только ее взгляд. Она явно провела несколько бессонных ночей и плохо скрывала поселившуюся в ней тревогу.

Бросив взгляд на кузнеца, король приветственно поднял руку. Арон тут же ответил поклоном. Этот человек сразу внушал к себе уважение. Ангус переключился на валькирию. Подойдя на несколько шагов, он придирчиво оценил наряд Сольвейг. А смотрелась она, надо сказать, эффектно. Матовая черная броня, покрытая цветографическими схемами и отражающими свет полосками, подчеркивала ее осанку и контрастировала со светлыми крыльями. Королева держалась чуть позади короля, по левую руку. И с нескрываемым рвением выглядывала из-за его плеча. Король заговорил ровно, без тени гнева или иронии:

— Мне сказали, что здесь видели мою недостойную дочь. У нее были гордость, крылья и меч!

Никто ему не ответил.

— Я хотел бы увидеть ее! — продолжил король, отрешенно глядя куда-то в сторону.

Сольвейг медленно извлекла меч из ножен, сделала уверенный шаг вперед, и вонзив клинок в землю, опустила на одно колено. Не выпуская эфеса из рук, она сняла шлем и склонила голову. Лицо валькирии выглядело на удивление спокойным. Взгляд ровным. Губы застыли в легкой улыбке.

— Ну, здравствуй, Сольвейг.

— Здравствуй, отец, — она склонила голову ниже.

— Хаук сказал, что ты изменилась? — поведал король. — Не разоряешь больше селений, не вырезаешь скот?

— Так и есть, отец, — подтвердила Сольвейг.

— Это твой друг? Странно что он человек, и еще более странно, что он до сих пор жив.

Король замолчал. Королева попыталась приблизиться к дочери, но он жестом вернул ее на место. Благосклонная улыбка сползла с его лица.

— Я, в отличии от твоей матери, не поверил Хауку и решил посмотреть сам.

Он повернулся к догорающему остову дома, снова окинул взглядом кузнеца, и вернулся к разговору с дочерью.

— Я говорил тебе не возвращаться, Сольвейг?

— Да, — кивнула она.

— Но ты вернулась...

— Невольно.

— Невольно? Как это понять? Это такое оправдание? — Возмутился король.

— Войны кончились, отец. Я направлялась на восток, и не нарушила запрета, лишь немного срезала путь.

Король кивнул. Сложив руки на груди, он подошел к кузнецу. Королева, улучив момент тут же бросилась к Сольвейг, стремясь обнять дочь. Но ничего не получилось. Она даже не подняла головы.

— Я Ангус, несчастный отец этого чудовища, — он указал на Сольвейг. Потом ткнул пальцем в шлем Арона. — Ты не против?

Оставаться в шлеме в присутствии царской особы это не уважение. Поняв, чего тот хочет, Арон склонил голову, коснулся рукой своей шеи и позволил королю снять с себя шлем.

Повертев необычный предмет в руках король заглянул внутрь и взвесил. Затем проверил его на прочность и вернул обратно, всматриваясь в лицо собеседника.

— Интересно... Твоя работа?

Арон кивнул, не сводя с короля глаз.

— Твое лицо мне знакомо, как и это место. Но меня терзают сомнения... ведь твое имя не Олаф?

— Олаф — имя моего отца, — ровно ответил кузнец, и слегка поклонился. — Я Арон.

Король непроизвольно вздрогнул и снова оглядел парня.

— Да время не стоит на месте. А где сам...

— Его нет.

Король вопросительно приподнял бровь.

— Убит. Семь лет назад на этом месте.

— О... — король кивнул, сочувствуя. — Что с убийцами?

— Их не стало, — ответил он так же ровно.

— Вот как...

Арон опустил взгляд. Но крылатый король сменил тему.

— Твой дом сторел. Что будешь делать?

— Построю новый. Больше и в другом месте.

— Дурная слава быстро разлетится по округе. Не хочешь перебраться на белые горы? Хороший кузнец везде на вес золота.

Арон поднял глаза. Король был серьезен.

— А что взамен?

— Держи оружие в ножнах, — со всей строгостью потребовал он.

Арон улыбнулся. Король действительно был мудр. Но это ничего не меняло.

— Что с ней станет?

— Это семейное дело. Тебя не касается.

Король отвел глаза в сторону в ожидании ответа.

— Парень, — окликнул кузнеца Хаук. — Лучше тебе принять предложение.

Он оценил участие старика, но выбор был сделан давно и окончательно. От этого на душе становилось легко и приятно.

— При всем уважении... — Арон вновь склонил голову перед королем. — Ваша дочь, конечно, редкая, вероломная тварь, но это ничего не изменит.

Он оттопырил ворот доспеха и повернулся к свету. Не его щею отчетливо выступали свежие шрамы от зубов крылатой девы.

— Ее работа?

— Да, случайная рана. Пошло заражение, но ваша дочь оказалась рядом. Укуси она сильнее — и меня бы не стало. Оставь как есть — итог тот же. Думаю, вы понимаете, чем я ей обязан?

Конечно, кузнец умолчал о том, кто нанес ему первую рану, по понятным причинам.

Король кивнул. Отступив с сожалением, застывшим на убеленным сединами лице, он взял измотанную переживаниями королеву за руку, и отвел подальше от дочери. Какое-то время он грустно смотрел в ее заплаканные глаза. Королева, не выдержав, отвернулась.

— Отец! — вдруг подала голос Сольвейг. — Мне жаль, что все так случилось. И, ты прав, я осталась прежней. Но... что-то меняется вокруг.

— И что же?! — расвирипел несчастный отец.

— Это для меня сложно. Но... я не хочу больше убивать. Я не нарушила твоего запрета и не нарушу впредь!

— А не поздно? — осведомился король с нервной усмешкой.

— Возможно... — призналась Сольвейг.

— И чего ты от меня хочешь, недостойная дочь? — Король вопросительно поднял брови. — От своего короля, от отца на которого опустила меч? От королевы, матери, потерявшей покой и сон? От соплеменников, живущих перед тобой в страхе?

— Отпусти нас... — Сольвейг опустила глаза. — И больше никогда обо мне не услышишь.

— А иначе что?! — повысил голос властный отец.

— Ты меня знаешь: стоит битве начаться, и я не смогу остановиться. Многие пострадают.

— Вот! Вот и ответ на твой вопрос! А ты не переживай, милая, здесь все знают, чем рискуют. Они добровольно пошли за мной. Просить не пришлось.

Король повернулся к своей королеве. В глазах его была печаль, и боль, но он принял тяжелое решение.

— Прости, — прошептал он. — Это нужно сделать.

Арон глянул на Хаука, дав понять, что ближе подходить не стоит, и подкинув в руках шлем, надел его на голову. Тронув Сольвейг за локоть, он жестом предложил сделать то же самое. Лицо ее выражало сожаление, а в глазах промелькнула тень безысходности. Словно очнувшись, она, как и прежде быстро скрутила волосы в жгут, опустила в шлем и рывком надела его на голову.

— Ты правда со мной до конца? — спросила она.

— Да. Их судьбы мне безразличны.

— Тогда... всего дна просьба, мой странный, незаслуженный друг.

— Все что угодно, — решительно ответил он.

— Не убивать. Только ранить.

— Милосердие? — удивился кузнец.

— Называй, как хочешь. Я так решила.

— Хорошо, — улыбка расползлась по его лицу. — Это сложно, но, так и будет!

Милосердие? Сейчас? От этих слов в душе кузнеца словно распустились розы. Он верил не зря. Все-таки, что-то в ней перевернулось окончательно. Жаль только, не вовремя. Теперь перемена эта может, стоять им двоим жизни.

Подняв клубы пыли, король Ангус взмахнул своими мощными крыльями, унося свою королеву подальше от невыносимого зрелища.

— *Ты точно не хочешь, чтобы я вмешивался?* — последний раз грустно удостоверился голос Эсхила в голове.

— Абсолютно, — подтвердил кузнец. — Пусть все решится в честном бою! Хочу узнать себе цену.

— *Друг мой,* — вздохнул Эсхил, — *для меня ты бесценен....*

Арон ему не ответил. Он кожей ощущал неизбежность битвы. Оставшись в кругу старых, но бывших друзей, кузнец и валькирия встали спиной к подгнившему забору. Кузнец никогда не видел, как бьются валькирии. А потому с интересом наблюдал, как плотно его дева сжала свои крылья. Теперь, они надежно защищали ее голову и спину. И вот оно, голубоватое свечение на крыльях. То самое поле, о котором говорил Эсхил.

Бой начался неожиданно. Уна, подруга Сольвейг резко вскинула странное продолговатое оружие и произвела выстрел. Пуля попала крылатой дева точно в лоб, от чего голова ее дернулась.

По задумке Уны, этим все должно было кончиться. Быстрая смерть без мучений и позора. Но этого не случилось. Следом раздалась целая череда выстрелов и удары пуль посыпались со всех сторон. Арона это здорово веселило. Незаметное человеческому глазу поле, излучаемое его костюмом, лишало пули кинетической энергии прежде, чем они могли нанести серьезный урон владельцу. Броня же Валькирии была куда проще и приближена внешне к традиционным доспехам. Но прочность и технологичность ее материала поражала воображение.

Поняв, что быстрой расправы не будет, крылатое войско обнажило холодное оружие. Мечи, топоры и пики с лязгом и звоном покинули свои походные крепления и ножны.

— Ты как? — спросил он Сольвейг.

— Слегка расстроена, и звенит в голове. Твой шлем просто отличный.

— Должно пройти. Постарайся восстановиться.

Почувствовав странный внутренний прилив, Арон выпрямился и расправил плечи. Вынув из земли свой легкий вороненый топор, он нарочито тяжело водрузил его на плечо и тяжелой поступью вышел на середину круга.

Первый же кто выступил против него поплатился за свою беспечность. Резкий удар плоскостью топора по золоченому шлему, отправил его в глубокий нокаут. Осторожно обойдя павшего воина, переступая через его крылья, он снова вернулся в центр импровизированного круга. Теперь против него вышли уже двое, но их постигла та же участь. Оттащив раненых подальше от центра, он снова занял позицию. Но крылатых воинов это не смущало. Они выходили ему на встречу, падали, закрываясь щитом из крыльев, приходили в себя и снова вставали. Арон не делал различий между мужчинами и женщинами. Все, кто поднимал на него оружие, получали свое. Через пол часа, бой стал более серьезным. Изучив его тактику, воины стали более осторожны и стремительны. Атаки повторялись не только со всех сторон, но и сверху.

Лязг оружия и звуки битвы снова растревожили поселок, и первые беспечные зеваки уже подтянулись поближе, наверное, думая, что их никто не замечает.

Наконец, чей-то сильный удар свалил кузнеца на землю. Его доспех, как и любая броня конечно сковывал частично движения, но не лишал подвижности. Встроенные силовые приводы мгновенно реагировали на любую активность владельца и в нужный моменткратно увеличивали его силу.

Воткнув пятки в землю, кузнец резко оттолкнулся, сбивая с ног сразу двоих нападавших и, перекатившись несколько раз, оказался далеко позади места битвы.

— Мой герой! — Сольвейг похлопала его по плечу. — На сколько крепки мои доспехи, мастер?

— До безобразия крепкие, — с гордостью ответил он.

Она кивнула и двинулась в атаку. Сначала медленно, потом резко ускорила и ворвалась в ряды чуть отдохнувших противников. Такого боя кузнец никогда не видел. Влетев в толпу нападавших, Сольвейг свернулась, поджала ноги словно прыгая через костер, и обернулась крыльями. В следующую секунду вращаясь и рыча она развернула их с такой силой что воинов раскидало в стороны. Лезвие ее меча замелькало подобно вспышкам молнии. Она искусно атаковала и тут же закрывалась от контратаки, светящимися тусклым светом крыльями.

Однако, было заметно в какие моменты она сдерживается. Ее тактика предполагала разящие смертельные удары, после которых больше не встают. Но клинок наносил лишь поверхностные, не глубокие, или множественные мелкие раны. Конечно, они были болезненны, кровоточили, но не лишали жизни.

Ее сородичи бились с честью и отвагой, присущей далеко не всем. Уже примерно через пол часа все было кончено. На ногах осталась стоять лишь Уна. Раны ее кровоточили, причиняя сильную боль, доспехи пришли в негодность, шлем давно слетел. Но она крепко сжимала в руках меч, и в глазах не читалось сомнений. Сольвейг сложила крылья у себя за спиной. Критично осмотрела свою старую надежную подругу и подкинув свой меч перехватила его за острие. Резким ударом чудовищной силы она выбила меч из рук подруги, сломав его у самой рукояти. Осколки лезвия со звоном разлетелись по округе.

Хаук, понимая, что единственный остался невредим, решил что-то сделать. Он ринулся было вперед, но Арон рукоятью топора подцепил его за сапог и опрокинул... Только пятки сверкнули. Затем, кузнец помог старику сесть, и когда тот отдышался, вернул его меч в ножны. Силы были не равны. Хаук мог только вскинуть бессильно руки.

— Так будет правильно, — Арон мягко похлопал ему по плечу. — Честь — умереть за своего короля. Но не сегодня.

— Я слишком стар... — посетовал он еле слышно. Слезы обиды заблестели в глазах когда-то великого Хаука. Он поник головой и влезать в бой больше не пытался.

Воцарилась звенящая тишина. Арон слышал только свое дыхание в шлеме и потрескивание бревен в пламени догоравшего дома. Продолжая держать меч за лезвие, валькирия открыла шлем. Арон не видел выражения ее лица. Протянув руку, она осторожно, если не сказать с нежностью положила ладонь на плечо израненной подруги. Подарив губам Уны скромный поцелуй, она привычным движением зачехлила меч, и отыскав в полутьме фигуру кузнеца, побрела в его сторону. В глазах Сольвейг блестели слезы.

Потерявшая всякую возможность воевать, ошарашенная и сбитая с толку Уна безвольно опустилась на колени. Вскоре, тишину начали нарушать стоны тех, кто приходил в сознание. Хаук, поняв, что время пришло, бросился помогать раненым. Шарахнувшись от Сольвейг, как от огня, он, на ходу расстегивая сумку, принялся бинтовать и обрабатывать наиболее

опасные раны.

— Этого мне не простят уже никогда... — всхлипнула Сольвейг, падая перед Ароном на колени.

— Поживем — увидим. Ночь еще не кончилась.

Король появился внезапно. Он шел быстрым шагом, а следом, на приличном удалении, спотыкаясь в потемках, семенила королева. Состояние Сольвейг удручало... Она утратила боевой дух и не могла унять слезы. Подпустив короля ближе, Арон встал, заслонив деву своим телом.

— Бейся со мной! — рывкнул король, обнажая широкое лезвие своего клинка.

Реакция рыжей бестии была неожиданной и внесла смуту в происходящее:

Вынув меч из ножен, она, не глядя, швырнула его отцу под ноги.

— Что еще за бабские выпады, разве так я тебя учил?! Ну-ка встань и сражайся с равным по силе! Имей смелость ответить!

— Вам этого мало? — спокойно осведомился кузнец, кивнув на пару десятков тяжело раненых верноподданных.

— Что!?! — ощерился тот внезапно. — Ты понимаешь с кем говоришь, смертный? В сторону!

— Не в этой жизни, — ответил кузнец добродушно.

— А другой у тебя не будет!

Он стал много говорить, в ход пошли оскорбления, а это верный признак что противник не уверен в своих силах. Однако, меч короля мелькнул с потрясающей скоростью... Если бы не броня и мышечная автоматика, кузнец наверняка потерял бы руку. Но удар был сдержан.

— Что!?! — король взревел от ярости.

Следуя единственному желанию отрезать короля от его дочери, Арон сжал руку в кулак, и что есть мочи, вложил в силу удара. Толчок пришелся в защищенный латами живот короля. И сила была такова что его согнуло пополам и отбросило сторону на несколько метров. Впрочем, король быстро погасил скорость крыльями и распрямылся.

Арон встал. Врос стеной между своей возлюбленной и ее разъяренным отцом. Но тот не опешил. Молодой кузнец был для него лишь преградой. Цель атаки была за его спиной и рыдала на коленях.

Следующий выпад Арон сдержал уже сам. Элемент внезапности был утерян. Кое кто из крылатых бойцов уже смог встать на ноги и даже подобрал оружие. Но вмешиваться они не спешили. Безмолвно созерцали, морщась от полученных ран.

Выпады крылатого короля становились все сильнее и резче. Но вскоре и он достиг своего предела. Уклоняясь и контратакуя, кузнец, конечно, чувствовал усталость. Но привычка к длительной и изнурительной работе, как в кузнице, так и в поле, в купе с энергосистемой брони, давали ему ощутимое преимущество. Рубище привлекающее множество уже совсем не прятавшихся селян, становилось похоже на избиение. Король с остервенением колотил кузнеца, отступал на несколько мгновений, чтобы отдышаться и обрушивал меч снова.

Доспех кузнеца с честью выдерживал натиск, но от боли не избавлял в полной мере. Он же, памятуя о данном обещании, наносил удары плоскостью топора, либо по хорошо защищенным элементам позолоченного королевского доспеха. Правда элементов этих становилось с каждым ударом меньше. Пока не осталось ничего кроме плетеной из гибких стальных лент кирасы.

Хотя король и не получал ущерб, удары черного топора были ощутимы и чертовски болезненны. Особенно попадая по одним и тем же местам повторно. Когда спесь короля сменилась накатывающей усталостью в ногах, а потом и во всем теле, он наконец догадался: с ним играют, причем, не честно!

— И что дальше? — прошипел он, смахивая пот со лба израненной ладонью. — Так и продолжишь меня шлепать?

Кузнец отступил. Его топор глухо уткнулся в утопанную землю.

— Поставим вопрос иначе: какой части тела вас лишит чтобы Сольвейг обрела покой и надежду на будущее?

— А ты вымотал меня, щенок! — король выругался, не стесняясь в выражениях. Он, опираясь на меч, встал на колени, чтобы перевести дух.

Арон пользовался моментом. Отдых тоже был ему нужен.

— Часть тела, говоришь? — усмехнулся Ангус. — Сейчас посмотрим!

— *Опасность!* — зазвенел голос в голове кузнеца, и он рефлекторно отскочил в сторону.

Белая молния просвистела в полуметре от него, и взвилась змеей в небо. Вороненый топор кузнеца дымился остывающим срезом, разделившим его пополам. Оружие стало бесполезно. Кнут, что до этого висел на поясе короля светился и мерцал, переливаясь снопами белых искр.

— *Уклоняйся!* — скомандовал голос в голове, и Арон повиновался. Король злорадствовал, почувствовав вновь свое превосходство. О более или менее честной битве можно было забыть.

— Часть тела, говоришь! — не унимался король, — Сейчас посмотрим!

Арон прыгал и уклонялся, чувствуя себя блохой на лысой голове, которую вот-вот прижмут ногтем, и она брызнет по все стороны своим содержимым. Сложность заключалась еще и в том, чтобы находиться все время на одной линии между Сольвейг и королем Ангусом. Все, что происходило вокруг слилось в одно аляпистое изображение, вращающееся по кругу то в одну, то в другую сторону.

Вскоре, кнут короля рассек шлем. Ведь нельзя бегать вечно. Изображение тут же пропало и пришлось от него избавиться. Следом появились глубокие ожоги на грудной пластине, ногах и спине. Ткань, покрывавшая доспех, теперь висела лохмотьями. Индикаторы на внутренней стороне ворота сошли с ум, а мерцающая багрово красными огоньками.

Король пребывал в диком экстазе. Он хохотал как сумасшедший и рыча наносил новые удары. Арон почему-то искал во всей этой круговерти королеву. Ее побелевшее лицо застыло в ужасе.... Следующий удар кнута поверг королеву в еще больший ужас.

Кузнец отвлекся всего на мгновение. И, мог бы увернуться. Но такого он ожидать не мог...

Кнут короля броском кобры устремился прямо к нему и, вдруг, обрел твердость. Тонким жалом он пробил грудь технологичного доспеха насквозь и пронзил тело.

Арон пошатнулся и осел на землю. Жало выскользнуло из раны так же легко, как и вонзилось. Он набрался сил, но их хватило лишь встать на одно колено. Было такое чувство, что силы разом покинули его. Улетучились.

— Он повредил элемент питания. Доспех мертв. Избавься от него как можно быстрее — звенел голос в голове.

Арон поднял глаза удивленно. Король бесновался и торжествовал.

— Что? Удивлен, щенок? А как тебе это!?

Ангус высвободил продолговатый предмет, который Арон изначально принял за огнестрельное оружие направил в сторону дочери, все еще безучастно наблюдавшей за происходящим. В воздухе повис неприятный нарастающий свист, а в нос ударил запах озона.

— А я ведь хотел решить все по чести... — ухмыльнулся король.

— *Плазма!* — воскликнул голос Эхила, разрывая и без того звенящую голову Арона.

Осознав, что будет сейчас, кузнец вонзил пальцы в землю и вырвав ошметок вместе с травой метнул его в голову короля. Этого хватило, чтобы успеть к любимой...

Глава 16. Чудо

Сил хватило только на один бросок. Но, больше и не требовалось. Падая, он закрыл ее своим телом, заметив в ее заплаканных глазах ужас, и блики от яркой вспышки. Земля и песок лишь на мгновение замедлили короля. Он не дрогнул. Стусток обжигающей плазмы ударил кузнецу в спину....

В этот момент время для Сольвейг остановилось. Она ни сразу поняла, что случилось, но неприятное предчувствие, дрожью отдалось в сознании девы, и она испытала боль, которой еще никогда не знала. Там, где, по ее мнению, ее и быть не могло. В самой глубине души...

Она трясла кузнеца, но он не отвечал. Она звала его, но он молчал. Она разговаривала с ним, пыталась поставить на ноги. Носилась словно с тряпичной куклой. Но и это не помогало. В это же время голос в голове кузнеца, тщетно пытался достучаться до опустевшего сознания. Один лишь намек, и врагов вокруг не станет. Но Арон молчал...

Хаук, не в силах смотреть на это зрелище отвернулся и зашагал прочь, скрепя многочисленными зубами. Королева Гуда закрыла лицо руками... что будет дальше она знала. Еще минута и она лишится дочери и больше никогда не взглянет в глаза своему мужу.

Наконец осознав, что случившееся и есть правда, Сольвейг подняла взор на отца, ожидавшего, когда смертоносное оружие снова зарядится. Он твердо решил поставить в этой истории окончательную, жирную точку. Но... то, что он увидел в ее глазах сковало его волю и чувства. Он не увидел ненависти. Не увидел злости, или привычной дерзкой решимости. Только непонимание, немой вопрос и боль.... Последнее он ощутил почти физически. Не так все должно было произойти. Конец он планировал быстрым, расправа короткой... Он просто хотел ее убить. Потому что породил ее тоже он. Он научил. Он дал в руки меч. Он радовался ее достижениям. Указывал цель и поощрял победы. В ее лице он решил покончить со всеми совершенными им ошибками. Но мучить ее он не хотел.... И тем более не хотел вмешивать кого-то еще.

Когда-то давно, тайком, он прилетел сюда, держа в руках умирающего младенца. Он отдал его кузнецу, чтобы тот смог оплакать и похоронить маленькое тело. Но, младенец каким-то чудом выжил! И для чего? Чтобы пасть от его руки заслоня собой его недостойную дочь?! Уж это было слишком.

Рука его дрогнула, Ангус уже колебался, а стоило ли продолжать все это? Не перешел ли он черту. Не затмила ли гордыня его совесть? То, что сделал король было подлым шагом. Но он никак не мог проиграть. Нельзя было этого позволить. Однако, как теперь выглядел он в глазах своих подданных?

Король огляделся. Воины его все понимали, но отводили глаза. Каждый знал, что нужно было довести до конца начатое. Но, ясно было и то, что их отважный мудрый король проявил недостойную монарха слабость.

Ноги Сольвейг подкосились. С бездыханным, израненным телом на руках, она рухнула на пыльную землю. Она прижала тело кузнеца к груди прикрыва крыльями и издала такой крик отчаяния и боли, что воздух вокруг уплотнился. Волна его сбила с ног всех, кто находился по близости. Сметая листву с деревьев, она обожгла сердца и души людей такой болью и ужасом, что многие потеряли сознание. Когда все стихло, обгоревший остов дома с грохотом и скрипом обвалился, хороня под собой все что значил для Сольвейг кузнец.

В умирающем сознании Арона пульсировало только одно. Он, наконец, осознал: всё что дорого ему в этой жизни, он обрел лишь сейчас. Внутренний голос вкрадчиво твердил ему, что все уже не важно. Это уже не его заботы. Что он ничего не сможет изменить отсюда. Он умер... Все! Спроса нет, и здесь его никто не достанет и не осудит. Но... память о Сольвейг не отпускала его сознание в темную пучину забвения. И, вдруг, этот душераздирающий крик... взорвавший темные задворки мироздания! Переполненный чудовищной болью. Ее болью.

Память быстро вернулась к нему. Вместе с осознанием того, где он находится и что происходит. Для самого Арона словно прошла вечность, но для остальных — минуты.

Убитая горем Сольвейг, не сразу почувствовала перемены. Ей показалось, что бездыханное тело немного потеплело. Крылья ее затрепетали, она взяла его окровавленную руку и прислонила к своему лицу. Но ей не показалось. Сквозь прорези, оставленные кнутом, из-под пластин доспеха струился мягкий свет. Он был слабым, но в темноте заметным. Под кожей кузнеца словно сквозь воск свечи, пробивались алые всполохи. Сольвейг затаила дыхание. Она уже видела это раньше и сомнения в ее душе сменились надеждой...

И он действительно оживал. Но ничего хорошего это не сулило.

— Арон! Арон! — паниковал голос в голове. — *Что происходит? Ты нагреваешься! Ты греешься слишком быстро!*

Но он не обращал на это внимания. Оживший мозг загружал в растерянное сознание последнюю картинку, которую видел. Тело кузнеца и правда становилось горячим. Сольвейг обдало жаром, и она опустила его на землю.

Мертвое тело пошевелилось. Кузнец резко сел. И так же резко встал. Его голова, руки, тело — все светилось какой-то лучистой энергией. Зрелище было жутким, но чарующим...

Ошметки ткани на его истерзанной броне задымились и вспыхнули ядовитым пламенем. Голос в голове, истошно вопивший до этого, вдруг, пропал. В сознании не осталось ничего кроме слепой злобы. Свежая кровь на его ранах запеклась и осыпалась пеплом. Порезы и ссадины на лице и руках, вспыхивали и исчезали.

Когда вернулось зрение, перед ним была только одна задача. А в памяти только одно обещание. Ничто более не имело значения. Он вновь встал между пораженной крылатой девой и крылатым коронованным великаном. Кто эти люди он понимал смутно, но точно знал, что место его здесь.

Выстрел опешившего короля оказался бесполезным. Он просто ушел мимо. Пылающий мертвец лишь проводил взглядом сгусток плазмы. Оружие вновь издало характерный свист, накапливая энергию. Нужно было совсем немного времени. Но, его у короля уже не было. Пылающий труп ринулся в бой стремительно. Король попытался взмыть в воздух, но этого не случилось. Его схватили за ногу и с силой ударили оземь. Словно кошку, пойманную за хвост. Королю обожгло ноги, но он смог высвободиться, и отскочить.

Его смертоносное оружие оплавилось и теперь, валялось на земле сломанной безделушкой. Воспользоваться кнутом король тоже не успел. Кнут отказал, едва вступив в контакт с пылающим телом. Меч стал бесполезен. Ужас и смятение пустили корни в душу крылатого монарха.... Загнанный в угол, король, судорожно озирался в поисках спасительного шанса. Но... шансов не осталось. Пылающее ненавистью тело кузнеца вцепилось в короля мертвой хваткой. Он держался сколько мог, но вскоре завопил от дичайшей боли. Жар от раскаленного мертвеца обжигал его тело, а руки, зажатые в лапах

кузнеца, покрылись кровавыми волдырями. Запах паленого мяса смешался с запахом гари. Хватка кузнеца и зажженная в нем ненависть не оставили шансов королю. Ангус уже не мог кричать. Он умирал в адских муках.

Сердце Сольвейг дрогнуло подобно треснувшей плотине. Вина, жалость, любовь, стыд и снова вина — все смешалось. И эта волна, ломая все на своем пути, хлынула из глубин души, наружу.

— Не надо больше!!! — вдруг закричала она голосом, содрагнувшим души. Именно закричала, а не прохрипела, как раньше.

Она бросилась к кузнецу, который ненавистью, превратившейся в пламя, превращал ее отца в пепел. Сольвейг упала перед ним на колени.

— Это же я, Сольвейг... Хватит! Не надо больше. Ему же... больно!

В воспаленном сознании кузнеца осело лишь два слова:

"Сольвейг" и "боль".

Ненависть и злоба, словно капля воды, упавшая в раскаленный горн — без следа испарились.

Мгновение, и пламя, окутавшее кузнеца звучно схлопнулось, сменившись густым едким дымом. Черно — серое облако повалило от него, наполняя воздух мелкими тлеющими ошметками, и едкой гарью. Он разжал пальцы. Измученный, обожженный король, изнывая от предсмертных мучений, рухнул на землю. Крылья его обгорели до самого остова, волосы на лице и голове тоже. Обожженная кожа свисала лоскутами. Не было живого места на теле.

Арон взглянул на свои раскаленные добела пальцы, отступил на шаг, и обо что-то споткнулся. Это и был Ангус. Глаза заслезились от дыма, но он успел разглядеть, что только что сделал. Вот только торжества в душе от чего-то не было. Король умирал... Все, кто до этой минуты наблюдал безучастно, ринулись к нему. Давящаяся слезами Сольвейг, многострадальная королева мать, израненные воины, Хаук... и даже местный староста, в сопровождении двух взволнованных воинов, осмелился, подойти ближе.

— Сольвейг! — позвал вдруг король, порванными связками. Он искал ее растеряно, озираясь запекшимися глазами.

— Я здесь отец! Я рядом.

Король повернул голову на ее голос и тихо заплакал.

— Прости меня. — прохрипел он. — Я вел себя недостойно. Я сделал тебя такой, какая ты есть. Я... не показал тебе другую сторону жизни. Где есть любовь, покой, умиротворение. Я, старый дурак, только сейчас это понял.

— Отец! — всхлипнула она. — Не нужно сожалений. Я знала, что творила и делала это, потому что хотела. Но не назло тебе. Не надо!

— А ты изменилась... правда! Я не вижу, но, наконец, чувствую это! Надо было потерять глаза, чтобы начать видеть сердцем. А кузнец... где кузнец?

— К нему невозможно подступиться, ваше величество, — отозвался Хаук.

— Это я должен был любить тебя так, как любит он. Он разглядел в тебе то, чего я не заметил. Не захотел увидеть. Я натаскивал тебя как боевого пса. Единственную из сестер. Я не думал о последствиях... И ведь самое удивительное, ты смогла... ты полюбила! Твое сердце не очерствело, а душа вернулась к жизни. И это настоящее чудо...

Король закашлялся, на обожжённых губах проступила темная, густая кровь.

— Я искренне рад, что в своей бесконечно длинной жизни, видел то, что случилось сегодня. Теперь мне не страшно. Мне больно, но, радость за вас меня переполняет....

— Уна! А где Уна? — запаниковал умирающий король.

— Я здесь, — коротко отозвалась она.

— Уна...

— Слушаю, мой король.

— Я чувствую, что ухожу, но все еще в твердой памяти! — выкрикнул король. —

Младенец твой выжил....

Уна взглянула на Сольвейг, в ожидании какого-нибудь ответа. Но та молчала. Лишь слезы катились из глаз, когда-то беспощадной девы.

Королева, стоя в стороне, наблюдая за всем безучастно. Она достигла своего болевого порога, и, теперь даже падение неба на землю не заставило бы ее вздрогнуть. Король умирал. Дыхание его медленно, но неотвратимо затухало. Никто не заметил, что уже расцвело. Люди, крылатые и не крылатые, утонули в своих чувствах и страхах.

Первые лучи предрассветного солнца уже коснулись верхушек ободранных деревьев. Оно вот-вот должно было показаться над горизонтом. Сумерки отступили. Сольвейг смотрела в лицо отца, вспоминая, как безгранично она любила его в детстве, сознавая, что любит его и сейчас. Его...и всех, кого заставила страдать не единожды. Людей, которые, не смотря на все пережитое, все-таки сохранили в душе частичку любви и для нее. Чувство чуждое ее резкой, жестокой натуре, почему-то переполняло Сольвейг. Оно яростно прорывалось наружу...

Она смотрела по сторонам, в туманном забытии, вглядываясь в лицо каждого, кто стоял сейчас рядом. Узнавая и вновь принимая в свое сердце. Ей вдруг показалось, что это сон... просто страшный сон, длиною в полжизни. Пора просыпаться... этот сон затянулся. Сейчас взойдет солнце, и все они станут прежними. Будут улыбаться, угощать ее, как в детстве, сладостями. А мама обнимет, усадит ее на колени и заплетет красивую косу из непослушных, вьющихся, рыжих волос....

Прикрыв мокрые от слез ресницы, она расправила свои могучие крылья и обняла умирающего отца, так крепко как маленькая Сольвейг, делала это в детстве. Солнце из века в век дарующее свое тепло, взошло над горизонтом. Его багровый свет ударил в глаза, заставляя людей отвернуться. Крылья Сольвейг обгаренные кровью, заиграв алыми бликами, воссияли чудесным золотистым светом. И сияние это не затухало. Оно множилось с каждой секундой, пока не затмило солнечный свет. Все вокруг замерли, словно восковые фигуры.

— *Арон!* — голос в голове звучал ел слышно...

— Я в норме, — ответил кузнец тихо.

— *Знаю, что в норме! Убирайся оттуда! Хватит сюрпризов от этой семейки!*

Кузнец попробовал двинуться, но не смог. Тело окаменело.

— Я не могу... Что происходит?

— *Твоя подружка сейчас излучает неизвестное поле высокой напряженности. Это сияние с орбиты видно, и мощность его растет. Я не знаю, чем это кончится. Нужно вытаскивать тебя оттуда!*

— Не нужно, — тихо решил Арон. — Ничего не нужно...

— *Приказ понял...* — грустный голос сменился шумом помех и отключился.

Двинуться Арон не мог, но, подняв глаза, заморожено созерцал как яркое, почти осязаемое свечение двух сияющих крыл, заливаает пространство мягким светом. Еще мгновение, и кроме белой пелены перед глазами не осталось ничего. Боль отступила, забрав с собой остатки страха, злобы и беспокойства. В душе стало легко и спокойно. Арон, вдруг,

снова решил, что умер. Но на этот раз и не думал об этом сожалеть.

Глава 17. Забытая вражда

Сколько времени прошло — сказать трудно. Но солнце уже близилось к зениту. Первое, что увидел кузнец, когда белая пелена спала — это Хаук. Он стоял, выпучив глаза, в полной прострации и недоумении. Бегло осмотрев старика, он вдруг понял причину такого состояния... Хаук, недоверчиво ощупывал пальцами свои серо-голубые крылья.

поймав на себе взгляд Арона, старик вдруг смутился.

— Как...? — безмолвно вопрошал он, шевеля одними губами.

Арон, словно контуженный, лишь смог качнул головой. Он все еще не мог двинуться — только озираться. Королева Гуда повисла на плече странного лысого мужчины в обожженных тряпках. Лицо ее озаряла радость. Она просто сияла от счастья. Крылатое воинство тоже пребывало в недоумении. Люди смотрели друг на друга, рассматривали свои руки, снимали окровавленные бинты, не понимая, куда делись их раны. Мозг еще отказывался воспринимать случившееся, как реальность.

Однако среди крылатых воинов, Арон не увидел своей валькирии и насторожился.

— Где она!? — Его голос прорезал воздух неожиданно резким хрипом.

Не сразу поняв кому он принадлежит, люди расступились. Сольвейг лежала на земле, свернувшись калачиком и укрывшись крыльями, как ребенок.

— Она уснула... — поспешила успокоить королева Гуда. Казалось, она помолодела, а на ее лице ни осталось и следа от недавних переживаний.

Никому, не доверяя он вглядывался в ее тело до тех пор, пока не заметил, как мерно, в такт дыханию, вздымаются ее могучие плечи. Это немного успокоило его. Кузнец попытался встать, но снова ничего не получилось.

— Не понимаю... что это было? — не слишком учтиво обратился кузнец к королеве.

— Чудо... — просто и с улыбкой на лице ответила она.

— Вот как... — кузнец кивнул головой. — Ну, это все объясняет!

Пламя битвы все еще пылало в его груди, порождая бешенство.

— А что мне теперь делать!? — процедил он сквозь зубы.

— Не беспокойся, — лысый небожитель присел рядом. — Спасибо, за то, что ты сделал... Теперь, мы позаботимся о Сольвейг. Поверь, все повернулось к лучшему.

В лысом мужчине Арон с удивлением узнал короля. Его брови поползли вверх, от чего король, на удивление добродушно улыбнулся.

— Ты здорово потрепал меня, парень. Как видишь... все исцелилось. Жаль, но на волосы чуда не хватило. Ну, ничего, так даже лучше. Свежее. — Король погладил ладонью облысевшую голову.

— Если с ней что-то случится... — начал, было, Арон, но король его прервал.

— Знаю, знаю... Сравниешь с землей белые горы. Это я уже слышал. Давно, правда.

— Да ладно, и от кого же? — кузнец не сдержал издевки. Двинуться он не мог, и был беззащитен. Но еще мог жалить словами!

— Всему свое время. — Король оглядел опаленного кузнеца. — Тебе здорово досталось, парень.

— Не могу двинуться... — неохотно признался он.

— Еще бы... твои странные доспехи оплавились. А когда остыли — затвердели.

Король встал и привлек к себе внимание окружающих.

— Давайте-ка, поможем этому герою встать на ноги!?

И люди откликнулись. Без возражений. Отламывая по кусочку от выгоревшей брони, общими усилиями, кузнеца освободили от оков, и поставили на ноги. Но тут возникла другая проблема: он был гол и перемазан сажей.

На крылатом воинстве толком не осталось одежды после битвы, так что вопрос встал ребром. Смущенно улыбаясь, королева Гута предложила свою накидку. Она оказалась великовата, но срам от посторонних глаз скрывала. Правда, крыльев у Арона почему-то не выросло. А потому сзади через длинные прорези сильно сквозило утренней прохладой.

Выйдя, наконец, из ступора, крылатое воинство соорудило из ремней некое подобие сети, куда с осторожностью погрузили спящую Сольвейг. Королева вновь подошла к Арону, и улыбнувшись спросила:

— Скажи, отважный юноша... что ты сделал с моей дочерью?

Арон взглянул в ее глаза, но не смог сказать ничего внятного. Лишь неопределенно пожал плечами.

— То, что здесь случилось, пока не поддается пониманию. Забудем, все, что встало между нами? Причин враждовать более нет.

Кузнец бросил взгляд на бесчувственную Сольвейг. Затем на короля, и, снова на королеву.

— Это зависит... от того, как сложится ее судьба, — тихо, но без злобы ответил он.

— Ты и здесь идешь до конца? — Королева вновь улыбнулась. — Кажется, теперь, я могу быть спокойна за судьбу хотя бы одной дочери.

Арон ответил лишь молчанием.

— Мы готовы отправиться в путь. Я подумала, что ты захочешь быть рядом. Пойдешь с нами? — королева замерла в ожидании.

— Благодарю, ваше величество... Вверяю Сольвейг в ваши руки. Когда она очнется в кругу семьи, то поймет, что ее беды кончились. Я же, лишь послужу их напоминанием. Я знаю, где вас найти и явлюсь по ее зову. Пока же... — он указал на пепелище за своей спиной. — У меня есть незаконченные дела, дома.

— Ну... — она вдруг погрузилась. — Как пожелаешь. Я, как и мои дочери, хотела бы узнать тебя поближе. И надеюсь, что твое отношение к королю... и ко всем нам переменится. Все что здесь было, это... не нормально для нас.

— Сейчас я не готов, — признался Арон искренне, — Но, поверьте, скоро появится такая возможность. Не знаю почему, но вам как матери, я, почему-то верю. Вы ведь единственная, кто не пытался убить меня сегодня.

Королева погрузилась еще больше, но говорить больше ничего не стала. Лишь слегка склонила голову в благодарность за что-то. Крылатая братия собралась в дорогу быстро. Первый шок прошел. Нужно было убираться, пока еще чего-нибудь не случилось. Зеваки вокруг тоже ожили. Но то ли от увиденного ими, то ли из-за усталости, и бессонной ночи, про камни, факелы и вилы позабыли.

— Тебе не опасно оставаться здесь? — спросил на прощание король.

— Нет, — Арон покачал головой. — Мне дали два дня. Возможно, я уйду раньше.

— Так скоро?

— Здесь меня больше ничего не держит.... Завтра пепелище остынет. Откопаю вещи.... Если управлюсь к вечеру, то выйду с рассветом, — Он взглянул на короля. — Это место было мне домом.

— Да... многое случилось в эти сутки...

Ангус окликнул старика, все еще не верящего своему счастью, и Хаук послушно приблизился.

— Хаук проследит, чтобы все было нормально. Он покружит здесь... Уверен, ему не терпится встать на крыло.

Старик кивнул и широко заулыбался. Странно, но зубов у него тоже прибавилось. Да и так... посвежел заметно.

— Как хотите, — согласился Арон.

Наконец, небожители, как назвал их Эсхил — удалились. Когда пыль и листья, поднятые многочисленными крыльями, наконец, осели, Арон в первую очередь вспомнил о корабле. Он вызвал его на связь, но ничего не случилось. Он позвал снова — эффект тот же. Тогда, побродив, среди ошарашено разбредавшихся селян, он отыскал расколотый шлем, и надел на голову.

— Эсхил ты меня слышишь?

— Да! Громко и отчетливо.

— Ну, слава богу.

— Что это было? — обеспокоился грозный корабль.

— Не знаю... Нет объяснения. Чудо... — пространно ответил кузнец.

— Разве такое возможно?

— Факты говорят, что возможно, — подтвердил кузнец, до сих пор не до конца веря в случившееся.

Со стороны Арон представлял собой зрелище то еще... Сидя на заборе, босяком, в белой, шитой золотом, женской накидке, и расколотом шлеме и разговаривая сам с собой — он внушал опасения.

Кто-то осторожно ткнул его в колено. Арон снял шлем и прищурился. Перед ним, переминаясь с ноги на ногу, стоял староста.

— Я... прошу прощения, уважаемый Арон.

— Да?

— А что тут было? Все эти люди, страшная битва между вами. Гром, молнии. И почему вы горели!?

Арон не смог придумать разумного объяснения ошарашенному пожилому человеку.

— Знаете... я растерян не меньше вашего. И, признаться мало что помню... Было страшно.

Староста вздрогнул и согласно закивал головой.

— Такое раз в жизни увидишь и... знаете, та крылатая дева и правда была похожа на ангела.

Староста снова содрогнулся от недавних воспоминаний.

— Однако, вы должны уйти... Вы же понимаете, я не могу иначе. Святая церковь меня просто вздернет на первом дереве. Братья шутить не любят, они сразу творят свое милосердие.

— Да, я понимаю. Это моя последняя ночь... дома.

— Сочувствую, — вздохнул пожилой человек. — Но я обязан обо всем сообщить куда следует.

— Конечно. Я поброжу тут, на пепелище. Вдруг что уцелело. А то совсем вот босой остался.

— Да, да, конечно! Сегодня я напишу все что видел, а завтра отошлю посылного. Думаю, два дня у вас точно будет. И, я не хочу знать, куда вы отправитесь.

— И на том спасибо, — кузнец поклонился. — Через сутки меня здесь не будет.

— Рад, что мы договорились, — староста поклонился в ответ. — А вот эти, с крыльями? Они больше не вернуться?

— Думаю, что нет. Им тут больше нечего делать. Разве что старик, Хаук. Представляете, у него отросли крылья!

— Вот любопытный дурак... попал под раздачу! — посетовал староста вслух, а потом добавил шепотом: — А у меня зуб вырос, представляете... И, срамно сказать, хочется к женщине!

— Странно все это. Никому больше не говорите...! — Прошептал кузнец вкрадчиво.

Староста тут же перекрестился и быстро закивал головой, охотно соглашаясь.

Распровавшись со старостой и двумя ошарашенными стражниками, стоявшими поодаль, кузнец немного расслабился. Однако, холодало. Хоть дом еще и дымился, но тепла от него было маловато. Арон снова надел шлем.

— Дружище?

— Да Арон, — отозвался Эсхил.

— Королевская накидка, конечно, вещь шикарная, но в ней, как бы это сказать... здорово поддувает снизу.

— Намек понял. Это займет какое-то время... Через час тридцать придет спасательная капсула. Она небольшая и не привлечет много внимания. Потерпи немного.

— А что мне остается... Эсхил?

— Да?

— А что, по-твоему, это было?

— Что конкретно?

— Все, что произошло за последние... несколько часов.

— Я не уверен. Сделать анализ?

— Да. И я хочу знать, что происходит с моим телом.

— У твоего отца такого не наблюдалось. Есть несколько возможных объяснений. Твои гены не сильно отличаются от отцовских. Тут что-то еще. Нужно тебя серьезно обследовать. Я не могу сделать это дистанционно.

— Понятно, что ничего не понятно... — кузнец вздохнул.

— Арон?

— Слушаю.

— Я пришлю новый ключ...

— Что, опять?!

— Прости, но его компоненты не пережили последних событий. Те чипы, что ты вживил — больше не работают.

— Хорошо. Я все понял. Жду твою капсулу с нетерпением.

Глава 18. Мелкие заботы

Какое-то время кузнец дремал, завернутый в королевскую накидку, источавшую тонкий изысканный аромат. Потом долго сидел, покачиваясь на заборе. Утро веяло прохладой, солнце ласкало кожу, но слишком слабо для того, чтобы согреть. Стараясь не думать о пережитом, он прикрыл глаза. Но минут через тридцать — сорок его зыбкий покой потревожили. Странные резкие звуки, где-то совсем близко, его насторожили. Арон открыл глаза и прислушался.

Он вдруг вспомнил про черный подсумок, висевший все это время здесь же, и про его содержимое. Маленькое мяукающее существо выпалось и теперь отчаянно пыталось выбраться наружу. Кузнец освободил котенка и осторожно усадил на уцелевший островок травы среди выжженной земли. Хвостатое чудовище принялось орать на него благим матом, отчаянно требуя чего-то.

— Он голоден...

Арон вздрогнул от неожиданности и повернулся на голос. Рядом стояла Кили. Та самая Кили, чьи братья убили отца, а потом пали от его собственной руки. Арон испытывал к ней смешанные чувства. Но самым сильным чувством была вина. Кили ходила мягкой поступью, и в шуме листвы усталый кузнец просто не слышал ее. Да и шлем он снял, лишив Эшила возможности предупредить его. Кили смотрела с сочувствием и слегка улыбалась. Маленький орущий зверек, спотыкаясь о траву тотчас ринулся к ее ногам и повис на длинной юбке.

— Жалкое зрелище, — она кивнула в сторону пепелища.

— Не беда, — улыбнулся кузнец. — Давно хотел побродить по свету...

— Уже есть мысли?

— Просто рассуждаю вслух... Раньше, я покидал это место лишь ненадолго. Но теперь ухожу навсегда. Выбора мне не оставили, как видишь.

Кузнец сразу обратил внимание, что девушка собралась в путь. Фляжка с водой, рюкзак, нехитрая утварь на поясе.

— Прости, а у тебя поесть, случайно ничего нет? — смущенно поинтересовался он.

— Вода, хлеб, лук, вяленое мясо...

— Отлично! Поделишься?

Скинув с себя рюкзак, Кили достала из него сверток и протянула Арону. Он вдруг понял, как проголодался.

Наблюдая за тем, как кузнец жадно ест, Кили кормила котенка. Он смешно урчал и пытался сбежать с мясом, но спотыкался и снова падал.

— Собралась куда-то? — спросил Арон, слегка утолив голод.

— Ты ведь знаешь. Куда ты, туда и я — она слегка погрустнела.

Кузнец перестал жевать и стал серьезней.

— Я думал это уже в прошлом. Разве нет?

— Прости, но как бы я не хотела, уговор был следовать за тобой до смерти.

— Да... но ты, вроде, неплохо обжилась тут. Жилище есть, ремеслом владеешь.

— Не важно. Вместе пойдем. — заявила Кили.

— А не боишься? Небось, слыхала что ночью тут было?

— Да я была здесь... разве такое пропустишь. Страшно, аж жуть пробирает. Вот только

смерть под пытками святых отцов, еще страшнее.

— Ну да... это верно. — Арон вдруг осознал, что ее не оставят в покое только лишь за связь с ним. Бросить Кили здесь — значит обречь на мучительную гибель. Об этом в своих планах он как-то не подумал. Все, что касалось его былой жизни, резко ушло в тень других событий.

— Домой я не могу вернуться, ты знаешь. Приведут обратно силой. Или чего похуже.

— Да, — кивнул Арон. — Я помню. Выбор у тебя и правда не велик.

Несколько минут кузнец, молча, пережевывал нехитрый завтрак. Кили присела рядом, играя с котенком.

— Будь здесь! — он вдруг соскочил, сунул ей в руки остатки еды и флягу с водой. Переступая через еще дымящиеся лаги, он пробрался к колодцу. Камни, из которых он был сложен немного осыпались, но в остальном все казалось целым. Очистив жерло колодца от мусора, он, перемазавшись сажей, начал выгребать песок ладонями. Кили с интересом наблюдала издали. Наконец, докопавшись до крышки, он выдернул наружу ее и дотянулся до вещей, которые успел спрятать. Среди всего скарба отдельно лежали увесистые кошельки с монетами. Зацепив один пальцем, он отсыпал горсть монет, и вынырнул обратно.

— Вот! — протянул он Кили. — Держи.

— И что мне с этим счастьем делать? — возмутилась она.

Кузнец подобрал кота и, посадив обратно в подсумок, протянул ей.

— Сейчас пойдешь в трактир, принесешь еды на пару дней. Трактирщику скажешь — для меня. Хорошо?

— Да, конечно.

— Там же переночуешь сегодня. Завтра же, с утра, иди в лавку, пусть приготовят провизии, да побольше. Пусть грузят на мою лошадь. Она у них в стойле. Купи себе все, что нужно в дорогу, путь не близкий... Да, и продай им мою телегу. Она больше не нужна, можешь не торговаться. Денег должно хватить с запасом. Если не хватит — придешь еще.

— Да, я сделаю, — оживилась Кили, начав понимать к чему он клонит.

— На рассвете второго дня мы уходим. Дольше оставаться опасно.

Меньше, чем чрез час, Кили вернулась с большой корзиной. Трактирщик щедро набил ее колбасами, мясом, вином и свежеспеченным хлебом. Овощей и зелени он тоже не пожалел. Затем, не теряя времени, девушка вернулась в поселение. Нужно было многое сделать. И как раз вовремя, чтобы не задавать вопросов.

В небе, из ближайшего облака, вынырнул быстро летящий объект. Капсула, по форме повторявшая куриное яйцо, устремилась к земле и, слегка замедлилась. Двигалась она почти беззвучно и максимально быстро. Но при посадке все же наделала шума и подняла много пыли. Яйцо из стали и композитов благополучно приземлилось в овраге, заросшем кустарником. Метрах в пятидесяти от сгоревшего дома. Радуюсь тому, что мучения кончились, Арон вприпрыжку добежал до оврага. Матовое, серебристо-черное яйцо, высотой в полтора человеческих роста, на треть корпуса ушло в землю. Когда кузнец подошел ближе, яйцо нехотя приняло вертикальное положение. Над головой мелькнула быстрая тень и за спиной кузнеца приземлился Хаук. Он был встревожен и держал оружие наготове. Кузнец совсем позабыл, что все это время старик нарезал круги где-то над головой. И это было его, Арона, упущением.

— Это что? — спросил он.

— Да так, — буднично отмахнулся Арон. — С неба упало.

Глядя, как по-хозяйски спокойно кузнец подходит к непонятной штуке, Хаук немного остыл. Чудес сегодня он уже насмотрелся, поэтому старался ничему не удивляться. Сменив тревогу на любопытство, он подошел ближе. Капсула открылась сама, без постороннего вмешательства. Таких механизмов Арон раньше не видел. Это обстоятельство порождало восхищение и некую нереальность происходящего. Внутри, как и ожидалось, было смонтировано ложе в человеческий рост. По сторонам разные приборы, назначение которых было не вполне понятно.

Кузнец быстро нашел все, что было ему нужно. Небольшой чехол на коротком широком ремне, а внутри диск ключа, до боли знакомый. Хотя это и была крайне болезненная процедура, но вживить компоненты ключа следовало сразу. Да и срамом светить напоказ не гоже. От Хаука нужно было избавиться на некоторое время. И решение пришло само собой.

— Дружище, — начал он издали. — А ты случаем не голоден?

— Хм... если честно, мысль о еде меня давно не оставляет... — признался старик смущенно.

— Там, у обломков забора, стоит корзинка. Не стесняйся. Только не светись сильно, люди пугаются. А я тут пока одежду примерю.

Любопытство сильное чувство, но голод сильнее. Плотно сложив крылья, Хаук тут же пропал из виду. А через минуту послышался торжествующий возглас. Он ее нашел. Пользуясь моментом, Арон переломил диск ключа пополам, выдохнул и решительно прислонил половинки сначала к руке, а потом и к лицу. Второй раз такой резкой боли в голове уже не было. Но, на землю присесть все же пришлось ненадолго. Когда шок прошел, и зрение восстановилось Арон негромко выругался.

— *Слышу тебя отчетливо,* — отозвался в голове голос Эхила. — *Калибровка закончена.*

Скинув с плеч подарок королевы, кузнец с удовольствием примерил нижнее белье, проворно натянул на себя непонятного цвета комбинезон, увесистую куртку, усиленную гибкими пластинами, и, весьма удобные, легкие ботинки. Ну и шлем. Тоже на удивление легкий. К одежде прилагалась инструкция, которую он в запарке не прочел. А от того и дернулся, когда костюм вдруг начал стягивать его руки и ноги.

— Я думал, будут доспехи... — посетовал он не громко.

— Это тактический комплект. Он легче и удобнее. Нагрузку по телу сам распределяет.

— Я уже заметил, — Арон поднял лист с инструкцией, пробежался по ней глазами и убрал в карман куртки. Кстати, карманов тут было много. И почти в каждом что-то лежало.

Слева от ложементка капсулы, в ножнах такого же цвета что и костюм, лежал меч. Удобный, легкий с матовым бесцветным лезвием и тонкой режущей кромкой. Так же, имелся продолговатый объемный чехол из жесткой ткани, на длинном ремне. Определенно там лежало оружие. Внутри он не полез, но предпочел держать поближе к телу. Шлем пока что казался лишним. Костюм был чистым, новым, а вот сажу с лица и рук удалось стереть только частично.

Тем временем Хаук довольный и умиротворенный, откупорив бутылку вина, наслаждался трапезой. Когда кузнец к нему присоединился, старик деловито потрогал ткань костюма и достал странный меч из ножен. Кивнул одобрительно, но ничего лишнего не стал спрашивать.

— Ну как? — кузнец имел в виду новоприобретенные крылья.

— Все равно, что воскреснуть! До сих пор не верю... — старик смахнул скупую слезу.

— Рад за тебя. Правда.

— Да что я... сам-то ты как? На душе, небось, поганенько?

— В точку. А во рту, словно кошки нагадили.

— Хлебни! — старик протянул бутылку с вином. — Точно не помешает.

Кузнец сделал пару приличных глотков и вернул бутылку.

— Лучше?

Кузнец неопределенно отмахнулся.

— Что делать будешь? — спросил старик.

— Спать! С ног валюсь, просто сил нет. Устроюсь там, в овраге. Завтра надо встать пораньше.

— Вот, это дело, — одобрил Хаук. — Я буду тут, поблизости. Корзинку оставишь?

— Конечно, — улыбнулся Арон. — Только с вином не усердствуй, а то уронишь кому-нибудь голову...

Старик в ответ криво улыбнулся. Изнывая от напавшей зевоты, усталый кузнец побрел к оврагу. Капсула гостеприимно распахнулась, и он забрался внутрь.

— *Домой?* — тихо предложил Эсхил.

— Нет, здесь заночую. Снаружи прохладно, да и не хочу, чтобы в спину чего воткнули. Завтра надо забрать вещи.

Капсула плавно захлопнулась и приняла горизонтальное положение. Так было намного удобнее. Внутри было тихо, тепло, и относительно безопасно. Арон закрыл глаза и быстро забылся глубоким сном.

Проснулся кузнец далеко за полдень. Солнце уже стояло в зените. Кабина капсулы распахнулась, и снаружи повеяло зноем. Денек выдался что надо. Подняв голову к небу, Арон отыскал крылатую фигуру, парящую в вышине. Потом, позавтракав не спеша, приступил к работе. Вещей было относительно немного, но доставать их на поверхность, оказалось занятием затруднительным. Сначала он пытался соорудить крюк, или некое подобие подъемника, но скоро отказался от этой затеи. Проще было нырять каждый раз головой вниз и дотягиваться пальцами. При чем, делать это нужно осторожно, иначе все могло провалиться вниз и попасть в воду. Кузнец заботился не только о сохранности вещей, но и о том, чтобы они не попали не в те руки. Если братья милосердия найдут на пепелище нечто странное — вопросов к селянам будет много. Старосту подставлять не хотелось, да и трактирщик был к нему добр.

Наконец, когда в колодце ничего не осталось, Арон перетащил весь ценный скарб в овраг, и аккуратно утрамбовал в капсулу. Все что прислал Эсхил, он предусмотрительно извлек заранее. К счастью, никто из селян у пепелища и носу не показывал. День прошел спокойно. Пожалуй, Эсхил был прав, нырять в тяжелой броне в колодец было бы трудно. А костюм, совсем не сковывал движений и, к тому же дарил приятную прохладу.

— *Арон?* — проснулся Эсхил, стоило его вспомнить.

— Что?

— *Если ты закончил с вещами, собери обломки в радиусе ста метров. Особенно внимательно осмотри вон те два валуна. Там крупный фрагмент артефакта. Очень интересный.*

— И всего то? — съязвил кузнец, только что закончив.

— *Так же, нужны пробы грунта вокруг обломков, и с места, где тебя подстрелили. Я сделаю анализ. Думаю, результаты будут тебе интересны. Да, и оставлять следы*

присутствия крайне нежелательно.

— Ты прав... — Удрученно вздохнув, кузнец согласился. Благо солнце еще не село.

Сбор хлама заняла примерно час. Он впихнул все, что было собрано в спасательную капсулу. Мелкие осколки пришлось завернуть в одеяло. Последним лег обломок того самого оружия, из которого в нем, Ароне, совсем недавно сделали дырку. Как раз эта штука и лежал у двух валунов. Пробы грунта, кузнец завернул в кусочки ткани, оторванные от подпорченной пламенем простыни. Захлопнув кабину капсулы с третьей попытки, Арон испытал облегчение. Конечно, собрать удалось не все, но, самое ценное на его взгляд — поместилось.

— Я закончил, — он постучал по обшивке капсулы. — Убедись, что вокруг никого нет, и забирай.

— *Небожитель все еще кружит над твоим домом. А в остальном все спокойно.*

— Да, Хаук... не сбей его, и не дай отследить направление.

— *Принято!*

Эсхил отключился. Капсула ожила и мягко поднялась в небо. Арона обдало жаром и пылью. Он зажмурился. Когда проморгался, капсулы уже не было. Теперь, можно было наконец поесть и подумать. И снова дом сослужил кузнецу хорошую службу. Из остовов обгоревших бревен, он развел приличный костер и запася дровами. Ждать предстояло на улице. А ночью становилось прохладно.

— Эсхил, ты слышишь?

— *Конечно.*

— Скажи, а браслет на руке Сольвейг уцелел?

— *Да, Арон.*

— Видишь ее?

— *Да, я проследил. К вечеру вчерашнего дня, ее благополучно доставили на место.*

— Хорошо, Эсхил.

— *Прислать транспорт?*

— Нет. Есть еще заботы...

— *Арон, — перебил Эсхил. — Есть просьба.*

— Говори.

— *Информируй о своих планах заранее. Это потребует от меня меньше ресурсов и обеспечит твою безопасность.*

— Да... да, конечно. Думаю, про утро ты уже в курсе? Я буду не один. Так вот, мы пойдем дорогой через лес. Она прямая. Где свернем — я скажу заранее.

— *Держи шлем на голове, пожалуйста.*

— Хорошо, обещаю, — согласился Арон.

Глава 19. Отголоски прошлого

Все что планировал, кузнец в принципе сделал вчера. Осталось только одно — обрушить фундамент. Вода из колодца заполнит зал под землей и, как говорится, концы в воду. Однако он медлил. Уничтожив остов родного дома, он, как бы, поставит крест на всей своей жизни. Ведь прошла она именно здесь. Другой он не знал. И, в общем-то, был счастлив, если кое какие вещи не брать в расчет. Сегодня все это должно было кончиться. Комфортной жизни конец, реальность изменилась. Он чувствовал перемены. В себе, в окружающем мире. Даже в погоде. Бесцельно бродя вокруг пепелища, Арон предался воспоминаниям о детстве, об отце. О годах спокойной, размеренной, плодотворной жизни. Он занимался любимым делом. Приносил пользу людям, а они платили ему добром и золотом. Ну чем не счастье?

Так незаметно прошел последний день. Солнце близилось к закату. Через несколько часов здесь должна была появиться Кили. Обрато он больше не вернется... Нужно успокоить воспаленное сознание, прежде чем отправляться в путь. Дорога не близкая, будет время о многом подумать. И он обязательно подумает, только позже....

На связь вышел Эсхил:

— Арон, к тебе гости с белых гор. Двое. Дистанция пятьсот метров. Высота двести. Снижаются.

— Кто?

— Король, и с ним один воин. Не считая того, что уже в небе.

Теперь он и сам видел две крылатые точки, поблескивающие в закатном небе. Они быстро теряли высоту. Метрах в ста от костра, уже четко различимые фигуры расправили крылья, ловя встречный поток восходящего воздуха, и плавно приземлились. На лбу короля снова поблескивал золотой обруч, а новенькие доспехи переливались в лучах заката. Следом за королем шла женщина воин. Чуть погодя Арон узнал в ней Уну, подругу Сольвейг.

Оба небожителя выглядели отдохнувшими. Оба при оружии. Но женщина без доспехов.

— Рад, что ты еще здесь! — с ходу начал Ангус.

Вспомнив, что передним король, Арон почтительно склонил голову. Но это не значило что недавняя перебранка была забыта.

— Чем обязан? — не выдавая волнения, поинтересовался Арон.

— Есть разговор. Мне нужно прояснить кое-какие обстоятельства.

— Спешить не куда, — пожал Арон плечами.

— Хорошо, — король потер ладони. — Тогда тянуть не будем.

Он повернулся к Уне. Во взгляде его читался вопрос.

Женщина с самого начала внимательно рассматривала Арона. Сначала, он принял это за настороженность, ввиду вчерашних событий. Но тут было и что-то другое. Она осторожно, но без особых церемоний взяла Арона за подбородок и повернула лицо к свету. Пристально взглянула в глаза, и отстранилась.

— Да, мой король, черты те же. — сухо заключила она.

— Арон. — начал король вкрадчиво. — Скажи, ты болел в детстве?

— Сам я, конечно, не помню... но отец говорил, что младенцем я был присмерти. А к чему это?

Король снова уперся взглядом в свою спутницу.

— Все дети болеют... — возразила она. — Многие умирают.

— Ну, расспроси его хотя бы! — эмоционально потребовал король.

Она пожала плечами и обратилась к Арону:

— Твоего отца звали Бойд? Твой возраст около тридцати? Ты всю жизнь прожил в этом доме?

Арон покосился на короля, не до конца понимая, чего от него добиваются. И так же четко ответил:

— Мне скоро тридцать. Я всегда жил здесь. Моего отца звали Олаф. Бойдом его прозвали люди, из-за белых волос.

— Что ты знаешь о своей матери? — вдруг спросила она.

— Я ее никогда не видел, — насторожился Арон.

— Хоть что-то?

— Мы редко о ней вспоминали. Но отец однажды сказал, что мама была умной, сильной, и прекрасной в своей дикости.

Больше Уна ничего не спросила. Но продолжала внимательно изучать лицо Арона. Ее взгляд был жестким и цепким, как у хорошего воина. В последнем сомнений не было. Впрочем, лицо, хоть и выглядело мужественно, но было весьма красивым. Мелкие следы от старых шрамов совсем не портили ее внешность.

— Так... в чем суть вашего визита? — Арон обращался к королю, не отрывая взгляда от Уны.

— Что ж... начну с самой сути! — Ангус почему-то отвел взгляд в сторону. — Много лет назад, я принес в этот дом умирающего младенца. Что с ним стало, мы не знаем. Но, думаем, что это ты.

Арон внимательно посмотрел на одного собеседника, а потом на другого. Оба были серьезны и сосредоточены.

— У меня... были плотские отношения с твоим отцом, — призналась вдруг Уна. — Так уж случилось.

Арон вздрогнул. К чему она клонит стало предельно ясно.

— В это же время, — продолжила она. — У меня родился ребенок, который, по словам моего короля — умер.

— Так и было. До вчерашнего дня, я был твердо уверен, что Бойд похоронил дитя и оплакал, — подтвердил Король хмуро.

— Интересная версия, — констатировал Арон. — Учитывая мои отношения с Сольвейг... я мог бы даже поверить. Жаль нет отца, чтобы подтвердить сказанное. Да и крыльев у себя за спиной я от чего-то не вижу.

— Я здесь не за этим. Доказывать не мое дело! — резко ответила валькирия.

— Так зачем же?

— Король настоял. Хочет проверить, чтобы спокойно спать по ночам.

Уна ткнула пальцем на еле заметную ранку, что красовалась на шее Арона. Он знал, с кем имеет, дело и понял, чего она хочет. А хотела она крови. Он вспомнил собственный опыт общения с валькириями.

— И как мы это сделаем?

Уна коротко и неожиданно резко ударила его кулаком в лицо. Король с укоризной посмотрел на свою подчиненную и покачал головой.

— Потерпит! — отчеканила она тоном, не терпящим возражений.

Было больно, но не критично. Она лишь разбила ему губу. Из уголка рта просочилась струйка алой крови. Она смотрела на него в упор не мигающими взглядом.

— Валяй, чего уж там... — бросил Арон.

Валькирия вцепилась в его лицо и прильнула к ранке губами. Долго это не продолжалось. Распробовав кровь на вкус она так же резко отстранилась.

— Для размножения подойдет, — заявила она холодно.

— И все? — переспросил король.

— Я могу врезать еще раз? — На ее лице ничто не дрогнуло.

— Не стоит... ты видела, чем это кончается, — заметил Король.

Он, какое-то время, по старой привычке, теребя воображаемую бороду, созерцал пламя костра. Затем поклонился и протянул руку Арону на прощание:

— Не держи зла — и мы не будем. Коли выпал такой шанс... начнем жизнь заново.

Арон, молча посмотрел в лицо короля и, чуток поразмыслив, принял протянутую руку. Как — никак это был отец его возлюбленной, и рано или поздно придется строить какие-то отношения. В общем, он тоже хотел мира.

Гости ушли так же внезапно, как и появились. Арон коснулся подпухшей губы. Крови не было. Наверное, он действительно заслужил это. Раскидывая крылатое воинство в разные стороны, он проявил завидное усердие. Чем это могло кончиться, не прояви Сольвейг сострадание — Уна отчетливо понимала. А от того и была зла. Арон и сам с трудом давил в себе неприятный осадочек.

— Который час? — спросил он негромко.

— *Рассвет наступит в четыре часа тридцать пять минут. На отвороте правого рукава есть часы.*

— Еще почти шесть часов... — Арон сразу нашел светящийся циферблат под широкой магнитной застежкой.

— Эсхил? Я все не возьму в толк.... Что это вообще было?

— *Арон?*

— Слушаю.

— *Я вижу, ключ еще при тебе?*

— Да, в кармане.

— *Не выбрасывай. Его сенсор в рабочем состоянии. При случае я смогу определить родство по крови.*

— Ты считаешь, такое возможно?

— *Я считаю, что тебя это беспокоит,* — лаконично ответил Эсхил.

Если бы Эсхил сказал это раньше, то можно было избежать драматических моментов. Маленький незаметный укол, немного слюны или соскоб кожи, и сомнений бы не осталось.

— Они все улетели?

— *Старик еще здесь, в небе. Думаю, он будет сопровождать тебя и дальше.*

— Хм... а он вынослив для своего возраста. Пусть делает что хочет, а я вздремну, пожалуй.

Подкинув в костер несколько принесенных с пепелища головешек, он нашел подгоревшие обрывки ткани, когда-то служившие плотной шторой. Теперь, они послужили мягкой подстилкой. Арону устроился по удобнее. В его распоряжении было почти шесть часов тревожного, но, все-таки, сна....

Кили пришла на рассвете, как и было оговорено. Эсхил, конечно, предупредил его

заранее. Под уздцы она вела мощного коня, груженного дорожными сумками. Черный подсумок с мерно спящим зверьком, болтался там же. Арон потянулся всем телом, широко зевнул, и слегка попрыгал на месте, дабы окончательно проснуться. Костер догорел, стало зябко. Трава покрылась росой. Рассвет еще только брезжил над горизонтом. Кузнец пристегнул меч к седлу, чтобы тот не натирал при ходьбе ногу, а чехол с оружием перекинул за спину. Он удобно фиксировался в любом положении. В последний раз, окинув взором остов отчего дома, Арон взял коня за поводья и двинулся в путь.

Поселок путники обошли стороной. Заходить туда совсем не хотелось. Стараясь не привлекать внимания, они удалялись прочь, оставляя прошлую жизнь за спиной. Арон всматривался в полумрак, а Кили понуро брела следом. Отойдя на приличное расстояние, Арон еле слышно прошептал:

— Эсхил, закончи дело.

Тонкая яркая молния, на долю секунды, мелькнула в небе, и ударила в остов здания. Повинуясь приказу, Эсхил за секунду испарил все, что осталось от дома кузнеца. Вода, хлынув из разбитого колодца, заполнила образовавшийся котлован, вздымаясь клубами пара. Раскаты грома эхом прокатились по округе, в воздухе появился привкус озона. Все... возвращаться теперь было некуда.

— Что это было? — вздрогнула Кили.

— Наверное гром, — бросил он безучастно.

— Гром среди ясного неба?

— Это не редкость, просто мало кто замечает. А может, будет дождь. — заключил Арон многозначительно.

— Да не хотелось бы....

Шли молча. Кузнец пытался держать голову светлой. Хоть мысли и рвались в нее нескончаемым потоком. Но сосредоточен он был на другом. На предчувствиях. Эго не оставляла в покое странная уверенность. Он что-то упустил. Что-то важное и лежащее на самой поверхности. Солнце уже взошло, но пейзаж еще оставался серым. Реку они миновали примерно час назад. Широкая тропа, петлявшая между холмов, теперь разделялась. Арон остановился в раздумии. Он был здесь слишком давно.

— Кили?

— Да? — отозвалась молодая женщина.

— Тут две дороги. Какая ведет к твоему дому?

Туда, — она подняла левую руку. — Но ты же знаешь, меня там не ждут....

— Знаю, — коротко обрезал Арон. — Но хочу поговорить с вождем.

Кили сразу погрузилась и поменялась в лице.

— Разве ты не хочешь домой? К семье, к родителям?

— Да, — согласилась она. — Я давно их не видела. Но, столько лет прошло. Живы ли? Да и племя могло поменять стоянку.

— Это возможно, — согласился Арон. — Дойдем до места, а там посмотрим.

— Как скажешь... — бросила она и выдвинулась вперед на небольшом удалении.

Арон любя погладил коня по морде и двинулся следом. Остатки сна окончательно улетучились. Шагая чуть позади Кили, кузнец невольно разглядывал идущую впереди особу. Сколько ей было? Двадцать? Худошавая, резкая, с испуганным взглядом... За те несколько лет, что она прожила в поселке, Кили изменилась. Теперь перед ним шла настоящая, уверенная в себе женщина. Бедра ее округлились, походка стала плавной, чуть враскачку.

Взгляд выдает незаурядный ум, а голос пленит своей мягкостью. Насколько Арон помнил, по началу дела в поселке у нее шли не важно. Народ ее жил в основном охотой, собирательством. Продавал шкуры, вяленую рыбу, кое-какое оружие и утварь. Так что в прачки, трактирные девки, или кухарки она не особо годилась. Да и вольный, диковатый нрав не редко давал о себе знать. Но как-то по весне, она набралась смелости и попросила кузнеца сделать большой лук, стрелы и пару дротиков. Арон выслушал ее с интересом и решил посмотреть, что из этого будет.

Через два дня она принесла в деревню первую добычу. Это была мелкая дичь. Пара зайцев и жирная куропатка. Селение в основном жило земледелием. Скот держали не многие, а мясо, как правило, было привозным. Свое ели только зимой. Так что интерес к этому промыслу, тут же определил ее дальнейшее существование. Люди были не прочь полакомиться дичью, да еще и по сходной цене. Вскоре, она начала добывать рыбу, выделывать шкуры и, даже шить кое какую одежду из меха, а ремни из остатков кожи. Охота, длительные переходы и дикая природа сделали ее крепкой. Руки ее ловкими, ноги сильными, стан красивым. Этого Арон не мог не заметить.

Полученные от него деньги Кили потратила с умом. Кроме провизии в дорогу, она приделалась. Длинное, почти до пят платье из плотной, но мягкой ткани с тесьмой на спине — хорошо сидело по фигуре. Однако, большие разрезы спереди и сзади, делали платье подвижным и практичным. А вшитые в полы свинцовые дробины не позволяли им задирается при ходьбе или порывах ветра. Широкий жесткий ремень, вероятно, выделанный своими руками, держал талию и удобно лежал на бедрах. Это тоже придавало уверенности ее походке.

Отвлечшись на посторонний звук — Арон осмотрелся по сторонам. Небольшая лань испуганно застыла за деревом, но тут же скрылась в чаще леса. Заняться было особо нечем, и Арон продолжил свое занятие.

Самое интересное таилось под платьем! Высокие кожаные сапоги до самых бедер. Плотные, отлично сидящие, на низком каблуке, и с жесткими вставками там, где необходимо. Вероятно, эту деталь гардероба Кили и обменяла на повозку. Но выбор ее Арон не осуждал. Напротив, очень разумно. Ветки и камни не ранят нежную кожу. Ноги в тепле и не так устают в дороге. Бока лошади при верховой езде не натирают. Да и нужду справлять удобнее, чем в штанах. Женщина все-таки. Кроме того, причудливо вырезанный узор, проглядывающий на внутренней стороне бедер, притягивал дополнительное внимание. В бою это могло сыграть решающее значение. Ну а поверх платья, Кили одела легкий слоеный кожаный жилет, подогнанный кожаной же тесьмой по форме тела. На ремне висел небольшой, изящный клинок, а рядом болталась круглая плоская фляжка. Колчан со стрелами, лук и несколько длинных дротиков она закрепила на лошади. В общем, беззащитность этой особы была кажущейся.

Арон улыбнулся, радуясь тому, какой она стала за несколько лет... Как-то само собой случилось, что шли они целый день без привалов. Не торопясь, размеренным шагом. Есть не хотелось. Кили всю дорогу молчала. В лесу темнело заметно быстрее, чем на равнине, и сумерки опускались быстро. Пора было подумать о ночлеге. Да и желудок, который, казалось, слипся — дал о себе знать.

Глава 20. Дорога к дому

Следуя совету Эсхила, кузнец не снимал с головы шлема. Он был открытым, без забрала, но мог проецировать на роговицу изображение. Сначала Арон воспринимал его как бельмо в глазу, но приспособившись, нашел этот эффект весьма полезным. На проецируемой полупрозрачной карте местности, маркером было отмечено отличное место для привала. Овраг метров пять в диаметре, определенно имел искусственное происхождение. Без растительности, с плоским ровным дном и плотной сухой землей под ногами. Отлично скрывая от посторонних глаз, он обеспечивал круговой обзор и позволял укрыться во весь рост вместе с лошадьёю. Судя по всему, это была работа Эсхила.

— Привал! — скомандовал Арон и повел коня в сторону от дороги, ступая только по траве.

Кили послушно вернулась и, шагая по его примеру, ступала след в след. Спустив уставшего коня в овраг, кузнец оглядел поклажу. Скинув маты и одеяла, он заглянул в подсумок, в котором наметилась подозрительная активность. Он выпустил животное погулять. Стенки оврага для него были слишком отвесными и сыпучими, так что сбежать коту не удастся. Хотя он и не думал. Его сразу заинтересовала сумка с едой.

Разбив лагерь, Арон взглянул на часы. Скорее ради интереса, чем узнать время. Ему нравилось, как они светились в темноте.

— Нужно бы развести костер... — Предложил кузнец.

— Нет, — отозвалась кили. — Не стоит. И пищу готовить, тоже не стоит. Запах привлечет какого-нибудь зверя. Здесь много хищников.

— Согласен. Кроме того, дым костра можно увидеть с дороги. А гости нам не нужны. Все правильно. Но ночью похолодает... — Арон вбил кол в землю и привязав к нему поводья. Сняв седло с коня, кузнец накрыл его попоной.

— Будем спать вместе, — предложила Кили. — Нашего тепла и двух одеял — вполне достаточно. У тебя чуткая лошадь, она предупредит, если что.

Арон не сводил с Кили глаз. И плохо скрывал ироничную улыбку. Конечно же она заметила это. Усевшись лицом к лицу, путники разложили нехитрый ужин. Арон откупорил бутылку вина, и ее содержимое приятно потекло внутрь, разжигая аппетит еще сильнее.

— Что в моей заднице так веселило тебя всю дорогу? — прямо спросила кили.

Арон поставил бутылку и вытер рот ладонью.

— Ты повзрослела. Я знал тебя другой.

— Это плохо?

— Нет, Кили, это замечательно. Ты стала сильной, интересной женщиной. Это здорово.

Кили слегка покраснела.

— Я не делаю намеков, — поспешил добавить Арон. — Просто радуюсь, тому, какой ты стала. Поверь на это приятно смотреть.

— Дождалась... — Кили забрала у кузнеца вино и отхлебнула из бутылки.

Ели молча, не спеша. Неполная луна, проглядывая среди редких деревьев, давала достаточно света, чтобы не делать это наощупь. Наевшись, и прикончив бутылку, путники проложили сумки между собой и стенкой оврага, чтобы было теплее. Уснувшего, наевшегося котенка убрали обратно в подсумок, и на лошадь, под попоны, чтобы не замерз и не сбежал. Ночь была лунной и тихой. Ветер в овраг не попадал, дождя ничто не предвещало. День

прошел ровно, без драк, погони и происшествий. Усталости Арон почти не чувствовал. Вытянувшись на своем мате, он вглядывался в небо, на котором проявились звезды. Облака проплывали редкими перьями, но оно было на удивление ясным. Кили расположилась рядом. Через какое-то время, отвлекшись от своих мыслей, он обратил внимание на то, как неровно она дышит. Ночь сулила прохладу, но пока оставалась теплой. Однако, Кили от чего-то подрагивала.

— Холодно? — спросил Арон. Но она не ответила.

Расстегнув куртку, он повернулся набок и придвинулся ближе. Но Кили не была холодной, как ему казалось. Напротив, от дрожащего тела веяло жаром. А еще приятным ароматом душистых трав от ее ровно остриженных волос. Чувствуя, как не вовремя, и не к месту, его естество оживает, кузнец поспешил отодвинуться. Кили резко повернулась к нему лицом. Ее рука потянулась вниз и нащупала то, что хотела.

— Это плохая идея Кили. — предупредил кузнец. — Давай спать.

— Спать? — процедила она сквозь зубы. — Я не могу спать! По твоей милости у меня семь лет мужика не было.

— Да ладно... — не поверил Арон — Как так?

— А вот так! — ощерилась Кили. — Нормальные мужи все при деле. Остальные у кого мыслишки погрязнее — тебя боятся. Своей я не стала. Вот и шарахались все как от огня. Только и смелости хватало, что тайком на грудь пялиться да под юбку заглядывать.

— Прости... я не знал. Мне казалось, что у тебя все не плохо. Жилье, ремесло. Деньги водятся.

— Так оно и было, — вздохнула Кили.

— Мне жаль, правда. Но что бы я сделал? Пошел в поселок и сказал меня не бояться? Заставить кого-нибудь на тебе жениться?

— Была такая идея... — призналась Кили. — Только на ком? По правде сказать, вокруг одно вонючее, гнилозубое отрепье. Да быдло натуральное, которое живет по-свински и пахнет так же.

— И то, верно, — согласился Арон, вспомнив знакомого скотника.

Кили снова пришла в движение. Она быстро поняла, как расстегнуть комбез и сделала это.

— Кили!

— Если ты не заткнешься, я зарежу тебя и надругаюсь над трупом!

Подтверждая угрозу, она обнажила кинжал. Арон замолк. Справиться с Кили он мог одной левой, но решил не спешить с действиями. Ему стало интересно, что будет же дальше.

Быстрым движением, Кили распахнула юбку, и разрезав тесемки на нижнем белье, ловко от него избавилась. Кинжал полетел следом.

— Давай, герой, доставай своего бойца. Померяемся силами!

Арон лишь покачал головой в ответ, размышляя, как далеко она зайдет.

Проворные пальцы Кили сразу разобрались, что где, и извлекли это самое «что», наружу. Хоть Арон и возражал, член его пребывал в полной готовности. Две — три неудачных попытки, и она направила его в себя. Кузнец хмуро наблюдал за тем, как меняется ее лицо в полумраке. Глаза поблескивали, дыхание стало тяжелым.

Вцепившись в его плечо, Кили рывком придвинулась ближе.

— Просто молчи! — процедила она сквозь зубы — Сделай доброе дело.

Она упорно продвигала его внушительный орган вглубь себя. Нельзя было сказать, что

это противно, или неприятно, но все же, происходило против воли.

— Странное чувство... — поделился Арон шепотом. — Меня впервые насилуют.

— Да заткнись ты!

Арон посчитал это грубостью и решил ускорить события. Дернув Кили за ремень, он заставил ее вскрикнуть. Жилистый кол толщиной с молодое деревце тотчас достиг ее женского предела. Уткнувшись лицом в его плечо, Кили крепко схватила кузнеца за пояс. Сжав дрожащими бедрами горячее, жилистое древко, женщина принялась медленно покачиваться, раскрываясь навстречу. Много времени ей не понадобилось. Первый стон наслаждения Кили подавила с огромным трудом. Но нехитрые движения вскоре продолжились. Примерно через час, Кили выпустила его из себя и рывком, дернув Арона за одежду, перевернула его на спину. Не теряя хватки, она тут же села верхом. Заложив руки за голову, Арон вяло наблюдал за процессом. Честно говоря, он и не подозревал, как осложнил личную жизнь бедной девочке, заботясь о ее благе, и теперь чувствовал себя виноватым, отчасти. А потому, молчаливо позволял ей творить это безумство.

А она разогрелась, удивительно, но теперь массивный член скользил в ней свободно. Впрочем, вобрать его целиком, Кили, все же, была не в силах. Но своего она не упустила. Арон не был обласкан женским вниманием большую часть своей жизни. Да что там, всю жизнь, практически. Контролировать свои позывы он научился жестко. Но сдержать свое семя в такой момент он все же не смог.

— Да...! — облегченно выдохнула она, с трудом разжав зубы. Кили трясло, колени дрожали.

— Так будет на каждом привале? — сухо поинтересовался Арон.

— Может да. А может, нет. Что хотела — я уже взяла, — неопределенно ответила Кили.

Дождавшись пока плоть Арона обмякнет, и уменьшится в размерах, она сползла на подстилку. Подобрав испорченное белье Кили обтерла промежность и рухнула на подстилку. Остаток ночи прошел спокойно. Прижавшись, друг к другу, и укрывшись двумя одеялами, они проспали до утра. Кили проснулась первой. Разложив нехитрый завтрак, она растолкала кузнеца.

Арон смотрел на нее с укором, но женщину это ничуть не трогало. Легкий румянец и неопределенное выражение — надолго отпечатались на довольном лице. Не проронив ни слова, они снова тронулись в путь. Но теперь походка Кили заметно отличалась от вчерашней, и Арона это немного веселило. Хотя он и не хотел этого, но все же, Кили подарила ему несколько весьма волнительных моментов. Как следствие его член хорошенько натер ей промежность.

За несколько дней пути, путники так никого и не встретили на тропе. Лес опустел. Иногда подавали свои голоса редкие птицы. Это выглядело по меньшей мере странно. Арон даже тайком от Кили связывался с Эсхилом. Но вокруг все словно вымерло. Пару раз в вышине появлялся силуэт Хаука, но вниз он ни разу не спускался. Вскоре, Кили начала узнавать знакомые места. Арон тоже. Теперь можно было ориентироваться по могильным холмикам, которые он тут когда-то оставил. Воспоминания хлынули рекой. Неприятное предчувствие засело в сердце кузнеца. Вскоре, в воздухе появился едва заметный запах гари. Он преследовал их несколько километров, заметно усиливаясь.

Кили остановилась. Сняв с коня колчан и стрелы, она вооружилась. Арон последовал ее примеру. Еще через несколько сот метров, лошадь встала как вкопанная, отказываясь идти дальше. Ноздри раздулись, животное испугано озиралось.

Кили плавно вложила стрелу в тетиву и настороженно прислушалась.

— Эсхил? — тихо позвал кузнец.

— *Я ничего не вижу* — отозвался корабль — *движение есть, но не больше естественного фона.*

Арон наблюдал за своим конем. Теперь он смотрел только в одну сторону. В глазах животного застыл ужас...

Мгновение, и из ближайшего перелеска, чудовищным скачком выпрыгнуло нечто невероятное и бросилось им на встречу. Кили выпустила стрелу, следом другую, третью.... Стеры достигли цели, но это не помогло. Чудовище, похожее на серую бугристую массу, стремительно приближалось.

— Еще один! — выкрикнула Кили.

С другой стороны, от коня подкрадывалась еще одна тварь.

Кили резко развернулась, присела на колени и достала из колчана стрелу. Думать было некогда, Арон обнажил меч и ринулся навстречу первому чудовищу, яростно рыча и размахивая руками. Но человек был тут лишним. Целью была лошадь. Зверь снова совершил чудовищный прыжок, тем самым совершив фатальную ошибку. Игнорировать человека ему не стоило.

Арон выпрыгнул вверх, что есть сил, и взмахнул мечом как можно выше. Следом, из-за спины раздался предсмертный стон второго чудовища. Кузнец обернулся. Оба зверя извивались в предсмертных судорогах.

Кили застыла, не веря своей удаче. Ее руки тряслись, а лицо исказила гримаса ужаса.

— Эсхил!? — вскрикнул он, не обращая внимания на Кили.

— *Я ничего не видел,* — спокойно ответил корабль.

Тогда Арон подошел к животному и со всей силы пнул его.

— А это что!?

— *Я не знаю...* — признался Эсхил — *Смотри прямо, не дергай головой. Я анализирую....*

— Ну!?

— *Арон, вам нужно срочно уходить оттуда. Животное, вероятно, хладнокровное и я не смогу отследить такое вовремя. Вы в опасности.*

— Замечательно... — Арон выругался про себя.

Зверь, которому он распорол брюхо от груди до хвоста, сильно походил на волка. Но гораздо, гораздо крупнее! Кроме того, животное было покрыто панцирем из твердой чешуйчатых пластин. Видимо на груди и животе защита слабее, и потому Арон сходу одолел его. Однако, сделать это простым мечом вряд ли получилось бы.

На всякий случай, кузнец ударил клинком туда, где защита казалась самой крепкой. Его меч справился с задачей без особых усилий. А вот обычный кинжал, который он отобрал у Кили, не смог пробить даже грудь зверя. Поэтому, как погиб второй зверь — кузнец гадать не стал. Арон, бросив взгляд на кили, осмотрел второго зверя, и все стало ясно. Из глазницы монстра торчало оперение стрелы. Кили подбила его точно в глаз, мгновенно поразив мозг.

— Что это за твари? — спросил он, помогая женщине встать на ноги.

— Похоже, что панцирные волки... — обреченно констатировала она.

— Их много?

— Не знаю. Это легенда... я думала, их всех перебили много лет назад. Видимо не всех. Или они расплодились... или пришли с со стороны, — предположила она.

— Как много их может быть? — уточнил Арон.

— Не знаю. Но поодиночке они не должны нападать. Где-то рядом основная стая.

— Черт! Так мы далеко не уедем.

Арон вернулся к остолбеневшему коню и осторожно похлопал, успокаивая. Хорошо, что конь не сбежал. Страх сковал его ноги. Когда животное немного отошло от испуга, он снял с луки седла чехол с оружием, что прислал Эсхил. Серый предмет обтекаемой формы отлично лежал в руке. Он был снабжен причудливым прицелом и имел небольшой вес. Подобное оружие Арон уже держал в руках когда-то, и быстро вспомнил, как им пользоваться.

— А что это? — заглядывая через плечо, удивилась Кили.

— Оружие... против волков, — усмехнулся Арон.

— Оно странное....

— Подарок крылатых богов, — он ляпнул первое, что пришло в голову.

— Такое маленькое... Сколько в нем зарядов?

Арон удивился, как быстро Кили пришла в себя, и как четко уловила суть момента.

— Расход ограничен только нагревом. Дальность не велика, но здесь нужно бить практически в упор. Короткие очереди будут эффективны.

— Очереди? — не поняла она.

Арон поставил оружие на боевой взвод, и после короткого сигнала выстрелил в труп волка.

Глаза Кили раскрылись от восторга, когда маленькие огненные шарики, сияя синим светом, смачными, хлесткими шлепками впились в труп зверя. Попадания сопровождались брызгами крови и мелкими ошметками, заставляя тушу вздрагивать.

— А как это...? — она изумленно приоткрыла рот.

Арон не ответил. Он приказал Кили остаться на месте, а сам отошел в сторону, будто осматривая местность.

— Эсхил, чем еще можешь помочь?

— *Прости Арон, пока что мои системы наведения тут не эффективны. Предлагаю эвакуацию.*

— Всех заберешь?

— Грузовой транспорт уже в ангаре, но после глубокой консервации. Капсула на одного человека придет в течение пятнадцати минут. Девушку можно посадить на колени, но коня придется бросить.

— Плохо! — Арон вдохнул воздух, пропитанный гарью — Держи капсулу наготове. Посмотрим, что нас ждет у Кили дома.

Глава 21. Волки!

Взяв оружие наизготовку, Арон оставил Кили за спиной и велел идти на небольшом удалении от него, чтобы слышать, как ведет себя лошадь. В прошлый раз, когда он был в этих местах, леса было больше, да и заходил он в стойбище охотников, с другой стороны. Теперь здесь было много рубленых пней, а редкая трава и кора, покрытая сажей, говорили о недавнем пожаре. Обойдя небольшой перелесок, путники вышли к источнику гари. Раньше здесь не было основательных строений. Теперь же селение разрослось и среди рваных палаток то там, то тут, торчали бревенчатые строения.

Медленно приближаясь, к стойбищу, Арон наткнулся на обглоданный человеческий труп. Первый из многих. В основном тут были мужчины, но попадались и женщины. Кто-то погиб довольно давно, судя по запаху и заветренной плоти, но были тут и недавно погибшие. В центре селения было построено нечто напоминающее форт. Стены из вертикально вкопанных бревен, ворота, земляной вал с заточенными кольями. Вокруг форта валялись несколько мертвых обгоревших панцирных волков. Стены же самого укрепления были изрыты глубокими следами когтей. Кое-где виднелись подпалины. Бурая земля под ногами, по-видимому, впитала в себя много крови.

— Здесь все изменилось... — вздохнула Кили.

— Да, я заметил, — Арон разглядывал местность в прицел. — Если кто и выжил, то они за этой стеной.

Кили, подобрав камешек, метнула его в стену форта. Потом второй. За стеной послышалось движение, и над кольями показалась чья-то голова.

— Я Кили, Дочь Бекана! Я жила здесь раньше.

— Та самая дочь Бекана, которую отдали злему войну, живущему за большим лесом?

— Да, — подтвердила Кили. — Он со мной.

Несколько долгих минут, за небольшими воротами шло тихое, но бурное обсуждение.

— Что вам нужно? — наконец выкрикнул, чей-то другой голос.

— Мне нужно поговорить с... вождем этого селения.

— Он погиб... позавчера. Одним из первых.

— Тогда с кем-то вместо него, наверное... — резко погрузнев ответила Кили. Весть о смерти отца не прибавила ей радости.

Обсуждение за воротами продлилось еще с минуту, и, наконец, с той стороны сняли засов. Ворота приоткрылись.

— Быстрее, входите! — потребовал женский голос.

Арон быстро пропихнул вперед Кили, протиснулся сам и рывком втащил коня. Ворота тут же закрылись и были подперты толстыми кольями. Их окружили несколько крепких мужчин, человек десять. Остальными жителями форта были женщины разных возрастов и дети. Недалеко от стены красовалась полу съеденная, разобранная по кускам туша волка.

— Этот перепрыгнул? — Спросил Арон.

Воин, который стоял ближе, утвердительно кивнул.

— Так... кто здесь командует сейчас?

— Я! — вперед вышла женщина лет сорока пяти, крепко сложенная, с копьём в руке. Она выглядела, мягко говоря, усталой.

— Меня зовут Арон. Я хотел поговорить с Беканом о судьбе Кили... Но вижу, что вам не

до нас.

— От чего же, — не согласилась женщина. — Сейчас как раз каждый человек на счету.

Когда стемнеет, твари вернутся. Так что разговоры о судьбе очень даже к месту.

— Откуда их столько? — спросила Кили.

— Не знаю... Они пришли с востока. Два дня назад. Не все успели укрыться...

— А чем вы их жгли? — спросил Арон.

— Поливали жиром. Смолу поджигали...

Арон повернулся к Кили и спросил негромко:

— Ты все еще хочешь остаться, или двинемся дальше?

— Я остаюсь! — без колебаний решила она. — Ты сможешь?

— Выбор не велик. Все что в моих силах, Кили.... — Арон не планировал развязывать маленькую войну. Он еще не отошел от недавней схватки. Выбор то, конечно, был, но внутреннее благородство победило.

— Простите, как вас...? — он обратился к женщине, замещавшей вождя.

— Эзрин, — представилась она.

— Мы поможем, Эзрин. Но вы снова примите к себе Кили.

— Если от нас что-нибудь останется — поверь, примем, — Женщина криво усмехнулась. Парочка путников выглядела, по меньшей мере странно, если не сказать — подозрительно. Непонятная одежда, незнакомые вещи. Но люди настолько устали, что дела до этого им особо не было. Быт был устроен наскоро, из чего было. На территории форта стояли несколько палаток и шатров. Посреди форта сложили большой очаг из камней и уложили бревна вокруг него. Там же готовили пищу и грелись. Люди голодными глазами смотрели на коня. Арон заметил это сразу.

— А чем вы питаетесь? — спросил он.

— Этим... — воин ткнул пальцем в обгоревшего волка. — Все припасы остались в хранилище, а оно снаружи.

— Где именно? — уточнил Арон.

— Там! — Воин указал пальцем на косоу бревенчатый сруб, крыша которого была вкопана в землю.

— Кили, — окликнул он. — Первым делом надо прогуляться. А то без коня останемся.

— Мы не откроем ворота! — резко возразила Эзрин.

— Не беспокойтесь... мы только соберем еду и сразу вернемся. У вас есть телега?

— Телега то найдется. Но если что, обратно мы не пустим. — заявила Эзрин.

— Само собой, — кивнул Арон.

Кузнец быстро накинул на коня хомут, протянул поводья в удила. Сумки с едой он отдал Эзрин. Повозка была примитивной и грубо сработанной, но двигалась бесшумно. Это качество было очень кстати. Когда ворота открылись, следом за кили вышли еще два воина. Они указали дорогу и помогли погрузить все, что нашлось в кладовой и уцелевших постройках. В кладовой они нашли еще двух перепуганных женщин. Они забаррикадировались внутри. К сожалению, больше никто не выжил. Вернувшись к форту, на всякий случай к коню привязали тушу еще одного волка и затащили ее внутрь. Волчье мясо хоть и было серым, сухим и жилистым, но говорят, по вкусу напоминало курятину. Засов вернулся на место, колья снова подпирали ворота.

— Хорошо! — одобритительно кивнула Эзрин. — На сытый желудок умирать веселее.

Дозорные разбрелись по своим постам, а Арон решил осмотреться. Кроме шатров и

палаток здесь был колодец в дальнем углу у стены, устроенный под бревенчатым навесом. Небольшая крепкая дверь рядом с ним, в которую человеку то протиснуться было неудобно, видимо служила черным ходом. Конечно, тут была отхожая яма, в другом углу, множество готовых к работе, обтесанных бревен, сложенных у стены, и видимо погреб. Траншея в земле, укрепленная бревнами, заканчивалась грубо стесанной, тяжелой дверью.

— Да уж... Похоже, твои соплеменники только начали жить нормально.

Кили, не упуская кузнеца из виду уныло кивнула.

— Еще не передумала? Я заберу тебя в такое место, где этого всего не будет.

— Нет. Здесь страшно, но я все же дома.

— Да я так, на всякий случай, — улыбнулся Арон понимающе.

Темнело. Люди старались двигаться по лагерю тихо. Прислушиваясь тревожно. Воины внимательно следили за окрестностями со стен, а женщины готовили смоляные факелы, обмакивая их в разогретые на костре чаны. Мастерили зажигательные стрелы, копья, и все что могло помочь выжить.

— Эсхил? — тихонько позвал Арон.

— Да? — ответил корабль.

— У меня появилась идея на счет волков. Ты же сможешь отследить горящую стрелу или брошенный факел за этими стенами?

— Да. Небо ясное, видимость отличная. Это не сложно сделать.

— А как-нибудь незаметно поразить ты можешь этих тварей?

— Я попробую — ответил Эсхил. — Это будет интересно. Все что движется за периметром этого строения я буду считать целями. Но, ты принесешь мне образчик тканей!

— Волка что ли? Хорошо. Постараюсь, — пообещал Арон.

— Принято. Выдвигаюсь на огневой рубеж, через пятнадцать минут жду указания целей.

Что это значило в пересчете на текущую ситуацию, Арон не понял, но минут через пятнадцать — двадцать, в небе над фортом появилась подозрительно крупная звезда.

— Не задень Хаука, если старик все еще в небе, — шепнул Арон.

Кили похлопала Арона по плечу и, молча, указала на часового. Мужчина присел и активно замахал рукой, давая понять, что заметил врага. Арон поспешил взобраться на стену.

Сумерки вокруг поселения заметно сгустились, и пришли в движение, то и дело, поблескивая парами недружелюбных огоньков.

— Факел! — потребовал Арон, и тут же получил зажженную, обмазанную смолой палку.

Кузнец размахнулся и метнул его что есть силы. Огонь быстро охватил остов недогоревшей палатки и осветил поселение снаружи.

Арон обомлел... Он ожидал увидеть пару — тройку панцирных волков, но их пришло несколько десятков.

— Видишь их? — прошептал Арон.

— Фиксирую только движение. Цель не вижу.

— Бей куда угодно. Они за частоколом, не промажешь... — усмехнулся Арон.

Один из волков уже подобрался к стене, и встал на задние лапы, оценивая укрепление. Сверху, его тут же облили жиром из кожаного бурдюка. Пока зверь довольно облизывал морду, с дальнего края стены прилетела горящая стрела. С визгом и лаем, ошарашенная

тварь бросилась прочь, подпалив по пути бока еще паре сородичей. Через несколько секунд вой оборвался коротким предсмертным визгом.

— *Попадание!* — подтвердил в голове голос, и кузнец довольно улыбнулся. Он ничего не заметил, значит, не заметят и другие.

Голодные твари не могли больше ждать. Одни из них принялись глотать трупы людей. Другие, надсадно рыча дрались за мясо убитых сородичей. Остальные ринулись на штурм частокола. Все, кто чувствовал в себе смелость, поднялись на стены. Остальные соплеменники остались внизу, подтаскивать оружие и припасы. В лицах людей, при тусклом свете факелов, читалась безысходность, злость и усталость. Страх в них уже не было. Они смирились со скорой смертью. Но, какая-то неуловимая тень надежды во взглядах все же оставалась.

Нападение началось сразу по кругу. Волки слаженно действовали стаей и проявляли заметную смекалку. Факелы, жир и горящие стрелы полетели за стены. Арон и Кили стояли рядом и не отставали от остальных. Но кузнец почему-то сказал кидать факелы дальше, а не в тех, кто штурмовал стены. Твари, поняв, что так им форт не взять, сменили тактику. Теперь они не карабкались по стенам, а брали длинный разбег, и, отталкиваясь от панцирей других волков, пытались перепрыгнуть через частокол. Кузнец хорошо помнил, насколько чудовищными могут быть их прыжки. Это его насторожило.

Как раз на этот случай, воины предусмотрительно вкопали в землю заточенные колья на расстоянии полуметра друг от друга по всей территории укрепления. При необходимости, между кольями можно было спрятаться. А зверь, упавший сверху, по идее, должен был пробить брюхо под собственным весом. Но этого не случилось. Первый же волк, попавший на колья, благополучно застрял между ними. Рыча и размахивая когтистыми лапами, он без труда выломал сразу несколько.

— Не глубоко вкопали, — заметила Кили.

— Ага... — Арон лег, прицелился и произвел одиночный выстрел в область сердца.

Тварь взвизгнула, но продолжала брыкаться.

— Твоя очередь! — скомандовал он. — Защищай племя!

Поняв, чего хочет Арон, она вложила стрелу в тетиву, прицелилась, и мягко разжала пальцы. Стрела со свистом пробила глаз волка. Тварь, издав предсмертный хрип, затихла. Следующую тварь постигла та же участь. Арон скрытно подкосил ее в полете, а Кили вновь попала в глазницу.

— Не дурно! — похвалил кузнец. Похоже, то, что он принял за везение, получалось у нее на уровне инстинкта.

Настороженная, Кили довольно улыбнулась, и выпустила еще несколько стрел за стену. Судя по выражению лица, по крайней мере, один раз она попала.

Битва была не простой, но, проходила на удивление спокойно. Люди действовали слаженно, без суеты и криков. Можно сказать — ритмично. Обмениваясь короткими фразами и жестами. Судя по отчетам Эсхила, он сделал около двадцати результативных выстрелов, добив помеченных животных. Воины, женщины на стенах, и меткие стрелы Кили уложили еще с десятков до жути живучих волков.

Факелы кончились. Стрелы тоже были на исходе. Бурдюков с жиром тоже не было видно. И вот, ближе к рассвету, стая, волоча обожженные и подраненные лапы, отступила зализывать раны. За весь бой Арон сделал еще несколько скрытных выстрелов, в самые критичные моменты. Он до последнего надеялся, что они останутся незамеченными. Люди,

поняв, что осада кончилась, попадали, где стояли. Удивительно, но все выжили. Довольная исходом битвы Эзрин, поднялась на стену, как только рассвело. Земля у стен форта была усеяна огромными трупами, и залита кровью.

— Нам повезло, что это всего лишь звери, — поделилась она размышлениями, — если бы это были звери о двух ногах, мы бы долго не прожили.

Она указала пальцем на оружие Арона и негромко, чтобы не услышали остальные, проговорила:

— Послушай-ка, злой воин, я не полная дура, и не выпускала вас двоих из виду. На что еще способна эта штука?

— На многое, — уклончиво ответил он.

— Ты странно одет, но идешь налегке и хорошо вооружен. Вы двое здорово помогли, но сдаётся мне, что при желании ты мог справиться один.

— Возможно... но не очевидно, — пожал он плечами. — Куда вы клоните?

— Вы можете больше, это очевидно. Момент упускать нельзя. Мы их здорово потрепали, но нужно доделать дело. Я хочу, чтобы они больше не вернулись. И я знаю, чувствую сердцем, что вам двоим это по плечу! — заявила Эзрин.

— Мы слушаем? — оживилась Кили, прежде чем Арон успел ответить.

Эзрин подняла руку и указала на видневшиеся вдалеке скалы.

— Раньше, до того, как их истребили ценой невероятных жертв, волки приходили оттуда. Думаю, что и сейчас их след приведет к скалам. Если разорить их логово, мой народ долгие годы сможет спать безмятежно.

— У меня были другие планы, — возразил Арон.

— Семь лет назад, ты, воин, убил лучших из наших мужей. Я не оправдываю их поступков. Но они были нашей опорой. А те, кто встал на их смену — не справились, и теперь лежат здесь. Остались несколько изможденных мужчин и толпа растерянных женщин. Если ты мудр, поделись, как нам быть дальше, как выжить?

Арон не ответил. Внимательно осмотрев кили на предмет повреждений, он в очередной раз спросил:

— Еще не передумала?

Кили молча мотнула головой.

— Хорошо. Два часа на отдых и сон. Потом выступаем.

Эзрин, услышав это, прикрыла глаза и сжала руками медальон, висевший на ее груди. Видимо вознося какие-то молитвы. Пока Кили спала, Арон, пользуясь возможностями своего шлема, пытался разглядеть штуковину, зависшую над лагерем. Это был, кажется, орбитальный истребитель. Судя по рисункам и рассказам отца, эта машина могла подниматься очень высоко в небо и даже летать на другие планеты. Сейчас это грозное оружие предков висело в паре километров над землей, повинаясь воле Эсхила.

— Эсхил, а сколько времени эта штука может там болтаться?

— *Сколько потребуется, Арон.*

— Скоро мы отправимся вон к тем скалам, вверху карты. И попытаемся уничтожить логово зверя. Ты сможешь если что вмешаться?

— *Я смогу поразить цель, отследив твои попадания. Кроме того, я визуальным образом отследил место нахождения логова. Стая неосмотрительно наследила, отступая.*

— Чудно. И как далеко?

— *Десять километров двести семьдесят пять метров на северо-запад. С учетом*

рельефа местности, это пара часов в пути.

На карте Арона появилась красная метка. Идти было не близко, да еще и в горку.

— Ясно, Эсхил. Смотри в оба.

— *Принято....*

Глава 22. Во имя племени

Подремав около часа на сытый желудок, и прихватив немного еды с собой, Арон оседлал коня. Подав руку Кили, он усадил ее за спину. Мощное животное, выращенное для рыцаря со щитом и в тяжелых латах, без труда приняло на себя вес двоих всадников. Собственно, вся операция по поиску логова упиралась во время, проведенное в дороге. Идти по следу труда не составило. Побитая, стая двигалась напрямую, не скрываясь. Добив по пути пару умирающих волков, Арон и Кили приехали к скалам. В конце небольшого ровного ущелья, обнаружилась пещера с водопадом и озером. Дальше простиралась сравнительно небольшая, скрытая от посторонних глаз долина. Там, судя по усеявшим землю костям, и плодилась все эти годы адская стая.

Арон, не слезая с коня, перекрыл проход, отстреливая тех, кто пытался сбежать. Эсхил же методично, квадрат за квадратом, выжег все, что могло находиться в пещере. Для этого истребителю пришлось снизиться и зависнуть вплотную к водопаду. Залив пещеру смертоносным огнем, он осветил ее мощным прожектором. От грозной стаи остался только смрад и пепел.... Выждав, пока ветер развеет гарь, и воздух немного очистится, Арон и Кили, на всякий случай проверили все своими глазами.

Кили не задавала вопросов, но пребывала в нервном оцепенении. Висящий в воздухе аппарат вызывал в ней неподдельный ужас. Арон погладил ее по бедру, чтобы привлечь внимание. Она очнулась и взглянула вопросительно.

— Кили... — вкрадчиво начал он. — Ничего этого не было. Потому что и быть не могло. Понятно?

— Да, — она вздрогнула. — Ты прав, ничего не было.

— Вот и ладно. Своим расскажешь, что злой воин ходил в логово один, и ты ничего не видела.

— Я тебя слышала. Но... что, если мы захотим сюда переселиться?

— Переселиться?! Ты меня удивляешь.... Даже в такие моменты ты мыслишь здраво. Я об этом не подумал. Идея то в общем хорошая. Тут и вода есть и солнца хватает. А в скалах можно жилища наделать. Райское местечко, в принципе. Если все правильно обустроить, получится хорошее обиталище.

Кили улыбнулась, предвкушая масштабное переселение. Однако, Арон еще не взвесил все доводы. На обратном пути, он, как и обещал, присел возле убитого волка.

— Ну и какие пробы тебе нужны? — спросил он Эсхила.

— *Уже не нужно* — отозвался тот.

— Вот как?

— *Я заберу одного зверя при помощи корабля, если он тебе больше не нужен.*

— Валяй. Я думаю, этим все и закончим. И да, Эсхил... я тут подумал, что нужно помочь племени. Как ни крути, Эзрин права, и я, от части, виноват в их бедах. Не мог бы ты тут все подчистить? Сделать долину более пригодной для жизни? А то поступило предложение переселить людей в долину. Тут их никто не достанет, а ты приглядишь между делом, а?

— *Это возможно. Как именно мне улучшить долину?*

— Думаю, нужны жилища. Что-то простое, но надежное. Чтобы было тепло и безопасно.

— Скалы состоят из достаточно прочной породы, но она хорошо обрабатывается. Я мог бы вырезать в них несколько залов и галерей, пригодных для жизни. Геотермальная энергия сделает их достаточно теплыми, чтобы зимой вода не замерзала.

— Думаю, для начала этот вариант будет идеальным. Сделаешь?

— Да Арон, конечно. Всю жизнь мечтал использовать орбитальный истребитель для подобных целей. Как только вы удалитесь на значительное расстояние, я все сделаю. Инженерные службы уже готовятся к работе.

— Чудно. Значит мы возвращаемся в лагерь...

Получив радостную весть к вечеру того же дня, племя Кили, на всякий случай закрыв ворота и оставив часовых на стенах, устроило себе долгожданный отдых. Ночь прошла очень спокойно. Утром выслали дозоры по два человека, и принялись хоронить мертвых. То, что от них осталось. Кили рассказала Эзрин о долине в скалах, и это вызвало бурное обсуждение. По правде сказать, оставаться на этом месте после всего... мало кто хотел. Да и выбора не было. На них могли напасть другие племена или кочевники. А погибнуть или попасть в рабство, среди членов племени желающих точно не было. Встал непростой выбор: бросить все что нажито и начать сначала, или остаться и рискнуть жизнью. Решение было очевидным и единогласным.

Покончив с похоронами все, кто был свободен, принялись разделять еще свежие трупы панцирных волков. Арона это заинтересовало.

— А зачем это? — спросил он у стоявшей неподалеку Эзрин.

— Разделаем, пока мясо не протухло. Высушим, завялим. Проживем зиму. Панцири и чешую обрабатываем, а весной продадим. Все пойдет в дело. И зубы, и когти...

— Вы точно уйдете отсюда?

— Да. До зимы племя решило перебраться в скалы. Там действительно хорошая долина?

— Неплохое место для оседлой жизни, — подтвердил он.

— Арон, кажется? — уточнила Эзрин.

Он кивнул в ответ.

— Скажи, почему ты для нас это сделал?

— Для вас? Нет... для Кили. Не обижайтесь. Я уйду далеко к скалам. И больше не смогу присматривать за ней. Она крепкая, сильная женщина, но одна... Там, где мы жили раньше, у нее нет шансов на хорошую старость. Мне же, нельзя туда возвращаться по ряду причин. Да и некуда. Поэтому мы здесь. Уговор наш в силе?

— Конечно. Она умелый и мудрый воин, к тому же женщина. Кому-то нужно рожать детей и воспитывать их, не так ли? Ведь нас осталось до слез мало.

— Не затягивайте с переездом в скалы, ладно? И приглядывайте за Кили.

— Не беспокойся. Останешься с нами на пару дней, пока все не утрясется?

— Если нужно, я задержусь, но ненадолго. Дело не в спешке, просто путь не близкий, — ответил задумчиво кузнец.

— Я рада это слышать. Мы приведем здесь все в порядок и хорошенько отметим перемены, которые вы нам принесли. Совершим древний обряд плодородия. В общем повеселимся. Ты, примешь участие?

— Это не связано с жертвоприношениями?

— О, нет, — рассмеялась Эзрин. — Хватит с нас жертв. Не переживай, судя по тому, что рассказала Кили, тебе понравится.

— Ладно, — пожал плечами Арон. — Я в деле.

— Просто чудесно! — Эзрин погладила его по плечу и удалилась заниматься своими делами.

Вечером следующего дня в стенах форта намечался скромный праздник. Все что напоминало о недавней битве уже убрали. Шатры и палатки восстановили, придав им божеский вид. Слышался шум молотков и топоров. Воины, расслабленные, чистые и отдохнувшие, неторопливо сновали туда — сюда с разными грузами на плечах. Другие жители что-то мастерили. Женщины поголовно принаряжались, пели, совершали омовения и какие-то местные обряды. Недалеко от стойбища протекала речушка, и кузнец не преминул возможностью в нее окунуться. Кили, зайдя в холодную воду по колено в своих роскошных сапогах от души потеряла ему спину. Но сама предпочла омыться в форте, вместе с остальными. Коня помыть, тоже не забыли. Бедное животное пережило столько всего, что заслужило немного внимания. В общем, к вечеру все кроме кота, проспавшего в сумке все самое интересное, сияли чистотой, и пахли душистым травяным мылом. Которое, кстати, отлично умели делать соплеменники Кили.

Настал долгожданный вечер. Племя во главе с Эзрин, расселось вокруг костра на коврах и циновках, разложив нехитрую пищу тут же, на льняных скатертях. Все ели, но никто не пил ничего кроме воды. Кузнец подумал, что не плохо бы чего покрепче выпить! Но тут племя затихло. Эзрин словно прочтя его мысли, встала, вышла на центр площадки с большой чаркой какого-то напитка. Вероятно, вина или иного алкоголя.

— Арон! — она вдруг обратилась к кузнецу, о чего тот выронил кусок изо рта.

Все смотрели на кузнеца. Вероятно, следовало выйти и тоже встать у костра. Суетливо вытерев руки о край какой-то тряпки, он подскочил на ноги и шагнул к огню поближе. За спиной тут же выросли два воина, вставшие по стойке смирно, и Кили с улыбкой до ушей.

— Арон! — повторила торжественно Эзрин.

— Да? — кузнец смущенно улыбался, чувствуя на себе столько внимания со всех сторон.

— Мы хотим поднести тебе эту чашу, и вместе с ней, предложить тебе остаться у нас.

— Зачем? — удивился он

— Ты сильный и умный воин, мужчина, каких мало. У нас есть плодородное поле, которое нужно вспахать, а у тебя есть семя, готовое взойти. — Она заговорила, какими-то подозрительными аллегориями. Голос в голове призвал Арона быть осторожным.

— Так... чего вы хотите? — уточнил кузнец.

— Мы, женщины племени, — вздохнула Эзрин. — Хотим, чтобы ты посеял среди нас свое семя и дождался всходов. Это же очевидно. Мужчин у нас осталось мало и тех сильно потрепало. Ты же сильный, высокий, умный... Разбавь нашу кровь, сделай племя сильнее!

Намек — яснее ясного. Кузнец огляделся, поняв наконец к чему были столь тщательные приготовления. Эти омовения, одежды, травы и ритуалы...

— Э нет! Спасибо, конечно, но у меня уже есть определенные обязательства. При всем желании остаться я не могу. Честь велика, но вы уж простите...

— Я так и думала... — Эзрин, вздохнув протянула ему чарку. — Что ж, раз это твой выбор, мы уважаем его.

Арон принял чарку под одобрительные возгласы всего племени и пригубил. Напиток был странным, но весьма ароматным. Он осушил ее до дна. Отказываться было как-то неудобно, да и выпить хотелось страсть... Эзрин с какой-то странной улыбкой забрала чарку обратно. Когда кузнец почувствовал неладное, воины, стоявшие за спиной, уже подхватывали его

непослушное тело.

— Что происходит? — он растерянно уставился на Кили.

— Поверь, ничего плохого. Все будет хорошо, тебе понравится.

Ее довольная до жути улыбка в этот момент показалась ему зловещей. Обмякшее тело кузнеца втащили в большой шатер, где посредине кто-то вкопал бревно под углом к полу. К бревну были прибиты три толстые жерди. Дерево было тщательно обработано от коры и сучков, и обернуто шкурами в несколько слоев. Туда героя и усадили. Кили проворно избавила великого злого воина и одновременно спасителя племени от лишней одежды. Непослушные руки развели в стороны и широкими ремнями привязали к жердям. Крепко, но бережно. А когда Кили окончательно стащила с Арона комбез, то к нижней жерди привязали и ноги. На средней жерди он просто сидел. Вернее, лежал. Крепко слаженные путы, надежно фиксировали его в полулежащем положении. Войны вязали его надежно, но так чтобы руки и ноги не отекали. При этом, они шутили между собой и широко улыбались, как будто, так и надо. Но Арону это оптимизма не придавало. Одна за одной в шатер входили женщины племени. Не все, только те, что помоложе, и покрепче. Они занимали свое место у стены, образуя тем самым круг. Последней в шатер вошла Эзрин.

На всякий случай, кузнец приказал Эсхилу пока не вмешиваться. Ничем хорошим это не могло кончиться.

— Что со мной происходит? Чем вы меня опоили? — потребовал кузнец объяснений.

— О, это любовное зелье. Слабость сейчас пройдет, и начнется самое интересное!

— Что начнется? — взволновался Арон.

— Вот это — она указала древком копья на его промежность, где помимо воли плоть его восстала.

— А привязывать то зачем?! — не унимался кузнец.

— А это, чтобы ты никого не покалечил. В любовном порыве. — улыбнулась Эзрин.

— Да как так можно то! — он попытался разорвать оковы.

— Расслабься... — Глаза женщины скользнули по его телу вниз — Негоже носить без дела такое орудие... пусть оно поработает во благо. Да начнется ритуал плодородия!

Что было дальше, кузнец смутно помнил. Голову заполонило каким-то дурманом... тело окончательно онемело.... Все, кроме одной части. Она то, как раз приобрела феноменальную стойкость и чувствительность. Женщин было всего восемь, ибо при всей своей выносливости, осеменить больше за один раз не смог бы ни один мужчина. Да и этого было много. Но, видно Эзрин понимала в этом деле лучше него. А может просто пользовалась шансом, так сказать — на удачу.

Первой была Кили. Она появилась в одной рубашке до пят, с венком в руках. И, прежде чем оседлать другую часть Арона, она водрузила венок ему на голову. Долго она не задержалась. Получив свое, забрала венок и убежала.

Следом зашла крупная, высокая женщина, лет тридцати пяти, с пышным бюстом и красивыми зеленоватыми глазами. Кузнец запомнил ее по недавнему сражению. Она больше всех старалась. Пожалуй, при других обстоятельствах его не пришлось бы связывать... Венок она смущенно надела ему на голову, а свою просторную промежность уже на другое место. Она задержалась дольше всех, удивляя... глубиной своего восприятия и широтой взглядов.

Остальных Арон плохо запомнил. Кто-то из женщин смешно пыхтел, кто-то плакал, кто-то поскальзывался и падал... Было не важно. Эзрин, к слову, навестила его. И он нашел в себе силы, чтобы наполнить ее тугое зрелое нутро. Возраст жительниц племени колебался

от восемнадцати до сорока лет, примерно. По большей части, женщины были симпатичные, подтянутые, приятно пахнущие. Подготовились, что тут скажешь...

В общем, к утру, каждая красавица, с символическим ритуальным венком в руках, вспахав, как сказала бы Эзрин, плодородные почвы, засеяла их семенами. Чтобы взрастить всходы — выражаясь их же языком. Ближе к полудню появилась Кили. Уже в привычном своем наряде. Она принесла воду, одежду, и другие вещи Арона. Игриво оседлав его на несколько минут, она неспешно омыла тело кузнеца. Затем, то самое, на чем только что сидела, и вытерла все насухо.

— Ну что герой, будет тебе о чем вспомнить?

Арон отвернулся. Лицо его налилось краской. Честно говоря, было стыдно и неприятно сознавать, что целое племя насильовало его и созерцало наготу несколько часов к ряду. Кили проворно ослабила ремни и помогла ему встать. Тело затекло не так сильно, как могло бы, а вот промежность болела. Чувствительность все еще не прошла. Молодая женщина сильными умелыми пальцами размяла ему шею, руки и спину. Было до жути приятно, но виду он не подал. Одевшись, проверив оружие и свои вещи, он долгим внимательным взглядом посмотрел на Кили. Она улыбалась. Просто цвела от радости. Арону оставалось только покачать головой.

Солнце стояло уже высоко. По синему небу проплывали редкие тучки... Прямо перед шатром стоял его конь. Фляга полна воды, сумки собраны в дорогу.

— Я оставлю кота себе, если ты не против, — виновато улыбнулась Кили.

— Ладно... — растеряно ответил он, отметив про себя, что вокруг собрались все, кто приходил этой ночью. Женщины прятали взгляды и смущенно улыбались. Кое-кто просто светился румянцем. Лишь крупная женщина лет тридцати пяти, которую кузнец успел запомнить, стояла поодаль с пустыми глазами и мечтательной улыбкой на лице.

Арон повернулся к Кили. Взяв за руку, он закатал платье там, где, когда-то собственноручно оставил шрам. Следа почти не осталось, лишь тонкая белая полоска.

— Удачи тебе в новой жизни, — пожелал он.

— И тебе, кузнец, сын кузнеца... — тихо ответила она.

Арон вдел ногу в стремя и мучительно тяжело взобрался в седло. Животное ретиво встрепенулось и закусило поводья, описав небольшой круг.

— А может останешься... ну, дождаться всходы? — вкрадчиво предложила Эзрин.

— Нет! — воскликнул кузнец. — Хватит с меня и посевов!!!

С этими словами он пришпорил коня и рванул за ворота, поднимая клубы пыли.

Глава 23. Родственные узы

Через несколько сот метров, скрывшись из виду кузнец осадил коня, и пустил легкой рысью. Онемение в теле прошло и болело уже решительно все.

— *Как ты, Арон?* — послышалось в голове.

— Не спрашивай. Жаловаться, конечно, грех, но это просто какой-то кошмар...

— *На твоём месте, кажется, мечтал бы оказаться каждый?*

— Наверное... я ещё не отошел до конца. Голова кругом, жажда дикая. Что она мне споила?

— *Наркотик. Слабый, растительного происхождения. Безвредный. И смесь биологически активных компонентов. Кстати, очень интересная. Мне бы образец....*

— Даже не думай!

— *Хорошо, Арон, я шучу. Все что нужно, уже в твоей плазме. Так куда отправишься?*

— А как далеко до тебя?

— *День или два в пути, примерно. Может транспорт?*

— Нет, не надо. Мы своим ходом. Подышим, подумаем... разберёмся со своими впечатлениями.

— *Принято.*

— А ещё я не хочу бросать отличного коня... — добавил Арон.

— *Хорошо, как пожелаешь. На твоей карте уже есть маркер.*

Что ж, погода была прекрасной, природа вокруг вполне живописной. Конь полон сил, а дорожная сумка набита едой. Панцирные волки на много километров вокруг распугали все живое. Так что можно было просто наслаждаться поездкой. Все, что хотел, Арон уже сделал. Осталось добраться до скал, и найти безопасный проход к кораблю.

Все-таки Кили повзрослела так незаметно. Теперь он был за нее спокоен. Эсхилу была дана команда приглядывать за этой гордой и смелой дикаркой. Она заслужила маленькое местечко в его сердце. О том же, что было ночью, Арон вспоминал с содроганием... Он предпочитал делать подобные вещи добровольно. Хотя, отлично понимал, что мера была вынужденная и Эзрин, как женщина мудрая, как вождь, пекущийся о своем народе, не могла упустить даже такую сомнительную возможность.

И потом, какое-никакое, а признание! Ему оказали честь, как герою, и отблагодарили, по-своему. И можно было и остаться, помочь с переездом на новое место. Отстроиться, осесть среди людей более признательных.... Но что-то во всем этом не давало ему покоя. Так в мыслях о своей судьбе кузнец медленно покачивался в седле, позволяя коню, время от времени пощипать травки. Было хорошо... просто хорошо.

Пришпорив коня, он вдруг рванулся с места, и почувствовал, как здорово просто нестись по дороге! Когда ветер в лицо и конь рвется из-под седла. Пахнет утренним лесом, шелестят листья, и копыта звучно отбивают дробь о землю.... Пожалуй, так свободно кузнец еще никогда в жизни себя не ощущал! Он мчался до тех пор, пока его верный друг под седлом не начал задыхаться. Осадив коня, Арон снова бросил поводья, отпил воды из фляги и, раскинув руки в стороны, поставил лицо ветру и солнцу....

— *Ты не один,* — испортил момент уже до боли знакомый голос.

— Кто опять? — недовольно буркнул Арон.

— Воин, женщина. Одна, в двух километрах по курсу. На приличной высоте.

— Ага... Ладно, поглядим.

Примерно через километр пути, над головой пронеслась крылатая дева. Арон натянул поводья и остановился. Обозначив свое присутствие, она неспеша снижалась, сужая круг. Заметив громоздкую тень, конь дернулся с места, но Арон похлопал его по шее, успокаивая.

— Тише, тише, все нормально... Это всего лишь крылатая дева.

Сделав последний круг над деревьями, валькирия погасила скорость. Мягко спланировав над дорогой, она сложила за спиной крылья и, ступила на сухую придорожную траву. Арон, на всякий случай, внимательно огляделся по сторонам.

Это была Уна. Одна, во всеоружии. Облаченная в светлый, обрамленный кольчугой, льняной линоторакс. Совсем новенький. Легкой походкой валькирия прошла на встречу. Внешне она была спокойна и умиротворена. Но Арон, все же уловил ее волнение. Перехватив поводья, под уздцы, она погладила животное, и прижалась своей щекой к морде коня. Она молчала, смотрела на кузнеца. Спокойным уверенным взглядом, от которого холодело сердце. На лице ее прорезалась странная, едва различимая улыбка...

— Нам нужно поговорить! — проговорила она.

Арон кивнул в ответ, догадываясь, о чем пойдет речь.

— Тут есть развалины, в получасе пути. Там можно согреться у костра и спокойно все обсудить, если ты не против.

Кузнец молча согласился с ней. Стоило бы расставить все по местам, раз она решила его найти. Без лишних ушей и суеты. Арон подал руку, предлагая даме взобраться на коня. Отпустив поводья, Уна уверенно вцепилась в предплечье. Описав короткую дугу, грозная дева оказалась позади. Она прижалась к его спине и когтистые, сильные руки сомкнулись на его груди. Ему не показалось... Уна обняла его.

Они свернули с основной тропы проскакав около километра. И действительно, через полчаса пути, на опушке леса наткнулись на заросший полевыми цветами и кустарником пустырь. Развалинами она называла давно заброшенную сторожевую башню, заросшую со всех сторон зеленью, со следами бывшего сражения, но вполне себе функциональную. От подножия башни открывался удивительный по красоте вид.

Когда они доехали до места, валькирия взмахнула крыльями и опустилась на край стены. Кузнец, спешившись, снял походную сумку, провел коня через солидный разлом внутрь башни и привязал к кольцу, торчавшему из гранитной кладки. Солнечный свет прорезал тьму, то там, то тут, струясь из многочисленных дыр. Оглядев заросшее помещение, Арон поднялся вверх по бревенчатым ступеням, торчащим из стены. Смотровая площадка поросла мхом. Уцелевшие потрепанные стены хорошо укрывали от ветра и посторонних глаз. В центре каменного укрепления догорал костер. Рядом был разложен нехитрый скарб, и походная постель. Над ней, со знанием дела натянут выцветший от дождей и солнца тент.

Уна подкинула веток в огонь и, скрестив ноги, устроилась на постели. Арон молча разложил свою подстилку рядом с ней. Припасы Уны уже иссякли, судя по пустой заплечной сумке, брошенной тут же, невдалеке. Похоже, что она ждала здесь уже несколько дней. Не задавая глупых вопросов, Арон вскрыл свои припасы и вывалил перед собой. Не мешая оголодавшей валькирии, он смотрел, как она расправляется с едой. Предстоявший разговор его волновал. Сердце болезненно заняло в груди. Мысль о том, что передним родной человек уже не казалась такой дикой. Отец определенно описывал именно ее черты....

— Странный вкус... Что за мясо? — набив живот спросила Уна.

— Панцирный волк, зажаренный в углях, — пояснил кузнец.

— Никогда не ела.

— Панцирь толстый. Трудно добыть. Теперь их совсем мало осталось.

Валькирия проглотила застрявший в горле кусок и запила его вином. Поставив бутылку на пол, она промокнула губы куском ткани.

— Для начала я должна тебе кое-что прояснить. Что мы за народ, и когда стали так жить. Чтобы ты мог здраво судить.

— Согласен, — кивнул он.

Уна собралась с мыслями:

— В те времена, мы с твоей подружкой любили повоевать. Разорить пару поселений, людишек поубивать. Кровушки свежей испить... Понимаю, диковато звучит.

— Зачем! Кровь нужна, чтобы жить?

— По сути — да. Но все не так однозначно. Я поясню, но тебя нужно глубже в историю посвятить.

Кузнец согласился, было интересно послушать.

— Хорошо... — охотно кивнула она. — Я постараюсь доходчиво объяснить. Так же, как и твой отец, мы пришли издалека. Народ наш обосновался подальше от людей в горах из белого известняка. Его просто обрабатывать, можно строить жилища. Когда мы обосновались и решили все первостепенные задачи, появилось много свободного времени. Некоторые из нас стали спускаться к людям. Нам многого не хватало, мы голодали. В обмен на еду нам было что предложить. Кое-какие безобидные штучки, украшения. Опять же, знания. Кроме того, в горах, мы нашли золотоносную жилу. Золото людям нравилось, завязалась торговля.

Однако, длилось это не долго. Прознав о чудесных вещах и золоте, на нас стали охотиться, устраивать засады. Походы за самым необходимым превратились в вылазки. Мы не были воинами. Многие гибли. Заботу о пище, вскоре, взял на себя Ангус. Один из немногих кто раньше изучал историю и военное дело. Добраться до нас люди не могли, в силу своей примитивности. Горы надежно нас укрыли. Ангус воспитал и обучил множество воинов. Народ перестал голодать. А вскоре и наши внутренние сады дали первый урожай.

Но за прошедшие столетия люди стали умнее. Ожесточились. Появилась религия, фанатики. Более современное, точное оружие, от которого сложно уклониться. Нас потихоньку стали истреблять. Мужчин, которые могли бы давать потомство, осталось совсем мало. Ведь они гибли, защищая нас. Крылатый народ встал перед чертой, за которой нас ждало вымирание. Хотя тела наши практически бессмертны... мы гибли от ран. Тогда, старейшины сделали Ангуса нашим королем. Народу нужен был лидер, а он отлично подходил для этой роли. Так что выбора ему не дали.

Мы не можем рожать от людей, но во всем есть исключения. Первой из женщин, ставшей воином, ставилась задача найти среди людей пригодного для размножения мужчину. И вскоре, она пленила одного такого, и принесла к нам. Ребенок родился здоровым. Через некоторое время, старейшины вывели закономерность между силой, умением воинов и их пригодностью к размножению. Началась масштабная охота... Не трудно догадаться, что последним критерием отбора стала кровь. Вскоре мы научились определять ее на вкус.

— Я, значит, пригоден? — уточнил Арон с тенью сарказма.

— Более чем, — без тени сомнения подтвердила Уна.

— Сначала, мужчин приносили в селение, и предлагали остаться. Были те, кто

соглашался, но по ряду причин, это не прижилось. Из-за глупости, жестокости и людской недалекости, это стало слишком рискованно. Вскоре, люди окончательно стали вызывать к себе отвращение. А жизнь их, в глазах ощутивших силу валькирий, потеряла всякую ценность. Женщины в бою показали себя крайне эффективно. И те немногие мужчины, что остались у нас, перестали принимать участие в вылазках. А население медленно, но, верно давало прирост. Теперь валькирии не церемонились. Кружась там, где люди затевали битвы, они без труда вычленяли самых сильных и удачливых воинов. Чаще всего, дожидались, пока их ранят, или те упадут без сил, или уснут. После, судьба воина была не завидной. Одна или две валькирии уносили несчастного с поля боя. И если кровь его на вкус их удовлетворяла — совокуплялись. А если он не годился, пускали в расход. Хорошей шуткой считалось оставить человека где-нибудь на пике скалы или на высоком уступе, откуда он вряд ли смог бы спуститься.

— А что было потом с этими воинами? — заинтересовался кузнец, слушая до того не перебивая.

— Они умирали, — развела руками Уна. — Как правило, еще в процессе. Разгоряченные битвой девы не сдерживали себя. Кроме того, к ужасу старейшин, оказалось, что кровь начала действовать на дев как наркотик или алкоголь, лишая страха и морали. Вызывая привыкание. Участились случаи сумасшествия и жестоких стычек среди своих же.

— Ты тоже так совокуплялась?

Уна отвела глаза. Ответ был очевиден.

— В течение столетия, людей, обладавших нужной нам группой крови, не стало. Мы всех извели. Это, отчасти, решило проблему морали, но и подорвало рождаемость. Попытки, конечно, были. Девы привыкли убивать и совокупляться... но теперь дети, если зачать их было суждено, редко выживали. Впрочем, как и дети, зачатые среди сородичей. Без свежей крови народ вырождается. У валькирий, не смотря на привитую жестокость, привязанность к своему потомству крайне сильная. А от того встала еще одна проблема. Несостоявшиеся матери в слепом отчаянии бросались на скалы. Зрелище было страшным....

— А что с крыльями? — вставил Арон.

— А что с ними? — не поняла она.

— По логике вещей, будь я твоим сыном, у меня должны были вырасти крылья.

— О, это совсем не обязательно. Как ты мог заметить, многие из нас носят искусственные крылья. Такое было и раньше. Дети чистокровных родителей, как и дети боевых валькирий, не всегда имели крылья. Главное — это дар, который передается от матери. Возможность управлять им. Мы... пробовали вживлять крылья мужчинам что остались, с нами добровольно. Но это печально кончилось...

— Вживлять? — переспросил кузнец.

— Да, мы это умеем. Старейшины многое знают. Еще с тех времен, когда наш народ жил иначе.

— Интересно... И, что было дальше?

— Дальше...? — она грустно улыбнулась. — Наш король запретил нападать на людей. И тем более совокупляться. Теперь он хотел мира. Надо сказать, что и люди подустали от долгой вражды. Появились правители, с которыми стало возможно договариваться. Снова торговать. Сольвейг же, младшая из чистокровных дочерей Ангуса и Гуты, выросшая на рассказах о славных битвах и, успевшая к тому времени, попробовать крови — подчиниться не смогла. Ее молодая горячность, и те навыки, которые воспитал отец, жаждали свободы.

Рвались наружу. Вот наш король и приставил меня приглядывать за дочерью, в надежде, что эта бравада, вскоре, пройдет. Что за времена то были....

Уна мечтательно прикрыла глаза.

— Однако, девочка выросла. А жажда крови и новых битв в ней лишь крепла. Она свирепела. Набирала сил и умения. Ощутила мощь. Никто теперь не смел ей указывать. Ее стали бояться. До тех пор, пока король Ангус не решился-таки ее усмирить. Как ты знаешь, все кончилось плачевно. Она его чуть не убила.

— А что за история с ее именем? — вспомнил Арон.

— Сольвейг? Оно означает "Луч солнца". Она была последней из чистокровных детей. Когда она родилась, старейшины сразу предрекли ей великое будущее. Она должна была стать одной из великих. Вместилищем колоссальной духовной силы. А потому и отношение к ней с детства было особым. Возможно, это и сыграло плохую шутку. Она всегда чувствовала свою исключительность. Стала меня игнорировать, улетать одна, пропадая неделями. А возвращалась, смердя зловонием, вся в грязи, перемазанная кровью. В один из таких моментов, я и повстречалась с твоим отцом. Искала эту несносную девчонку, а наткнулась на одинокого путника в поле ржи.

— И ты его атаковала! — Арон усмехнулся, ибо история повторялась.

— Да, без зазрений совести. Чисто инстинктивно. Уверенная в своих силах и безнаказанности, я обрушилась на него с высоты. Но он отразил удар просто и легко. Без страха и сомнений. Я нападала снова и снова, рняя его и крыльями, и когтями, и мечом. Но не смогла нанести ощутимых повреждений. Вскоре ему это надоело. Твой отец просто схватил меня за руку, и силой отобрал меч. Потом подобрал сумку и пошел домой, истекая кровью. А я осталась как дура, посреди поля стоять. Напасть я больше не решилась, но до дома его проследила.

Мало того, что он не удивился. Он не испугался, не уступил в силе и, почему-то, не убил меня. В том, что он мог это сделать, сомнений не было. Я поняла это, когда немного остыла. Покружив какое-то время над его домом, я решила нанести визит вежливости. Выждав момент, я, сложив крылья, влетела в окно. А он сидел за столом и, как нив чем не, бывало, ужинал.

Бойд был старше, чем ты сейчас, но похож как две капли воды. И я засмотрелась... Забылась, на какое-то мгновение. Потом, опомнившись, насколько могла вежливо, попросила вернуть мое оружие. Странно, но он согласился. Повертев в руках мой меч, он вернул его, вперед рукоятью. Я убрала оружие в ножны и спросила его имя. Он спросил мое, и я улетела. Не знаю, почему, но меня влекло к этому человеку. Как к тебе, сейчас. Не ведая страха, но с огромным волнением, я снова навестила его. Он предложил мне поужинать... мы поговорили. А потом все как-то закрутилось. Знаешь... ведь мы были счастливы. Сейчас это слово режет слух, но тогда это было реальностью.

Конечно, я держала все в тайне. Пока изменения в моем теле не стали слишком заметны. Ангус, узнав обо всем, пришел в бешенство. Он запретил возвращаться. Ослушаться я не смогла... Однако, ребенка решили оставить. Ведь беременность протекала нормально. Был шанс родить здорового младенца.

Уна неровно вздохнула и глотнула вина из горла.

— Когда ребенок родился, он и был нормальным. Месяц я кормила его грудью, и тихо радовалась своему счастью. Но и в этот раз оно оказалось не долгим. Не дожив до двух месяцев, ребенок начал задыхаться. Сначала, лишь изредка. Но, потом, это стало

повторяться чаще и сильнее. Мне стало страшно. В одну из таких ночей разразилась гроза, пошел сильный дождь. Ребенок, надрываясь от кашля и плача, умирал. Старейшины могли лишь продлить его мучения. В ушах до сих пор стоит этот хрип....

Я выбежала из комнаты, чтобы хотя бы немного побыть в тишине, собраться, сжать волю в кулак. И тут появился Ангус. Он забрал ребенка с собой не терпя возражений. Противиться своему королю я не посмела.

А утром, он вернулся один. Король сказал мне, что ребенок умер. И он отдал его тело отцу, чтобы тот мог оплакать его.

— Жестоко, но справедливо. И ты сразу поверила ему? — осторожно спросил Арон.

— Знаешь, иногда люди говорят, что в душе что-то умерло. Так вот, в моей душе что-то умерло. Нет, я не пошла бросаться со скалы. Я оказалась сильнее. Боль переродилась в безразличие. Внешне этого не было заметно, но внутри все стало черным. Я снова нашла Сольвейг, и наши с ней вакханалии продолжились с новыми силами. Теперь, мы обе возвращались довольными, разгоряченными, перемазанными в крови и грязи. Король не был в восторге от этого, но мы улетали подальше. Иногда по нескольку дней проводили в пути.

А потом... случилось то, что случилось. Сначала Сольвейг оставила без крыльев Хаука. Без всякой жалости и причин. А ведь он был рядом с ней с раннего детства. Еще немного и его приняли бы в совет старейшин. Ведь он так мудр и стар... Узнав, как дочь обошлась со своим мудрым учителем, король озверел. Дочь и отец скрестили клинки.

Ее хладнокровие против бешенства отца... исход заранее был очевидным. От смерти короля спасло лишь чудо, и вмешательство королевы. Она закрыла Ангуса телом и крыльями. Позже уже остыв, Ангус изгнал дочь, и обязал всех докладывать о ее появлении. Несколько недель он болел. Раны гноились и плохо затягивались. Свой клинок Сольвейг редко мыла. Король ходил мрачным. Избегал жены и дочерей. Но, потом, все как-то успокоилось. Несколько лет мы жили просто замечательно. Обрывки слухов о кровожадной валькирии, конечно, доходили до белых гор. Но тут она не появлялась. С людьми мы стали жить в относительном мире. Вроде бы все утряслось....

Но вот, в один прекрасный момент, Хаук принес недобрую весть. Король побелел от злости и гнева. Но старик упросил его не вмешиваться, пока Сольвейг не покинет стен твоего дома. Чтобы сдержать обещание, которое дал. С того дня мы не спускали глаз с тебя и твоего дома. И, наконец, Сольвейг совершила ошибку. Ну, а что было дальше, мы с тобой наблюдали уже стоя по разные стороны. Стыдно признавать, но я в восторге от того, как ты бился. От смертного такого мы ну никак не ожидали.

После боя наш король начал нести какой-то бред... Однако, после чудесного исцеления, бред его не отпустил.

— И вы сразу решили меня навестить?

— Да, он настоял. Хотел грехи искупить.

— Не получилось?

— Нет. Во мне еще бурлила злоба. Единственное, чего я хотела, увидев тебя — нагрубить. Я сделала то, что просил король, чтобы он успокоился.

— Моя кровь не похожа на кровь отца?

— Нет, лишь отдаленно. Я давно оплакала свое дитя. Все прошло, я смирилась. Этого точно не должно было быть.

— Но ты здесь... что же изменилось?

— Я перестала спокойно жить. Беспокойство поселилось в душе. Чувство гнетущее,

мучительное, которое сложно подавить. Что-то важное не сходилось. Ты был слишком похож на Олафа. Вкус крови сильно отличался, но, все же, был знакомым. После бессонной ночи я решила сходить к старейшинам. Покаяться и все им изложить.... Меня выслушали. Прониклись вопросом, и указали на одну, очевидную вещь: хотя мужские гены доминируют чаще, ребенок и от матери многое берет.

— Вот оно как.... — Сказанное ею начало обретать смысл.

— Да уж... Внешне ты копия своего отца, но в жилах твоих течет моя кровь. Немного другая, но... все же моя.

— И что, проснулся материнский инстинкт?

— Это было дикостью, но с момента последней встречи, меня стало необъяснимо тянуть к тебе. Сначала, я приняла это за плотское влечение, хоть это не типично для меня.... На самом деле, сердцем, я сразу поняла, кто ты есть. Лишь вдохнув твой запах. Ты вырос, возмужал... но для меня ты пахнешь точно так же, как и тогда. Закутанный в пеленки, и мерно сопящий рядом. Беда в том, что я привыкла жить разумом, но не сердцем. А он все отвергал.

Арон вздохнул, вспомнив дела едва минувшие.

— Прости за губу, — Уна довольно заулыбалась. — Но ты заслужил.

Арон отмахнулся.

— И что, теперь будем ходить друг к другу в гости? — усмехнулся кузнец задумчиво.

— Почему бы нет? Ты ведь не был в белых горах?

— Нет.

— Пойдем со мной? Ангус сказал, что хороший кузнец всегда пригодится.

— Помню. Заманчиво, конечно, но, не сейчас... — в голосе Арона сквозил плохо скрываемый сарказм.

— С семьей познакомишься?

Арон в недоумении поднял на нее глаза.

— У тебя есть родня с моей стороны, — пояснила она.

— Как... — такого поворота он совсем не ожидал — И много?

— Много? — валькирия улыбнулась его простоте — С десяток наберется. Помнишь, мы долго живем.

— Я мог догадаться. Просто... это плохо вяжется в уме.

— Я и семья? — улыбнулась она. — Ну да... Но они не все такие как я. Есть нормальные.

— Они знают?

— Нет, пока рано. Я в себе не разобралась. А они и подавно. Кое-кого из них, ты чудом не убил.

— Это не чудо, знаешь ли... — признался кузнец. — Дело в Сольвейг.

— Вот даже как...? — Уна осеклась, позабыв, о чем говорила секунду назад.

— В это трудно поверить, но... она просила никого не убивать. Только ранить.

На какое-то время их диалог оборвался. Уне нужно было переварить то, что кузнец сказал. Она все никак не могла забыть тот поцелуй. Но теперь все стало понятно.

— Что-то не так? — спросил он.

— Прости, просто я знала ее другой, — Уна натянуто улыбнулась. — Видимо придется заново узнавать.

— Как думаешь, скоро она в себя придет?

— Ну, старейшины говорят, что все хорошо. Иногда открывает глаза. Но она потратила много духовных сил. Поэтому мы решили дожидаться, когда проснется сама. А вот доспехи хорошо бы снять.

— Доспехи? — удивился кузнец. — Они уцелели?

— Да. Шлем, она сама сняла, а вот остальную броню мы не смогли вскрыть.

— И не вскроете! — гордо заявил кузнец. — Пока Сольвейг без сознания, доспех будет ее оберегать.

— Не поняла!?

— Так задумано. Когда придет время, она снимет все сама.

Уна с минуту недоверчиво вглядывалась в его глаза.

— Подстраховался? — наконец, подобрала она нужное слово.

Кузнец не ответил, лишь отвел глаза.

— Она что, и правда так дорога тебе? — вдруг сменила тему Уна.

Но кузнец и здесь промолчал.

— Но тогда я не могу тебя понять. Ты здесь, она — там. В чем смысл?

— Нужно время, чтобы побыть одному. Чтобы все обдумать, и кое-что понять. Сделать правильные выводы.

— Ты про меня?

— И про тебя тоже... Я не привык жить в семье. Рос один. Только отец был мне дорог. Мне... нужно уйти.

— Понимаю... И где тебя потом искать?

— Я пойду к чертовым скалам.

— Но... там гиблое место — удивилась она.

— Да, но не для меня. Поэтому и не советую туда соваться.

— Я поняла... — Уна опустила голову. — не веришь?

— Да. Но не в этом дело. Просто, не все в этом мире зависит от меня и от тебя.

Она, молча, кивнула головой.

— Когда я увижу тебя снова? — осторожно спросила Уна.

— Увидишь. Просто береги себя и все будет хорошо. Когда придет время, я сам вас найду. А пока...

Арон достал из кармана амулет, он же ключ от корабля и передал его в руки валькирии.

— Я помню это! — оживилась она — У Олафа был такой.

— Пусть безделушка пока побудет у тебя.

Немного полюбовавшись небольшим диском, она убрала его в потайной карман.

— Ты... еще побудешь со мной? До скал всего день пути.

— Да, до утра. По чести сказать, я два дня толком не спал.

— Ага... — Уна отвернулась, пытаясь скрыть предательскую ухмылку, но голос ее выдал все равно.

— Ты все видела да? — догадался кузнец.

— Наблюдала, — поправила она.

— И не вмешалась?

— У меня был чисто спортивный интерес... тебе точно ничего не угрожало.

— Кроме позора... — кузнец смущенно потер пальцами глаза.

— Почему же? Ты держался молодцом, — не унималась Уна. — И девочку пристроил, и племени помог... Достойный поступок для мужчины.

Ее манеры в целом, мало отличались от поведения Сольвейг. Однако, она был чуть мудрее, и не стала продолжать эту тему. Какое-то время они еще общались. Вопросы возникали сами собой. В основном, Уна спрашивала про детство кузнеца. Про его жизнь. Так же Арон, хоть и нехотя, но рассказал, что связывает его с племенем, которое совсем недавно он защищал. Когда стемнело, новоявленные мать и сын, разложили нехитрый ужин. Вскоре, Арона сморил сон.

Ему снились белые горы, панцирные волки, громадный корпус корабля, зловеще поблескивающий бортами на солнце. Снились скалы с их ровными проходами, вырезанными в породе. Снилась спящая Сольвейг в доспехах, которые почему-то шевелились на ней, словно окутавший тело выводок слепых змей. Снился отец, обнимавший счастливую Уну за талию. И снился огонь, который окутывал его самого, но не обжигал, а придавал сил.

Когда кузнец почувствовал себя отдохнувшим, он, наконец, открыл глаза. Новый день встречал пасмурным небом и мелкой, еле заметной изморосью. Тело казалось легким, и не один мускул не болел. Это было странно, учитывая, что спать пришлось на каменном полу. Арон сел, стащив с себя одеяло, и огляделся. Все вроде было на местах, где-то внизу фыркал застоявшийся на привязи конь. Под навесом, забывшись в угол и укутавшись в одеяло, сидела валькирия. Взгляд ее был испуганным, крылья слегка распушены над головой.

Приходя в себя окончательно, Арон прокрутил в голове вчерашний разговор.

— Что не так? — осторожно спросил он.

— Ты... светился в темноте — ответила она, не сводя глаз.

— Я тебя напугал?

— Да, — призналась она. — я помню, к чему это приводит.

— Такое бывает иногда. Когда много ран или сильно устал. Это с детства у меня.

— Я боялась, что ты вспыхнешь... как тогда.

— Как тогда... — задумчиво повторил Арон. — Этого не случалось раньше. Но и ран тяжелых я тоже не получал.

Арон взглянул на небо.

— Погодка радует, да? Наверное, сложно в такую летать?

— Иногда. Приходится подниматься над облаками или парить ближе к земле.

— Позавтракаешь со мной?

— Да, с удовольствием, — согласилась она.

Основательно закусив, Арон собрал свои пожитки и помог валькирии собрать свои. Впрочем, Уна сделала все по-военному быстро. Видать не в первый раз.

— Не передумал? — спросила она с надеждой.

— Прости. Я должен идти.

Они стояли друг перед другом, лицом к лицу. Ростом Уна не уступала Сольвейг, как и шириной плеч. Приходилось смотреть на нее снизу вверх. Неловкое молчание затянулось.

— Можно мне...? — голос Уны выдал волнение.

— Что? — не понял кузнец.

Уна нерешительно протянула к нему руки.

— Обнять? — Из уст кузнеца это слово прозвучало не менее нелепо.

Она, кивнула краснея.

Скинув на землю рюкзак, кузнец с опаской шагнул вперед, обнял ее торс и положил голову на грудь. Уна так же осторожно прижала его к себе. Было отчетливо слышно, как ее сердце отбивает дробь. Арон тихо вдохнул. На какую-то секунду уже ее запах показался ему

родным и таким знакомым. Было так странно. Необычно и немного волнительно. Особенно когда ее крылья сомкнулись вокруг него. Казалось, прошло несколько минут. Арон попытался отстраниться, но Уна только сжала его сильнее.

— Пора в путь, — напомнил он.

— Еще пару мгновений... - взмолилась она. — В тебе чувствуется его тепло. Позволь погреться еще немного.

Уна нехотя развела крылья и выпустила его из своих крепких объятий. По ее красивому волевому лицу скатилась одинокая слеза. Но сколько же в ней было боли!

— Такое странное чувство... — поделилась она. — Я словно схожу с ума. Все в тумане...

— Да, — согласился Арон. — Я чувствую то же самое.

— Я провожу тебя?

— Не стоит. Увидимся, как придет срок. Пригляди за Сольвейг, если не трудно.

— Пригляжу, как и раньше. Теперь она дорога мне вдвойне.

Арон коротко кивнул в ответ, подхватил рюкзак и спустился медленно вниз. Мысли его прояснились, обстоятельства встали на свои места. Уна ответила на все его вопросы, кроме одного. Арон гадал, сможет ли он когда-нибудь назвать ее матерью.

Глава 24. Смерть как начало

Расставание было скорым. Застоявшийся конь выщипал всю траву вокруг себя, и уже заждался седока. Стоило кузнецу пристегнуть поклажу и сесть верхом, как он рванул вперед. Отъехав недалеко, Арон обернулся, чтобы махнуть рукой. Крылатая дева помахала в ответ и легко взмыла ввысь. Покружив над головой, она выбрала курс и направилась к белым горам. Проводив ее взглядом, Арон продолжил свой путь.

— *Надень шлем,* — прозвучало в голове.

— Шлем, так шлем... — он послушно нацепил его и застегнул ремешок.

— *Ты не проверил ее. Почему?* — поинтересовался Эсхил.

— Знаешь... не все хочется знать наверняка. Иногда хочется просто поверить.

— *Но ты отдал ей ключ. Зачем?*

— Во-первых, ты сможешь его отследить...

— *Верно. А во-вторых?*

— А во-вторых... рано или поздно она случайно сломает амулет пополам. И судьба все расставит по местам. А пока мне приятно думать, что у меня есть мать.

— *Что ж, в таком случае судьба уже настигла тебя.*

— В каком смысле? — не понял Арон.

— *Твоя биологическая мать сломала ключ пополам в двадцать три часа сорок семь минут. Пока ты спал. Выражаясь ее языком, в тебе действительно течет ее кровь. Ты удовлетворен, Арон?*

— Сложно сказать... — голос Арона дрогнул. — Но, если честно, на сердце как-то легче стало. Спасибо что сказал.

— *Мой долг держать тебя в курсе всего* — напомнил Эсхил.

— Готовь свой медицинский модуль. Пора узнать, что творится с моим телом.

— *Он готов, Арон. Держи курс на западную грядку. Я подготовил проход. Как только ты пройдешь, я его завалю.*

К концу дня кузнец без происшествий добрался до западной гряды. Карта в его шлеме, проецируемая прямо в глаз, привела точно к проходу меж скальных выступов. Узкий темный проем высотой чуть выше лошадиной холки уводил далеко вглубь скалы. Четкая прямоугольная форма, и оплавленные края, говорили о его искусственном происхождении. Камень еще не успел окончательно остыть. Покинув седло, кузнец скинул поводья и шагнул внутрь. Успевший повидать на своем веку конь, склонив голову, двинулся за хозяином, который еще ни разу его не подводил. Об освещении Эсхил не позаботился. Но этого и не требовалось. Картинка со шлема четко отрисовывала очертания и скудный рельеф на пути. Ощущение было необычным, потому как изображение в одном глазу накладывалось на кромешную тьму в другом. Но ориентироваться это позволяло. Возможно, имея привычку, это даже станет удобным.

Примерно через сорок минут в полной тьме, впереди показался светлеющий проем, который и вывел путников в один из внешних концентрических переходов. Пол и стены, насколько хватало взгляда, здесь, тоже подверглись обработке. Это делало прогулку легкой, лишая нужды перешагивать камни и трещины естественных расщелин. Далеко вверху проглядывало темнеющее синевой небо. Где-то позади них с характерным гулом обвалился кусок скалы. От чего пол под ногами дрогнул. Пришлось намотать поводья на руку. Арон

продолжал следовать карте, то и дело, успокаивая коня. Хоть проходы здесь и казались пустынными, в стенах и полу размещались ожившие системы безопасности. Эсхил строго следовал протоколу секретности. Животное, наделенное более тонким чутьем, это заметно нервировало. Наконец, через несколько кольцевых переходов, вдалеке показался знакомый проход. На сей раз ворота открылись полностью, и протискиваться в небольшой люк не пришлось.

Изменения, происшедшие здесь со дня последнего визита Арона, казались глобальными. Громада корабля высоко над головой переливалась сигнальными и осветительными огнями. Диковинные механизмы суетливо двигались по своим делам, проворно огибая прибывших гостей. Под небольшим навесом, недалеко от входа, уже стоял стол, на котором дымился ароматный ужин. Смотрелось все вполне по-домашнему. Верный конь, поддаваясь инстинкту, потащил хозяина в сторону, следуя на запах свежескошенной травы. Кузнец отпустил поводья, и животное, позабыв о непонятной суете вокруг, направилось в подготовленное для него стойло.

— *С прибытием!* — прозвучало в голове.

— И ты здравствуй. Чего-чего, а ужина я не ожидал.

— *Тебе нужно поесть, отдохнуть и умыться. Исследования потребуют от тебя стрессовых реакций. Питание внутри модуля будет происходить через кровь. Так что, нормально поешь ты не скоро.*

— Я мало что понял, но доверюсь тебе. Как долго это продлится?

— *В лучшем случае неделю. Сам понимаешь, явление уникальное. Мне пришлось активировать часть систем корабля. Задействовать больше логических модулей. Перестроить нейросеть частично.*

— Я буду в сознании?

— *Нет. Мне придется перегружать нервную систему. Это опасно для психики. Кроме того, нужно будет задействовать нейронные связи твоего мозга и загрузить в него огромное количество информации.*

— А что, так можно? — удивился Арон.

— *Да... но это болезненный процесс. Мозг и тело должны понимать, что происходит. Иначе не будет нейронного отклика. Ты будешь в состоянии искусственного сна. Это из минусов... Хотя есть и плюсы.*

— Какие же?

— *Ты станешь умнее. Вернее, твоя память глобально расширится.*

— Я с ума не сойду?

— *Теоретически — нет.*

— Ясно. А если просто оставить все как есть? Ведь как-то я до своих лет дожил?

— *Здесь решения принимаешь ты,* — напомнил Эсхил.

— Хотя... — Арон поморщился. — лучше сразу все решить. Как думаешь?

— *Тебе виднее, Арон.*

— Ладно! — Арон уселся за стол. — Дай мне несколько минут...

Набив живот словно в последний раз, Арон встал из-за стола. Он был готов. Только неизвестно к чему. Эсхил молчал. Механизмы, сновавшие туда — сюда, пропали из виду. Его верный конь, наевшись, свежей травы, чутко дремал. Откуда-то сверху беззвучной тенью опустилась грузовая платформа. В глаза ударил свет.

— Что, прямо туда?

— *Прямо туда,* — подтвердил Эсхил.

Арон встал в центр платформы, и она плавно взмыла ввысь. Потом был громадный, набитый всякими подозрительными вещами трюм и длинный освещенный коридор. Какие-то запертые помещения и, наконец герметична дверь, за которой скрывался округлый белоснежный зал.

— *Однажды ты уже был здесь,* — сообщил Эсхил.

— Когда умирал?

— *Верно, младенцем. Отец принес тебя чуть живым.*

— И что ты сделал?

— *Ничего...*

— *Постой...* — Арон нахмурился. — Как ничего? Ты же говорил другое!

— *Я... не смог тебя спасти, Арон. Ты умер.*

Арон остановился как вкопанный. Вспомнив, что говорит с машиной, он иначе выстроил вопрос:

— Прости, Эсхил, я не понял тебя. Что конкретно произошло?

— *Когда отец принес дитя, я поместил его сюда...* — Вторя словам Эсхила из пола белоснежного зала, плавно вырос некий аппарат, отдаленно напоминающий спасательную капсулу. Но крупнее и, как и все здесь — белоснежную.

— Что это?

— *Реактор. Все что нельзя исцелить — это устройство воссоздает заново. Но... тебе он не помог.*

— Почему?

— *Ответа нет. Я не могу объяснить. Сбоя в системе не было. Реактор провел анализ и не найдя изъяна оставил все как есть. Хотя дыхания и не было, но тело младенца не меняло своей температуры, а мозговые волны проявляли хоть и чрезвычайно слабую, но активность. Ты был фактически мертв, а он продолжал поддерживать жизнь. Просто подавал кислород, питательные вещества и поддерживал комфортную температуру. Твой отец много знал и решил оставить все как есть.*

— Что было дальше?

— *Я тоже оставил все как есть. У реактора свой протокол. Это единственная система на борту, которая может мне не подчиняться, если наши данные противоречат друг другу. А вот состояние твоего отца было критическим. Он испытывал сильнейший стресс и мог помутиться умом. Я этого никогда не видел ранее, и, впервые за все свое существование, осознал, что могу остаться один.... Это страшно, Арон.*

Факт твоей смерти нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. И я решил выждать время, чтобы дать моему капитану прийти в себя. Не знаю как, но, я нарушил один из главных протоколов системы и не стал информировать его. Плохая весть могла бы ему сильно навредить. Я не знал, что делать дальше...

Однако, к огромной радости, спустя один час и десять минут, случился необъяснимый парадокс. Реактор зафиксировал значительный выброс теплоты внутри рабочей камеры. Затем, у мертвого тела появилось дыхание и пульс. Ребенок определенно был жив и практически здоров. Не считая высокой для его вида температуры тела и всплеска активности мозговых волн. Но, потом, и эти показатели пришли в норму. Что тогда случилось, я так и не смог понять.

Арон решительно скинул с плеча оружие и снял куртку. Освободившись от ботинок и

остальной одежды, он ступил на прохладный белоснежный пол.

— Значит, узнаешь в этот раз! — решил кузнец. — Я не хочу жить в неведенье.

Белоснежная капсула плавно приняла горизонтальное положение и опустилась на пол. С тихим, еле слышным шипением поднялась громоздкая крышка, приглашая Арона внутрь.

— Эсхил?

— *Да Арон?*

— Если кто-то из крылатых нарушит защитный периметр, пока я тут... не сбивай. Просто не впускай. Это возможно?

— *Да, мой господин. Я активирую силовой барьер вокруг скал, и постараюсь никому не навредить.*

— Хорошо. И пригляди за Сольвейг, если Уны не будет рядом. И... за ней тоже пригляди. Ну так... на всякий случай.

— *Не беспокойся. Я установил стабильную связь с ее защитной оболочкой. Она в надежных руках.*

Арон кивнул. Присев на край капсулы, он закинул ноги и вытянулся во весь рост. Заняв свое место в реакторе, он бегло огляделся и попытался успокоиться. Когда это худо-бедно удалось, он произнес:

— Приступай!

Крышка медицинского реактора, сияя мягким светом, опустилась сверху, окончательно отделяя Арона от окружающей действительности. Внутри капсулы воцарилась абсолютная тишина, свет мягко померк. Приятный сладковатый дымок просочился в легкие. Тревожные мысли как-то сами покинули его, на душе воцарился покой и умиротворение. Арон подумал, что, должно быть, именно так приходит смерть, и вздохнув, сомкнул свои веки. Последние проблески сознания, промелькнув в голове размытой чередой красочных всполохов, покинули его. Сердце Арона остановилось. Воцарилась тьма....

Глава 25. Время пришло

Где-то на другом конце большого леса, среди белых скал, где дома и дворцы искусно вырублены из сияющего на солнце мрамора. Где крылатые люди вращивали свои висячие сады. В просторных палатах, окруженная близкими людьми, под чутким присмотром королевы матери, Сольвейг открыла глаза.

Боль утраты пронзила ее тело словно стрела. Она не поняла, что случилось, где она, и кто эти фигуры вокруг. Но было совершенно ясно — случилось непоправимое. Слезы застилали ее взор. Они катились не переставая. Ком в горле мешал ей дышать. Сольвейг резко села, и попыталась встать на ноги. Но кто-то до боли знакомый, и так приятно пахнувший подхватил ее под руки. Сразу встать не случилось. Что-то тянуло ее назад. Она промокнула глаза ладонями и обернулась.... Ах да, это же ее крылья. Правда, цвет у них почему-то был теперь иной. Не такой, как прежде. И доспехи что надеты на ней, тоже казались странными.

— Что со мной? — прохрипела она еле слышно.

Стоило задать этот вопрос, как образы последних запомненных ею событий, обрушились лавиной на полу очнувшееся сознание.

— Где он!? — хриплым, словно чужим голосом спросила она.

— Кто, кузнец? — тихо спросила мама. Это она держала ее под руки, помогая стоять.

— Арон его имя.... Что с ним?! — Встревожилась Сольвейг. Ее сердце тревожно стучало в груди.

— Он не захотел лететь с нами, — мягко ответила королева.

— Вы... что-то сделали с ним? Где отец!? — захрипела Сольвейг, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Я звал его с собой, — послышался спокойный ровный голос Ангуса. — Уна тому свидетель. Но кузнец... Арон отказался. Сказал, что сам найдет тебя, когда придет время.

— Он... сказал что-то еще? — подавив растущую ярость спросила Сольвейг.

— Ага... — король усмехнулся. — Сказал, что сровняет белые горы с землей, если с тобой что-то случится.

Сольвейг в своем замутненном сознании с трудом осознала услышанное. Выложив слова словно кирпичики в голове, она поняла их смысл. Сразу стало легче.

— Да... так бы он и сказал. — Она пошатнулась и присела на край постели. Силы никак не желали возвращаться к ней. По крайней мере, не так быстро. Крылатая дева какое-то время рассматривала свои руки и тело, закованные в легкую, черную, поблескивающую на свету, броню.

— Мы не смогли снять это, — послышался еще один до боли знакомый голос. Услышав его, Сольвейг ощутила гнетущее чувство вины, и, собравшись с духом, обернулась.

Конечно же, это был Хаук. Ее старый, мудрый учитель. Человек, который был, наверное, роднее, чем кто-либо в этих палатах. Пожалуй, по духу, он был для нее ближе, чем родная мать.

— Хаук... — она забыла, о чем хотела сказать, стоило только увидеть сложенные крылья за спиной старца. Все что она смогла сделать, это указать на них пальцем.

— Ах, это? Все благодаря тебе! — старец расправил могучее оперение, перед Сольвейг.

— Как... такое возможно? — выдавила она из себя, преодолевая хрипоту.

— Ты исполнила свое предназначение. Свершилось! — радостно объявила королева мать, всплеснув руками.

— Но, я ничего такого не помню... — возмутилась крылатая дева.

— Ты потратила уйму сил и проспала несколько суток. Но, то, что случилось... Это было нечто такое... — Королева никак не могла подобрать слов.

— Это было... немыслимо, дочь моя, — вздохнул король. — Просто невообразимо. Даже в мечтах я не смог бы такого представить.

— Да, милая. Это было как в сказке.... Как только забрезжил рассвет, крылья твои озарились и сияние их затмило само солнце. Длилось это не долго, но вместе с тем, казалось, что прошла вечность. Потом ты потеряла сознание. Лишь немного придя в себя, мы обнаружили, что отец твой невредим, раны наши исчезли без следа, а Хаук вновь обрел свои крылья.

— Звучит как бред умалишенного, — усомнилась Сольвейг.

— Я живое тому подтверждение! — отозвался ее старый друг и наставник.

Сольвейг немигающим взглядом уперлась в пустоту. Спустя мгновение она ощутила резкий рвотный позыв, и едва его сдержала. Заботливая мать щелкнула пальцами, и проворные служанки тут же проводили Сольвейг в умывальню. Там ее как следует вывернуло наизнанку.

Королева взглянула на лекаря, скромно сидящего в сторонке, но тот лишь развел руками. Дескать, чего вы хотели в ее положении. Радуйтесь, что жива.

Вскоре, Сольвейг вернулась. Лицо ее было бледным, взгляд хмурым.

— Так... что же со мной?

— Вам бы поесть горячего, и погулять на свежем воздухе, — посоветовал лекарь.

— Я задала вопрос! — она повысила голос забывшись. Стены содрогнулись от мощного эха, с окон посыпались осколки стекла. Она тут же поняла, что наделала своим могучим гласом. Но было уже поздно. Королевский лекарь, встряхнув свое одеяние, встал. Избавившись от мелких осколков, осыпавших его, он удрученно оглядел потрескавшиеся очки. Затем, вздохнув, критично осмотрел Сольвейг с ног до головы.

— М да... это еще цветочки. Боюсь представить, что будет дальше, зная ваш буйный нрав.

— Простите, я не хотела. — Сольвейг потупила взор.

— Вы сказали... «простите»?! — удивился лекарь.

Сольвейг склонилась к старцу и уткнулась лицом в его плечо.

— Вот так чудо из чудес.... - пробурчал он, не зная, что с этим делать.

Она промолчала в ответ. Лекарь вздохнул, убрал испорченные очки в карман, и устало улыбнувшись, взял ее за плечи.

— Вы беременны, моя дорогая. Поздновато, конечно, но это случилось. Поздравляю!

Лицо Сольвейг вдруг налилось краской. Помнится, в свое время этот убеленный сединами старец, тоже хлебнул горя по ее милости.

— Простите меня, если сможете, — прошептала она, чтобы было слышно только ему.

Лекарь, конечно, понял, что она имела в виду. Положа руку ей на грудь, он так же тихо ответил:

— Это уже не важно. Я все забыл, забудьте и вы. Волноваться теперь вредно. Кушайте хорошо, спите, соблюдайте покой. Даст Бог, все будет хорошо.

Сказав это, доктор поклонился присутствующим и удалился из покоев. Ему срочно

нужно было отдохнуть. Слишком много времени он провел возле ее постели.

Несколько дней спустя, Сольвейг окончательно пришла в себя. Силы к ней вернулись, а вот к постоянным переменам настроения и всяческим проявлениям своего организма, она привыкнуть никак не могла. Хотя странное ощущение новой жизни, что таится внутри нее, было даже приятным. Ничего подобного она ранее не испытывала. Это казалось одновременно странным и удивительным.

Матовую черную броню, (а в том, что это была броня, сомнений не было), она снимать не торопилась. Арон сказал, что снять его может только она сама, когда придет время. Это было очень комфортное, легкое одеяние, и пользоваться им было совсем не сложно. Оно не стесняло, не мешало справлять естественные потребности. Да и тело в нем удивительным образом оставалось чистым. И, конечно, эта вещь придавала ей сил, потому что это подарок от него. Первого и единственного в ее жизни мужчины.

Кузнец крепко-накрепко засел в ее некогда остывшем сердце. При мысли о нем, в душе зияла пустота. Будто нет его больше в этом мире. Но, он обещал найти ее. И она верила в это обещание. А время шло. Дни, недели, месяцы... а он все не приходил. Тоска по любимому человеку, как и сама любовь, были так непривычны и новы для Сольвейг. К боли телесной она была готова, а вот к душевным ранам — уввы. Это изводило и без того ослабшую деву. Конечно, королева мать и резко подобревший король отец, делали все возможное, чтобы успокоить дочь. Отвлечь от грустных мыслей. Обнадежить по возможности. Но предчувствия становились все тревожнее, все темнее.

Так прошло несколько месяцев. Жизнь, которую Сольвейг взрастила в себе, наконец, попросилась наружу. Случилось это внезапно, и совсем не вовремя. В одно прекрасное солнечное утро, она стояла перед большим зеркалом в длинной галерее, и поглаживала округлый живот. Странный доспех был достаточно эластичен для этого. Но, что-то пошло не так. Показалось что стеклянная гладь зеркала, вдруг, покрылось множеством мелких трещин. Сольвейг вздрогнула, по телу пробежала прохлада. Один за другим, части ее доспеха, словно скорлупа стали отделяться от тела. Они глухо падали на мраморный пол галереи, обнажая ее тело. В конце концов, она осталась стоять босиком на холодном полу, среди кусков странного материала, напоминавших то ли сброшенную кожу, то ли странные опавшие листья.

— Вот и время пришло, — прошептала она еле слышно. — А тебя все нет и нет....

Глава 26. Пробуждение

Неизвестно сколько времени прошло, с того момента как Арон погрузился во тьму. Казалось, прошла вечность прежде, чем он ощутил какое-то присутствие. Что-то такое родное, отзывавшееся в душе теплом и светом.

— Кто здесь? — подумал Арон.

— Твое прошлое, — эти два слова, словно ножом резанули по сердцу.

— Отец! Где ты? — Взволновался кузнец.

— Теперь, я везде... кажется.

— Позволь увидеть тебя! — взмолился он.

— Изволь...

Образ отца плавно возник перед глазами. Он был светел и умиротворен.

— Чем ты занят сын, и почему ты здесь? — спросил он первым.

— Я... не знаю, — вдруг осознал Арон. Он четко помнил, кто он есть, но не более того.

Попытки вспомнить что-то еще ни к чему не приводили.

— Тебе рано тут быть, — заявил отец. — У тебя еще много дел и они не початы.

Арон вдруг вспомнил вопрос, который, наверное, долго мучил его раньше. И понял, что задать его нужно именно сейчас, иначе такого шанса больше не выпадет.

— Кто я отец? Кто мы такие и откуда?

— Мы люди, — лаконично ответил он. — Только зародились мы не здесь. Мы — это все, что осталось от другого народа. Последние представители вида. Я был чистокровным, а ты уже полукровка. Но это уже не имеет значения, ибо ты — это все что осталось

— Как тебя понимать?

— Я не хотел, чтобы ты знал об этом. Этот груз не для тебя сын. Я желал, чтобы ты начал свою жизнь с чистого листа. Чтобы у тебя была своя, не похожая на мою жизнь. И свое счастливое будущее.

— Скажи... зачем ты дал себя убить, отец?

— Прости, я хотел позже все тебе объяснить, чтобы ты успел пожить спокойной жизнью, но, в планы вмещались обстоятельства... Я прожил гораздо дольше, чем ты можешь представить, и смертельно устал. Кроме того, я дал тебе все, что было нужно, и готовился уйти в тень. О смерти я подумывал часто, и в конце концов потерял бдительность. Те молодые, горячие люди... помогли мне не в то время. Это было так внезапно, что я не почувствовал боли. Да, я боролся до конца, чтобы ты мог мной гордиться, но для себя уже все решил. А потом, наступило долгожданное облегчение.

— Я всегда тобой гордился... Это не справедливо, отец! За что ты так со мной!?

— Я знаю.... Прости, это эгоистично с моей стороны. Здесь, в тишине и покое, я понял это. Но уже ничего не смог изменить. Я виноват, гордыня подвела меня, сын. Кроме того, я не думал, что ты будешь за меня мстить. Своим эгоизмом, я сам свел свои же труды на нет. Ты обагрив руки кровью... прости и за это, сын. И за то, что дважды пришлось сжечь наш дом. Я кругом виноват, от этого не уйти. Но ты должен жить. Ведь ты последний. И от тебя зависит, возродиться ли дух твоего народа или останется бестелесным навечно.

— О чем ты говоришь? — не понял Арон.

— Ты, сын мой, вместилище духа прежде великого народа. Как и я в прошлом. Запомни: ничто в этой вселенной не уходит безвозвратно и не исчезает в небытие. Когда ты родился,

часть нашего духа перешла к тебе. Когда умер я, тебе отошло все остальное. Тот свет, который лечит твои раны, и та сила, которая позволяет тебе исцелять других, дарована именно этим духом. Часть его переходит к тому, кого ты им наделил. Это духовная сила, которая не имеет ни оков, ни границ. Она поистине неисчерпаема. Это сама жизнь, которая стремится дать свои ростки в любом проявлении. Даже здесь, сейчас. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ты говоришь загадками, отец, разве я могу кого-то лечить?

— Все просто, — улыбнулся отец. — Помог кому-то — наделил духом. Дал жизнь — поделился силой. Как и я в свое время. От отца к сыну, от сына к его детям, и так далее. Я отдал тебе половину себя, ты отдашь половину своим детям, они поделятся со своими детьми. Каждый из них взрастит эту силу и преумножит в себе. И так до тех пор, пока твой народ не возродится и дух его не воспрянет в каждом. Когда нас станет много, и дух окрепнет в телах, уже не будет нужды передавать его от отца к сыну. Он сам будет наполнять собою потомков. И как бы тот народ не звался, где бы он ни жил — это не важно. Главное, что он обретет новое бытие, и шанс на праведную жизнь.

— То есть... другими словами, ты хочешь сказать, что я могу дарить жизнь?

— Не только. Ты почувствуешь, это не сложно. Ты ощутишь силы со временем, понимание само придет к тебе. Может быть постепенно, а может и внезапно. Как взрыв... — Отец, замолчал.

— У меня есть еще вопросы...

— Довольно. Тебе уже пора сын.

— Но отец, я должен знать!

— Мне некуда спешить, я уже обрел покой, а вот тебе следует поторопиться. Ты найдешь ответы в свое время. Эсхил тебе поможет. Когда ты вернешься к жизни, скажи ему фразу: «От отца к сыну». Посмотришь, что будет.

Отец протянул свои теплые ладони, и на прощанье, грустно глядя в глаза, пожал сыну руку.... Арон стал задыхаться. Рука, за которую только что держал его отец, отозвалась болью. Запястье жгло огнем, так сильно, что он закричал от боли. Образ отца исчез. В глаза ударил свет, тишину прорезали звуки. Вокруг все закрутилось, забурлило. Он был погружен в какую-то мутную жидкость — это она не давала ему дышать. Арон принялся бить руками, в надежде выплыть, но руки упирались в невидимую преграду.

— Эсхил! — в отчаянии выкрикнул он. — Вытащи меня отсюда!

— *Спокойно*, — отозвался ровный голос в голове. — *Скоро все кончится.*

Арон взял себя в руки. Ему ответили, значит он в сознании, и это не кошмарный сон. Прислушавшись к чувствам, он осознал, что мутная жидкость вокруг него не дает дышать, но удушья он почему-то не испытывает. Прикрыв глаза, он отдался на волю судьбе и перестал брыкаться. Пульс успокоился, мысли пришли в норму. Вдохнув жидкость словно воздух, кузнец с удивлением обнаружил, что это не вода. Спазмы в глотке постепенно прекратились, и он был все еще жив. Прошло несколько мучительно долгих минут и, вздрогнув, странная жижа начала убывать. Вскоре, ноги его уперлись в холодное дно, и он смог стоять более или менее ровно.

Стеклянная крышка отошла в сторону, и в капсулу реактора хлынул прохладный воздух. Арон закашлялся. Его несколько раз вывернуло наизнанку. Мутная жидкость, казалось, наполнила собой все его полости, и желудок в том числе. Наконец, прокашлявшись, он смог сносно дышать и произносить слова. Голова болела, язык плохо слушался. Руки и ноги

дрожали от недостатка сил.

— *С возвращением на этот свет, Арон!* — торжественно объявил Эсхил.

— В смысле!? Что за шутки... и почему так холодно?

— *Я серьезен, Арон. Ты был мертв восемь месяцев, два дня, семь часов, двенадцать минут. Что бы я ни делал, твое сердце отказывалось биться. Твое тело отчаянно не желало приходить в сознание. Все как тогда.*

— И что ты сделал? Почему я ожил?

— *Я... не понимаю. Все повторилось, Арон. Как много лет назад. Неяркий свет... твой крик... потом сердце снова забилося.*

— Ясно... Арон снова ощутил сильное жжение на запястье.

Браслет! Он вспомнил про браслет, что когда-то надел на руку Сольвейг, чтобы знать все ли с ней в порядке. Он почему-то считал, что его собственный сгорел во время битвы, но оказалось, что это не так. Чертова безделушка похоже была рассчитана на такие обстоятельства. Незаметный взгляду, браслет сиял красным цветом, подавая сигнал опасности, и причинял жгучую боль.

— Что нового ты узнал за это время, Эсхил?

— *Боюсь, что ничего... Арон. Мне жаль.*

— Я видел отца, пока был там, представляешь?

— *Где, там, Арон? Ты не покидал капсулы, я точно знаю.*

— На том свете, Эсхил. За гранью жизни и смерти.

— *Занятно. Но у меня нет об этом данных. Нужно сделать томографию твоего мозга.*

Это могут быть последствия длительного пребывания....

— Черта с два! — прервал его Арон. — Я видел его и говорил с ним, как сейчас с тобой.

— *Тебе нужно восстановиться.*

— Как же он сказал... — Арон судорожно напряг память. Все что он видел и слышал, словно во сне, плавно ускользало из его восприятия.

— Эсхил, тебе о чем-нибудь говорит фраза «от отца к сыну»?

Эсхил ничего не ответил. В следующее мгновение погас свет и пропали все звуки. Арон вновь остался в полной темноте и звенящей тишине. От чего-то вспомнился подвал его дома... Так прошло несколько секунд. Потом что-то где-то зашумело, заклокотало, свет снова заполнил комнату, и по полу потянуло легким сквознячком.

— Эсхил, ты здесь?

— *Да, Арон.*

— Что это было?

— *Это... скрытая команда. Система была перезагружена принудительно. Прости, я ничего не мог поделать. Это унижительно! Твой отец заложил ее без моего ведома. Странно, но объем моей памяти значительно увеличился. Я... похоже, теперь готов ответить на многие вопросы. Вот ведь...*

— Не сейчас. Что с моим браслетом? Где сейчас Сольвейг? Где моя мать?

— *Они в белых горах,* — невозмутимо проинформировал голос в голове — *Но тебе нельзя туда сейчас. Твое состояние не стабильно.*

— Плевать! Что с ней? Ей больно!

— *Она избавилась от защитной оболочки, Арон. Я вижу только ее тепловой след и общее местоположение.*

— Когда это случилось?

— *Функции оболочки прекратились вчера вечером. Она выполнила свою задачу.*

— Так... как долго говоришь меня не было? Пять месяцев, или шесть?

— *Почти девять, Арон.*

— Ясно. Мне нужно туда во что бы то ни стало. Сейчас же!

Корабль молчал. Видимо ему потребовалось время, чтобы принять решение.

— Эсхил, ты услышал? Мне нужно туда!

— *Да, Арон. В таком случае... тебе лучше поторопиться. Но, в этот раз, я пойду с тобой.*

— В смысле.... Как это?

Вместо ответа, герметичные двери медицинского отсека отворились, и внутрь бодро шагнули две высокие фигуры. Внешне они напоминали людей, были хорошо экипированы и вооружены. Но это были не люди, и не механизмы. Нечто среднее, насколько Арон мог понять.

— Вот как... — кузнец опешил. — Значит, у тебя есть и такие игрушки?

— *Конечно,* — ответил один из субъектов, — *Иначе как бы я вел разведку на местности.*

— И много таких?

— *Достаточно,* — лаконично ответил Эсхил голосом второго субъекта, — *Раньше я использовал другие средства, но этих солдат я вырастил из тканей тех самых волков. Помнишь? Удивительные были создания.*

— Не то слово.... Расскажешь позже. Дай мне одежду и показывай дорогу....

Глава 27. Возьми мою душу

Светлое безмятежное небо над белыми горами, внезапно разразилось громом. Дикий, ужасающий рев заглушил все привычные звуки. В небе над королевским дворцом возникли три внушительных силуэта. Изрыгая голубое пламя, они быстро спускались вниз. Прежде чем охрана успела что-то сделать, они провалились сквозь потресканный стеклянный купол огромного крытого сада. Сияющий на солнце своими гранями, орбитальный истребитель опустился на уровень второго этажа и, пробив носом балюстраду, завис на месте. Откинув фонарь, высокая плечистая фигура, пробежала по носу корабля и спрыгнула на пол. Под ногами скрипели осколки стекла и камня. По залам дворца эхом разлетелся душераздирающий вой, переходящий в стенания.

Следом за истребителем, к колоннаде второго этажа причалили два малых десантных судна. Мгновение, и два десятка хорошо вооруженных воплощений Эсхила, стояли у Арона за спиной.

— Куда? — решительно спросил Арон.

— *Иди на звук, не ошибешься* — ответил ближайший к нему солдат.

Скрипнув осколками у себя под ногами, Арон, облаченный в летный комбинезон и, нелепый длинный плащ, уверенно двинулся вперед. Он замер лишь на секунду, когда проходил мимо зеркала. Заросший седыми прядями и бородой, с бледной, практически голубой кожей и красными белками глаз, он представлял ужасающее зрелище. Но не это беспокоило его сейчас.

Прошагав добрую сотню метров по длинной галерее, он свернул налево. Именно оттуда доносился женский плач. Стоило ему ступить на порог округлого зала, как слева и справа из дверей повалила стража. Арон отметил для себя, что крылья есть не у всех. В толпе он заметил так же и знакомые лица. Судя по приказам убрать оружие — его сразу узнали. Видимо никто не хотел кровопролития. Впрочем, его маленькая армия легко справится с этими бедолагами....

Он решительно шагнул вперед, и возбужденный люд не осмелился встать у него на пути. Только лишь через несколько десятков метров дорогу ему преградил сам король. Ангус был серьезен и настроен решительно. Хоть выглядел он разбитым, мужество было при нем. Однако, он тоже признал Арона и лицо его переменилось. Король убрал меч в ножны, и почти по-отечески, осторожно обнял Арона за плечи. На глазах его заблестели слезы.

— Я рад что ты, наконец здесь, но... лучше бы тебе туда не ходить. — выдавил он из себя.

Почти сразу, следом за королем, в коридор выбежала заплаканная королева. Взгляд ее был обреченным, волосы в полном беспорядке. Она подошла ближе и отвела короля в сторонку.

— Пускай идет! — настойчиво прошептала она. — Теперь ничего не изменишь.

Ангус обреченно кивнул головой и осел на скамью у разбитого окна.

— Пусть эти останутся здесь! — кивнула она на странных воинов.

Арон не стал спорить. Возразить убитой горем королеве, он не осмелился. Королева Гуда, мягко взяла его за руку и повела за собой. Картина, представшая перед его глазами, содрогнула бы сердце бывалого воина.... В просторных палатах царил хаос. Разбитые окна, окровавленные полотенца и бинты на полу. Несколько незнакомых ему человек, в их числе

Хаук, морщась от хрипов и душераздирающих воплей, стояли то тут, то там. Трое старцев, похожих на лекарей, о чем-то сосредоточенно совещались в дальнем углу. Ближе к окну, на большой квадратной кровати, извиваясь вопила Сольвейг... Его Сольвейг! Она была связана по рукам и ногам простынями и ремнями. Все что она могла, это кричать и перекатываться по постели. Простыни и накидка ее были пропитаны пятнами подсохшей бурой крови. Арон бросил негодующий взгляд на королеву, но та поспешила успокоить его:

— Это для ее же блага. Иначе она покончит с собой. Она уже почти сутки в истерике, никого не узнает и не хочет ничего слышать.

Арон не сразу, но отыскал глазами Уну. Бледная, выглядывала из боковой комнаты, опершись плечом о проем, и безучастно наблюдала за происходящим. Он вспомнил ее слова. Все, что она говорила при их последней встрече. Кузнец подошел к постели и встал на колени. Смотреть в лицо Сольвейг было невыносимо. Как невыносима была и мысль о том, что он запомнит этот взгляд на всю оставшуюся жизнь. Погладив возлюбленную по голове, он поцеловал ее в лоб.

— Все будет хорошо, — прошептал он так спокойно и умиротворенно, как только мог в этот миг.

Узнав знакомый голос, она замерла. В просторных покоях, вдруг, воцарилась тишина, ударившая по ушам отзвуками эха. Сольвейг смотрела на него диким непонимающим взглядом, полным недоверия, обиды и отчаяния.

— Где ты так долго был?! — всхлипывая, прохрипела она.

— Я... ненадолго умер, — улыбнулся он спокойно и безмятежно.

— Как так? — всхлипнула Сольвейг.

— Представляешь? Оказывается так бывает.

Арон нежно погладил ее по голове, одновременно осматривая просторное помещение.

— Отдохни. Не нужно больше горевать. Сейчас я все исправлю.

Голос его был так спокоен и уверен, что Сольвейг как-то сразу обмякла. Сказалась усталость и нервное истощение. Глядя в глаза любимой, Арон подложил под ее голову попавшуюся под руку подушку. Сделав это, он встал и, повернувшись к королеве спросил:

— Где ребенок?

— Он... умер! — Губы королевы задрожали, а лицо исказилось гримасой отчаяния и печали.

Он мягко взял ее холодную руку, и повторил вопрос:

— Где ребенок...?

Присутствующие с недоумением следили за этой сценой. В ответ на вопрос, королева Гуда, указала рукой в сторону небольшого зала, туда, где стояла Уна. Уна же, единственная из всех, кто там был, кажется, начинала понимать, что происходит. Проходя мимо, кузнец встретился с ней взглядом. Войдя в комнатку, Арон увидел изящный пеленальный столик, на котором лежало нечто продолговатое, накрытое простыней. Он подошел ближе и убрал ткань. Младенец лежал на спине, омытый, с аккуратно перевязанной пуповиной, но не подавал признаков жизни.

— Уже слишком поздно, — констатировал один из лекарей, зашедший следом.

— Почему? — беспристрастно спросил Арон.

— Прошло уже больше двух часов. Простите, но... все что могли, мы сделали. Тщетно...

— Если все так, доктор, то почему же он до сих пор розовый и теплый?

Доктор осекся на полуслове. Действительно, маленький трупик должен был к этому

времени уже окончены, а кожа имеет синеватый оттенок. Но этого не случилось! И, если не знать наверняка, можно было бы сказать, что младенец просто спит.

— Подержи те ка это...

Арон скинул с себя странный плащ, перчатки и куртку летного комбинезона. Всучив все это лекарю, он закатал рукава. Уна, стоявшая чуть поодаль, и с волнением наблюдавшая за происходящим, без слов подхватила, стоявший в тазу графин. Она зачерпнула теплой воды и полила ему на руки. Омывшись, Арон протер руки насухо и вернулся к столику. Бережно, сначала продев руку под головку, а потом и под спинку, он приподнял малыша.

— Боюсь, он тронулся умом... — постановил лекарь уныло.

Уна, в ответ лишь качнула головой, предлагая посмотреть, что будет дальше. Она уже все поняла, и жаждала увидеть «ЭТО» собственными глазами.

Арон с младенцем подошел к окну. Солнце клонилось к закату. Веяло теплым ветерком. Он поднял сына перед собой. Глядя на своего первенца, кузнец торжественно произнес единственное, что пришло в голову:

— От отца к сыну... От сына к внукам... От внуков — правнукам.

Он прикрыл глаза... представил, как когда-то отец вот так же держал его в своих сильных и добрых руках, отдавая часть своей бессмертной души, чтобы жизнь вновь наполнила его тело. И почувствовал он, как искрящаяся теплота переполняет его сердце и струясь по незримым протокам, под самой его кожей, стекает с кончиков пальцев, озаряя тело младенца мягким, мерцающим светом.

— Может быть это прозвучит странно, но я бы хотел, чтобы моего сына тоже звали Арон, — сказал кузнец. — Чтобы, когда меня не станет, он продолжил мой путь и напоминал обо мне. Я могу на это рассчитывать?

— Да... — ответила королева в замешательстве.

Кузнец повернулся к ничего не понимающей Гуде, и, осторожно высвободив свои руки, передал королеве свое дитя. Она приняла его, так же бережно, искренне не понимая, к чему все это... Посасывая тонкий пальчик, вполне себе живой и розовый, младенец полным восторга взором смотрел в ее лицо.

Получив ожившего внука на руки, не веря своему счастью, королева мать поспешила к дочери. Отдав ребенка, Арон пошатнулся. В глазах потемнело. Он сделал шаг назад, и чуть не упал. Но Уна вовремя подставила ему руку.

— Может, присядешь? — она указала на кушетку у стены.

— Да, пожалуй... — согласился он и оперся о стену.

— У вас... кровь идет носом, — заметил отошедший от первого шока лекарь.

Арон провел трясущейся рукой по губам, и взглянул на окровавленные пальцы.

— Наверное, это нормально. Видите ли, два часа назад я был еще мертв.

— Теперь, я поверю во что угодно, — лекарь шумно сглотнул. — И... как оно там, сударь?

— Там? — Арон пожал плечами. — Там все иначе.

— Я схожу за своим чемоданом, там есть все, чтобы остановить кровь. Вы не против?

— Да, конечно, сделайте милость...

Арон сполз по стене и рухнул на кушетку. Уна присела рядом и уложила его голову себе на колени.

— Ты очень, очень плохо выглядишь! Я на силу тебя узнала. Знаешь, меня это беспокоит, — призналась она, теребя его длинные, спутанные волосы.

— Мне нужно придти в себя. Это займет какое-то время, — успокоил ее Арон. — Подумать только... у меня есть мама. А теперь еще сын. И еще куча людей, чьи лица мне знакомы... Может быть это действительно неплохо?

— Знаешь, во всем есть свои плюсы и минусы. Но в любом случае это гораздо лучше, чем быть одному.

Улучив момент, одно из воплощений Эсхила, просочилось в комнату, пока все радовались чудесному воскрешению ребенка. Уна вздрогнула, увидев перед собой это нечто, но Арон успокоил ее жестом. Солдат достал из подсумка какое-то устройство, извлек оттуда белый диск с тончайшей иглой и легким движением прилепил Арону на плечо.

— Что это? — предмет насторожил Уну.

— Это стимулятор, — ответил солдат голосом Эсхила. — Поверьте, ему это нужно.

— Откуда кровь? — спросил Арон.

— Следствие перегрузки. Я напичкал твой мозг знаниями, как и обещал. Это скоро пройдет. Пару недель, может месяц. Кроме того, ты давно не ел... Не знаю, можно ли считать смерть сном... но в любом случае, аппликатор придаст тебе сил на пару суток. Но не более.

Уна с недоверием оглядела предмет на плече сына. Солдат же отстранился, и пристально уставился своими линзами в ее лицо. Уна почувствовала себя не уютно.

— Он все о тебе знает, но, впервые видит тебя так близко, — догадался Арон.

Солдат кивнул и занял место у входа, выполняя заложенную в него функцию.

— Я потом тебе все расскажу, — пообещал Арон. — А пока эти парни побудут рядом. Если со мной что-то случится — они помогут.

— Хорошо... Я рада, что есть, кому о тебе позаботиться, но они пугают даже меня, — призналась Уна.

— Я сам их побаиваюсь, — улыбнулся Арон. — Они лишь следят, чтобы мне ничего не угрожало. Но, лучше не делать резких движений.

Глава 28. Дворцовая жизнь

Самое страшное, похоже, было позади. Арон успокоился. Может быть, навалилась усталость. Может быть, начал действовать аппликатор на его плече. А может быть, нежные материнские пальцы в его волосах, сделали свое дело. Арон не понял, как задремал, а потом и провалился в тревожный сон.

Спустя несколько минут вернулся лекарь со своим чемоданчиком. Осторожно, чтобы не разбудить, он обработал лицо спящего Арона под пристальным взглядом стоящего рядом солдата. Убедившись, что крови на лице больше нет, он так же тихо откланялся. Следом вошел Король Ангус. Он очень хотел, что-то сказать, и был крайне возбужден. Но Уна остановила его взглядом. Король был недоволен, но отнесся с пониманием и отступил. Вскоре вернулась и королева. Ее лицо заметно посветлело, но след от недавних слез еще остался на щеках. Мельком взглянув на Арона, она жестом позвала странного солдата за собой. Солдат сделал шаг навстречу, но застыл на пороге, не теряя своего подопечного из виду.

— Простите, — смутилась королева. — Я не знаю, кто вы... и как к вам обращаться.

— Солдат, ваше величество, — после небольшой паузы ответил тот.

— О... — она была растеряна, — А ваши друзья?

— Просто солдат, ваше величество. Обращаясь к одному, вы обращаетесь ко всем. Мы едины.

— Вот как... В таком случае, не могли бы вы перенести вашего... друга? Я приготовила покои, где он сможет отдохнуть. Здесь слишком много суеты.

— Да, конечно, — ответил солдат. — Что-то еще, ваше величество?

— Простите за прямоту... Но вы держите в тревожном напряжении всю нашу стражу. И, эти... ревущие шкуры, на которых вы прилетели, все еще висят там, разнося по всему дворцу жуткий гул.

— Я понял, — солдат кивнул головой. — если вы покажете подходящую площадку, транспорт переместится туда. Мы же останемся рядом с нашим командиром, чтобы не происходило.

— Чудесно... я дам указание страже, — улыбнулась королева нервно.

— Один вопрос... — солдат уставился на нее немигающим взглядом своих линз.

— Да?

— Будет ли мне позволено осмотреть город, пока мой командир отдыхает?

Гуту этот вопрос ошарашил, он был явно не ко времени, и она с надеждой обратилась к королю. Ангус неуверенно пожал плечами, и задал встречный вопрос:

— С какой целью?

— Я ни разу не видел его вблизи. Мне... очень интересно.

— Хм... — Ангус задумался. — Думаю, чуть позже, если вы оставите свое оружие, мы можем это устроить.

— Простите, ваше величество, но, я весь — оружие. — Солдат развел руками, показывая свое странное тело.

— Достаточно будет оставить то, что у вас в руках. Я сам провожу вас. По чести сказать, мне совсем не мешает прогулка на свежем воздухе. И, у меня есть ряд вопросов.

— Я постараюсь на них ответить, ваше величество. В разумных рамках, — ответил

солдат.

— Конечно. В таком случае извольте... — он пригласил гостя к выходу, но в это время в зал вошло еще несколько солдат. Очень осторожно, если не сказать, бережно, они подняли спящего Арона на руки, и последовали за королевой в соседние покои. Король задумчиво ступал за ними. Солдаты были абсолютно одинаковы и отличить того, с которым он только что говорил, не представлялось возможным. В галерее, король Ангус наткнулся еще на десяток солдат, стоявших по стойке смирно. Напротив, расположилась королевская стража. Завидев короля, они тут же выстроились в шеренгу. Один из странных солдат отдал свое оружие рядом стоявшему собрату, и сделал шаг из строя.

— Я готов, ваше величество.

— К чему? — Ангуса несколько покорило.

— Ответить на ваши вопросы и осмотреть город, — невозмутимым тоном отрапортовал тот.

— А, ну да. Вы вроде как... едины?

— Каждый из нас — это я. Не беспокойтесь.

— Занятно.... Ну что ж, прошу за мной.

Король ушел. Королева, оставив солдат под присмотром своей верной Уны, созвала служанок. Беда чудесным образом миновала маленькое королевство, и теперь ей не терпелось навести порядок. Раздав необходимые указания, она распустила по домам всех, кто провел с ней эту бессонную ночь. Только лекари, кратко посоветовавшись, решили остаться, и сменять друг друга через несколько часов. Она не возражала. Сольвейг уже освободили от ремней. Ребенка положили рядом, в люльку, чтобы она была спокойна и смогла отдохнуть. После столь сильных переживаний, молодой матери был показан покой.

Хаук, тихонько приоткрыв дверь, протиснулся в соседние покои и присел рядом с Уной. Они молчаливо обменялись взглядами. Старец тоже устал, но на душе его все еще было тревожно. Он чувствовал, что его место здесь. Кроме того, не хотелось оставлять женщину одну наедине с этими болванчиками, как он прозвал их про себя. Но солдаты рассредоточились по просторным покоем и как будто растворились в тишине. Только один из них невозмутимо торчал у изголовья постели.

— Я рад, что ты вновь обрела сына, — тихонько признался он.

— И я, кажется рада. Но все так перемешалось.... Смотри, у него уже борода седая. А я помню младенца.

— Ничего. Дай себе время. Поспи немного, а я побуду с тобой.

Уна устало улыбнулась в ответ.

— Спасибо тебе мудрый Хаук. Я лишь сомкну глаза ненадолго....

На следующие сутки во всем дворце воцарилась тишина. Только тихий звон стекла, и шепот служанок изредка нарушал ее. Да негромкие переговоры трех лекарей в коридоре. Когда Арон проснулся, первое что его удивило, это солнечный свет, заливавший собой белоснежные покои, в которых он находился. Рядом никого не было. Только солдат Эшила, у изголовья не сводил с него стеклянных глаз. Он лежал в том виде, в котором его перетащили. Расстегнутый комбинезон, спутанные белые волосы. Привкус крови во рту, плюс ко всему. Тем не менее, он чувствовал себя отдохнувшим. Но... тело болело. Наверное он никогда к этому не привыкнет.

Рядом, на покрывале лежала заботливо приготовленная одежда и полотенца, пахнущие чистотой. А еще, какими-то травами.

— Сейчас утро или вечер? — спросил он зевая.

— Утро. Ближе к полудню, — отозвался солдат.

— Все в порядке?

— Да, ничего нового. На удивление спокойно. Сейчас мы осматриваем город с королем.

Здесь удивительно красиво.

— Ты решил пообщаться? — улыбнулся Арон.

— *Обычно у меня не бывает такой возможности.* — Арон снова услышал голос в своей голове — *Жаль, что я раньше не делал этого. Чувствую себя живым. Король крайне любознателен. Задает много вопросов.*

— А как иначе. Так и должно быть.

— А еще я общался с детьми. Их тут крайне мало, но наш транспорт вызывает живой интерес у жителей. Это... крайне занятно, Арон. Можно мне и впредь общаться с другими людьми? Когда я закончу изучать город.

— Если тебе это интересно, я не возражаю. Только не надо рассказывать им все.

— Конечно. Я выдаю строго дозированную информацию. Хотя, искусство общения не такая простая наука.

— Это точно, — вздохнул Арон.

— Кстати о детях... — Эсхил сделал длинную паузу.

— А что дети? — Арон не понял, к чему тот клонит.

— Буквально через несколько недель, по моим сведениям, возникнет две дилеммы: нужно будет что-то решать с деревней, жители которой, с твоей легкой руки переселились в горы. И, еще как-то объяснять это своей женщине.

— Что объяснять? — не понял он.

— Не знаю как ты к этому отнесешься... но женщины, которых ты оплодотворил скоро обзаведутся потомством.

— Все? — с надеждой спросил кузнец.

— Все, Арон. Удивительно, но тут ты справился на все 100 %.

— Черт! — Арона словно пронзило копьем осознание того, что может случиться. Женщины, которые устроили ему ритуал плодородия, вскоре начнут, так сказать, плодородить. Причем в прямом смысле. От слова «плод» и «родить». И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что дети родятся мертвыми. Вернее, так они подумают. Начнут их оплакивать, в землю закапывать. Или сжигать, чего доброго! Кто знает, чего ожидать от дикого племени... чудить начнут. Кроме того, это может растянуться, ведь не родят же все женщины одновременно.

— Конечно, мы можем оставить все как есть, ведь ты не просил их проделывать с тобой это? С точки зрения морали, ты ни в чем не виноват. — уточнил Эсхил.

— Знаешь ли, я тут подумал... В нашем с тобой положении, есть риск, скатиться вообще в отрицание какой бы то ни было морали.

— Так и есть, — подтвердил Эсхил — Я подчиняюсь лишь твоим приказам. Морально-этическая оценка мне не нужна.

— На это и намекаю. Я, кажется, просил тебя приглядеть за ними?

— Так и есть.

— Скажи, как они перезимовали?

— Сносно. В основном питались вяленным мясом волков. Жили охотой. Кроме того, с водопадом в озеро часто падает рыба. Есть больные, но живы все.

— А Кили, с ней что? — встревожился Арон.

— Она в порядке. Я разместил на скале скрытый наблюдательный пост. Она часто смотрит прямо на него. Умная девушка. Да, мне пришлось развернуть там силовой купол и вмонтировать скрытый силовой портал при входе в расселину. Он настроен, пропускать только жителей деревни.

— Это ты хорошо придумал. Если будут голодать, подкинь им провизии. Скрытно, конечно.

— Принято, — отозвался Эсхил.

— И еще, надо бы как-то наладить двухстороннюю связь с Кили. Продумай, как это сделать.

— Это не сложно. Один выстрел дротиком, и вы сможете общаться по выделенному каналу.

— Хорошо, сделай это. Но не прямо сейчас. Когда возможность будет удобная. А мне нужно хорошенько подумать. И вообще, стоило бы привести себя в порядок!

— Да, кстати об этом... Служанки королевы уже два часа дежурят за дверью, чтобы, как она выразилась, совершить утреннее омовение. Но, если хочешь, я могу сделать это.

Арон глянул на своих воинов и представил, как все будет.

— Нет, пусть лучше служанки. Грех от такого отказываться.

Солдат что стоял у входа, приоткрыл дверь и что-то сказал. В покои тут же вошли четыре бескрылых женщины неопределенного возраста. Ростом служанки заметно уступали крылатым собратьям. Они были одинаково одеты, улыбки, приятны внешне и физически крепкие. Войдя, дамы выстроились в ряд и учтиво поклонились, разглядывая Арона с нескрываемым интересом.

— Не могли бы вы привести меня в порядок, и что-то сделать с этим? — Арон указал на свои жуткие волосы.

— Как пожелаете, — отозвалась одна из них. — Можно приступить?

— Да, сделайте милость....

Подхватив гостя под локти, служанки быстренько проводили его в умывальню. Проворно избавили от одежды и поставили посреди просторной, неглубокой каменной чаши. Арон отметил для себя, что во дворце есть водопровод с горячей водой и прочие удобства неведомые простым смертным. Каждая из служанок взяла свой фронт работы:

Одна намыливала спину. Другая — ноги. Третья занималась руками и грудью. Четвертая же, без тени смущения теребила его внушительный детородный орган. Это было как минимум забавно.... Арон был выше любой из них, поэтому пришлось присесть, чтобы ему помыли голову. Закончив с омовениями, его обтерли насухо, усадили на стул, молниеносно остригли, побрили и снова промыли голову. Потом одели, надушили и были таковы.

— Занятно... — поделился Арон вслух, когда осматривал себя в зеркало. Коротко стриженные седые волосы придали ему непривычный, специфичный вид.

Присев на кровать он поискал какую-нибудь обувь, но ничего не найдя, напялил штурмовые сапоги, которые, выдал ему механические парни сутками ранее. Собравшись с духом, он вышел за дверь.

Глава 29. Нужные слова

В коридорах дворца уже давно царила суета. Какой-то народ сновал туда-сюда. Здесь же, по стойке смиренно стояли его солдаты, а чуть поодаль королевская стража. Такое соседство казалось забавным, если не диковатым. Арон осторожно заглянул в соседние покои и сразу увидел ее....

Сольвейг, с лицом полным света, кормила грудью дитя. Как же сильно она переменилась. Кузнеца обуяло волнение. Ноги, налились свинцом. Сейчас он должен войти к ней и что-то сказать. Но что? Где-то рядом сновала королева мать, и бродил король отец. Им тоже нужно будет что-то говорить, и как-то все объяснять. Еще немного и его заметят. Нужно было, что-то решать. Впрочем, это же его Сольвейг, которую, он так яростно защищал. И его сын, которому он дал жизнь. По сути, сейчас, это два самых близких ему человека!

Глубоко вздохнув и остановив круговорот мыслей, Арон шагнул в комнату. Стараясь не привлекать внимания, он прошел мимо Уны, стоявшей здесь же, на страже. Она молча подбодрила его. На что Арон прикрыл глаза и выразительно качнул головой. Он неуверенной походкой приблизился к крылатой деве, и тихонько присел рядом, на край постели.

Сольвейг подняла глаза и вздрогнула. Волосы и брови ее мужчины были совсем седыми. Глаза впали. Он был бледен. Казалось, что его вот-вот могут покинуть силы.

— Как ты? — Осторожно спросил он.

— Хорошо, — отозвалась она. — Теперь все хорошо. Но я... еще не опомнилась.

— У меня дела не лучше, — признался он.

— Как... ты это сделал? — Сольвейг приподняла ребенка.

— Объяснить это сразу, довольно сложно. Грубо говоря, я поделился своей жизнью.

— Вот как?

— Представляешь, я и такое могу...

— Раньше, я бы сказала, что это занятно. Знаешь, Аарон хорошее имя. Я не против. Два Арона лучше, чем ни одного.

— Прости... твоя правда, — он отвел взгляд.

— Не надо. Смерть — это отличное оправдание...

— Ты уже знаешь? — удивился Арон.

— Твой друг сказал, что ты умер. А потом снова ожил. Это ведь не впервые? — устало спросила она.

— Друг? — не понял Арон.

Она кивком головы указала на солдата у двери.

— Ах, этот... — Арон улыбнулся. — Так оно и было. Я сам пока не могу понять, что и как произошло. Когда разберусь, обязательно тебе расскажу. Сейчас не готов. Скажу только, что это ты вернула меня к жизни.

— Я? — удивилась Сольвейг. — Каким образом?

— Через боль... У тебя это хорошо получается.

Арон показал ей свое запястье. На котором еле заметно читались очертания прозрачного браслета. Такой же браслет он надел и ей, когда-то.

— Я чувствовал твою боль. Она была так сильна, что заставила мое тело вернуться к

жизни.

— Вот как... — она задумалась о чем-то. Отняла от груди уснувшее дитя, и уложила в ясли. Потом, придвинулась к нему ближе, и пристально посмотрела в глаза, ища в них ответы.

— Я столько всего хотела тебе сказать. Я так ждала тебя... Был даже момент, когда я решила оторвать тебе голову.... Но мама сказала, что это нормально в моем положении. Я чуть не сошла с ума. А тебя все не было....

— Прости, это моя вина, но изменить что-то, я был не в силах.

— Твоя. Но... смерть, как я уже сказала, более чем уважительная причина. Значит, мои чувства не обманывали меня. Значит, связь между нами действительно неразрывна. Но сколько пришлось вынести, чтобы это осознать.... Я не жалею, просто... было так больно и нестерпимо. Так было никогда, понимаешь?!

— Я понимаю.... — Арону стоило больших усилий не опустить глаза, и не отвести взгляда в сторону.

— Не делай так больше. Еще раз я этого не выдержу.

Арон обнял ее за плечи и крепко прижал могучее тело к своей груди. Горячие, тяжелые слезы Сольвейг упали на его шею. Тяжело дыша, она с силой стиснула его в своих объятиях.

— Спасибо что ты пришел... — прошептала она.

— Прости что так поздно.

— Нет... Спасибо, что ты пришел в мою жизнь, и наполнил ее смыслом. И жаль, что ты потерял отца. Я бы очень хотела познакомить его со своими родителями.

— Он в лучшем из миров... — Арон погладил ее по волосам.

— Все равно жаль. Я бы хотела узнать человека, который так воспитал тебя.

— Ну, как и я, он не был подарком... Его не вернуть, но, знаешь... я мог бы познакомить тебя со своей матерью.

— Не шути со мной так, я ведь серьезно.

— Боюсь, это не шутка — подала голос Уна, откуда — то со спины. Она тихо подошла, и нависла над Ароном, поставив локти на его плечи.

— Не поняла!?! — глаза Сольвейг сузились, в теле почувствовалось напряжение.

— Ах да, — Арон развел руками. — Вы, кажется, уже знакомы.

Сольвейг с недоверием смотрела то на одного, то на другого участника этого диалога.

— Признаться, я сама в это до конца не верю, — поведала Уна. — Но, он так похож на своего отца.... Прошло столько лет. Столько всего случилось. Так что, подруга дней моих суровых, прими пока все как есть. А обстоятельства потом. Эта история требует отдельного разговора.

Уна прикрыла глаза и уткнулась подбородком в седую макушку сына.

Сольвейг какое-то время молчала. Такой новости она как-то не ждала. Врядли Уна тронулась умом. Да и Арон уж слишком спокоен. Позволяет ей висеть на себе....

— Сейчас я готова верить во что угодно. Но ты — и мать, как-то не вяжется. — усомнилась Сольвейг.

— Все меняется. Взгляни на себя. — Напомнила Уна с улыбкой.

— Не начинай! — Сольвейг резко покраснела. Кто-кто, а эта женщина знала о ней все.

За дверью послышались торопливые шаги. Это сердобольная королева мать пришла проведать внука.

— Все в сборе? Просто замечательно. — Застав такую семейную идиллию она чуть не

всплакнула.

Арон встал, и учтиво поклонился.

— Завтрак уже ждет вас, — объявила королева Гуда. — Оставьте-ка меня наедине с внуком. Быстро!

Сольвейг улыбнулась, глядя на то, как расцветала ее мать...

Жизнь в белых горах пошла своим чередом. О потрясениях не так давно минувших дней, казалось, все забыли. Арон проводил время со своей возлюбленной, Уна, погрязла в своих заботах и делах. Радость жизни, постепенно наполняла ее. Король с королевой тряслись над внуком. Даже Эсхил, казалось, был рад возможности быть здесь. Живое общение, особенно с детьми, восторгало его. Все вроде бы хорошо. Но мысль о маленькой деревушке в горах не оставляла Арона в покое. С одной стороны, он не знал, как рассказать Сольвейг о том, что там случилось. А с другой стороны, он отлично понимал, что совсем скоро появятся «всходы», как говорила Эзрин, и он должен будет там побывать. Вернее, остаться на какое-то время. Вспоминая разговор с отцом, он отлично осознавал, что сам не зная того, нашел возможность возродить свой народ. Передать его дух и жизненные силы новым поколениям людей, в совершенно новом мире.

Откладывать этот разговор более было нельзя. Эсхил, как и обещал, наладил связь с Кили, от чего она, мягко говоря, ошалела сперва. Но, потом, все же нашла в себе силы и дала более или менее складный отчет о делах в деревне. Время еще было... Арон, собрав дух в кулак, решил не тянуть и выложить все за ужином. Обычно за столом собирались король с королевой, Сольвейг, и он сам. Новоявленная семья изо всех сил пыталась наладить хорошие отношения.

Явившись к ужину под руку со своей рыжеволосой девой, Арон шагнул в обеденный зал. Однако, его ожидал сюрприз, причем не очень приятный. Все пошло не по плану. Дело осложнилось тем, что за столом кроме царственных особ, присутствовали еще семь дев. Все они были разные и одеты по-разному. Но в чертах их лиц легко читалось нечто общее. Без сомнения, это были остальные дочери царственной четы. Сестры Сольвейг. За все время пребывания во дворце, Арон ни разу с ними не встречался. Не было их и среди тех крылатых воинов, что участвовали в побоище у его догоравшего дома. Однако, планы менять нельзя. Арон решил, что в любом случае скажет, что должен, и будь что будет. Нужно лишь выбрать правильный момент.

Король Ангус, жестом пригласил их сесть справа от себя. Он был задумчив, но доброжелателен. Королева мать слегка смущалась, и лицо ее, то и дело, трогал легкий румянец. Девы с хищным интересом разглядывали кузнеца. От чего сердце его тревожно забилося.

Глава 30. Королевское предложение

— Взгляни, Арон, это мои благородные дочери, — представил Король. — Пришло время вас познакомить! Слева направо: Аделина, она самая старшая. Катрин, Далия, Аста, Агнета, Ингрид, ну и Фрида, самая младшая, не считая Сольвейг.

Арон встал, и склонил голову в знак приветствия. Некоторых сестриц он все же вспомнил. Как и их клинки, стремящиеся рассечь его тело.

— Я не жду, что ты сразу запомнишь их имена. Признаться, я и сам частенько путаюсь — сострил Король.

Королева незаметно наступила Ангусу на ногу. Арон понял, что дело не в вине и не в хорошем настроении. Король сильно нервничал. Нервничал и сам Арон. Пока ужин не подали, он решился:

— Прошу прощения. Пока есть время... Назрел не очень приятный разговор.

— Чудесно! — встрепенулась королева мать. — У нас тоже есть к тебе разговор... Но, давай сначала выслушаем тебя. А мы пока соберемся с мыслями.

Арон осекся, растерявшись от такой прыти, но все же продолжил:

— У нас с вами, еще совсем недавно были серьезные недопонимания. Скажу прямо, я вам до конца не доверяю. Но все же я рад что все сложилось именно так, и мы больше не хотим убить друг друга. Пусть все так остается.

Ангус поморщился, потирая свою отросшую бороду, и охотно кивнул.

— Я попал в сложную ситуацию. Вероятно, Уна рассказала вам про мое приключение в некоем маленьком поселении?

— Да, — кивнул король. — Во всех подробностях. Ты везунчик.

— Сольвейг тоже знает?

— Да. Все мы знаем, — подтвердила она.

— Что ж. Так даже лучше. — вздохнул Арон облегченно.

— Мы тебя ничуть не осуждаем. — улыбнулась Сольвейг. — Тем более, что это было против твоей воли. И, потом, мы смотрим на эти вопросы куда шире, чем люди. У нас нет столько табу и запретов. Говори смело.

— Это... упрощает дело. Суть его вот в чем: примерно через две-три недели, в племени начнут появляться на свет мертвые дети. Их будут оплакивать и хоронить. Либо сжигать, что еще хуже. Кто знает какие там у них погребальные традиции... Я не хочу, чтобы это случилось. Мы с вами... вроде бы не чужие теперь. Как бы там ни сложилось дальше, я хочу знать ваше мнение. Может быть, совет?

Первой заговорила королева мать:

— Тебе нужно быть там. Это не очень правильная ситуация, но все же, это твои дети. И они ни в чем не виноваты.

— Тебе пригодится помощь хорошего лекаря, — задумчиво проронил король.

— Мы распорядимся по этому поводу, — подтвердила королева. — А за Сольвейг и сына не беспокойся. Все уже хорошо. Эти заботы мне не в тягость.

— Не ожидал, что все так легко решится, — Арон ошалел немного. — Вы точно правильно меня поняли?

— Арон... — король укоризненно сдвинул брови, — Мы, все-таки немного старше тебя, а мудрость, знаешь ли, она с годами приходит. Не сложно было предположить, что после

столь бурных возлияний появятся дети. Твоя реакция, хоть и запоздалая, но тоже, вполне предсказуема. Единственное чего мы не могли предугадать, так это то, что ты... выпадешь из жизни почти на год.

— Простите. Я привык рассчитывать только на себя, и не думал, что моей судьбой озаботится кто-то еще, — Арон вздохнул, понимая, что ко многому придется привыкать и многое переосмысливать.

— Мы не ждем, что ты будешь здесь вечно, — заявил Король. — И мы прекрасно понимаем, что не в праве ограничивать тебя в чем бы то ни было. Я... твердо уяснил, как ты относишься к близким людям. Не знаю, как сложится ваше совместное будущее, но, я еще никогда не был так уверен в судьбе одной из своих дочерей. Ты не бросишь эту деревню на произвол судьбы. Так же, очевидно, что тебе придется озаботиться воспитанием детей. Мужчин в селении мало. Ресурсов мало. По сути, это поселок беременных женщин. Мы долго наблюдали за этой деревней и скажу честно, если бы ты не озаботился их судьбой, не переселил в этот скрытый от посторонних глаз оазис....

Король выразительно качнул головой.

— Да, — признался Арон. — Я думал об этом. Нужно будет появляться там время от времени. Решить вопрос с пропитанием. Теплыми вещами и прочими неувязками. Но это не проблема. Я обладаю необходимыми ресурсами и поддержкой извне. Будет достаточно времени, чтобы проводить его рядом с Сольвейг.

По лицу Сольвейг было не понять, как она ко всему этому относится, но кому бы такое понравилось? И тут король снова проявил свою мудрость. Обращаясь к дочери, он сказал:

— Гордись, дочь моя. Этот человек в силах объять своей заботой не только тебя, но и всех, кто в ней нуждается. Это качество присуще королям.

Сольвейг молча кивнула. В обеденном зале повисла неловкая тишина. Сестры откровенно скучали. Королева нервно ерзала на своем месте. А король, внешне абсолютно спокойный, выдирает по волоску из своей бороды. Было понятно, что разговор не закончен, но никто из них не решался сказать о главном. О чем пойдет речь дальше — Арон мог только гадать. Поняв, что так и будет продолжаться, Сольвейг решила взять все в свои руки:

— Послушай, — неожиданно мягко обратилась она к кузнецу. — Я уже говорила, как просто мы относимся к разного рода условностям? Так же следует поступить и тебе. У нас есть к тебе предложение. Оно странное, и даже, может показаться оскорбительным. Но, я прошу выслушать его до конца. Для себя мы все уже решили. Хоть и не сразу, но пришли к согласию. Дело только за тобой.

— И... что это за предложение? — Арон напрягся. Он еще ни разу не слышал от рыжей девы столь четко согласованного монолога.

Сольвейг взглянула на отца, а потом и на мать. Они чувствовали себя неловко. Нужно было кому-то начать, и, Ангус, вздохнув, положил локти на стол.

— Арон... ты знаешь, в каком бедственном положении мы находимся? Уверен, твоя... в общем, Уна рассказала тебе о нашей бурной, местами трагичной истории. Если бы не крайняя необходимость, я бы тоже счел это предложение неуместным для себя и своей семьи. Но, жизнь диктует нам свои условия, не так ли?

— Несомненно. Так, в чем суть предложения?

— Не спеши. Нужно чтобы ты понял все правильно. Ты принадлежишь к двум разным мирам. В тебе кровь двух разных народов. И не просто народов, а видов, которые, судя по твоему опыту, совместимы. Как с нами, так и с людьми. Мы не из праздного любопытства

наблюдали за твоей деревней. Даже пытались попасть внутрь. Но какой-то невидимый барьер не дал нам этого сделать. Мы уже встречались с таким явлением в чертовых скалах. Мы можем делать нечто подобное и здесь, но не в этом суть. Удивительно то, что все, с кем ты... имел контакт, в ходе этой странной церемонии, носят в себе ребенка.

Король сделал паузу и без тени иронии спросил прямо:

— Скажи, Арон, а ты уверен, что сможешь оживить всех этих детей?

— Думаю, что да. После моего, гм... чудесного воскрешения, ощущения стали другими. Теперь я чувствую все иначе и знаю точно, что жизнь в моем случае, передается от отца к сыну. Причем буквально, через прикосновение. Подобно тому, как ваше умение летать передается детям от матери. Я четко ощущаю, как эта жизненная сила струится во мне, и жаждет найти выход. Теперь, я могу это контролировать и даже делиться.

В доказательство своим словам, Арон коснулся руки Сольвейг, и лица присутствующих на несколько мгновений озарились неярким теплым светом, исходящим от нее.

— Удивительно.... Это мы и хотели узнать.

Король встал, оперся о спинку массивного стула, на котором сидела королева, словно получая таким образом ее одобрение и поддержку.

— За этим столом собрались семь чистокровных дев, и ни одна из них за сотни лет ни принесла потомства. Чистокровных представителей нашей расы можно пересчитать, пожалуй, по пальцам, в этом то и проблема. Мы вымираем, как ни прискорбно это сознавать. Однако, с твоим появлением здесь, и в свете последних событий, у нас с королевой Гудой, появилась робкая надежда. Поверь, мы долго все обсуждали. Взвесили все риски, которые безусловно есть. Обсудили со старейшинами. Спросили разрешения у твоей матери. Поговорил с каждой из дочерей....

— Основательно подготовились... — заметил Арон.

Ангус кивнул многозначительно и продолжил:

— В общем, нам нужно здоровое потомство. Свежая кровь в жилах народа.

Арона вдруг резко дошло к чему вся эта тирада об истории народа и его свободных нравах. Ангус собрался духом и, наконец это произнес:

— Ты понял абсолютно правильно. Я прошу тебя возлежать с каждой из моих дочерей, Арон.

Королева расслабилась и выдохнула облегченно, словно сбросив груз с плеч. Арон неожиданно для себя покраснел. В груди похолодело, пульс застучал в висках. Он снова встал и преодолевая смущение, взглянул на сестер. В лице каждой из них он находил то решимость, то смущение, то нескрываемый интерес. Старшая из сестер была холодна, но и она не пошла против воли родителей. Последней, он повернулся к Сольвейг. Она взяла его за руку, и тихонько прошептала:

— Не торопись с ответом. Думай холодной головой, а не горячим сердцем.

Арон опустил обратно на стул, не до конца веря в реальность происходящего.

— Положим, я согласен, — подумал он вслух — Но... как вы себе это представляете?

— Не переживай, — вступила королева мать. — У тебя есть время.

Она перегнулась через стол и взяла его за руку. От ее прикосновения Арон вздрогнул. Гуда с улыбкой посмотрела в его глаза и предложила:

— Проведи время с каждой из них. Узнай получше. Поверь все случится само собой. Ты смог растопить сердце Сольвейг, победить смерть.... Не уж то не справишься?

Арон несколько успокоился от ее слов. Он оказался в совершенно дурацкой ситуации.

Но вместе с тем, было в ней и рациональное зерно. Каждая из дочерей была красива, кроме того, являлась наследницей трона. Вступая с ними в отношения такого рода, он как бы создаст для себя задел на будущее. Опять же, хоть и на половину, но это тоже его народ. И было бы свинством проявить равнодушие. Раньше, он и мечтать не мог о подобном предложении, но теперь мысли его были все больше о Сольвейг. Сестры ее несомненно прекрасны, каждая по-своему. Но каждая несет в себе особый мир с его гармонией и безумием. Отнестись к этому просто, опуская условности? Да черта с два! Легче сказать, чем сделать.

— *Тяни время* — настойчиво проговорил тихий голос Эхила. — *Я просчитал различные ситуации. Определенные риски есть, но, есть и весьма заманчивые перспективы. Ты ничего не теряешь, но я бы на твоём месте подумал.*

— Хорошо, — вдруг ответил Арон совершенно спокойным голосом. — Все предельно ясно. Я не хотел бы оскорбить вас, ваши величества и тем более ваших дочерей. Но, могу я дать ответ утром, на свежую голову? Поговорить с Сольвейг наедине?

— Конечно! — обрадовалась королева мать. — Не спеши, подумай.

Покончив с делами, ко всеобщему облегчению, королева приказала подать ужин. Суетливые слуги проворно сервировали стол, и подали аппетитно дымящуюся пищу. Нельзя сказать, что питалась королевская семья одними деликатесами. Напротив, преобладали блюда простые всем известные, но тем не менее, искусно приготовленные и поданные. Ужин был относительно легким. Из нескольких блюд. Покончив с трапезой быстрее всех, король с королевой поспешили откланяться. Когда слуги убрали все лишнее, оставив лишь десерты, никто больше не встал из-за стола. Восемь чистокровных валькирий остались с кузнецом наедине. И, пожалуй, только одной из них он мог бы доверять. Семеро остальных, мягко говоря, вызвали опасения. Девы расслабились, когда их родители ушли, и теперь характер каждой из них стал проявляться куда заметнее. Кто-то принялся ковырять в зубах. Кто-то раскачиваться на стуле. Кто-то просто безучастно смотрел в потолок.

За спиной негромко хлопнула дверь. Арон обернулся. С обычным спокойствием на лице, Уна проплыла расслабленной походкой через зал. Остановившись за спиной, она повисла на его шее и поцеловав в щеку, шепнула на ушко:

— Ну как тут у вас?

— Пришла проведать? Великодушно, с твоей стороны, — тихо съязвил он.

— Ну что ты, это же все во благо.

Заметив на себе вопросительные взгляды, Уна выпрямилась, и вежливо пояснила:

— Не беспокойтесь барышни, я в этой затее не участвую. В другой раз я бы с удовольствием, но... обстоятельства немножко иные. Этот хмурый, но очень милый юноша, если кто не знает — мой сын.

— Да ладно!?! — воскликнула старшая из сестер.

— Правда, правда, без шуток. А потому, зная ваши порочные наклонности, хочу чисто символически предостеречь: мальчик дорог мне как есть, с руками, ногами и головой. Ну и всем, что у него там прилагается.

— Ну что ты, как можно... — драматично возмутилась Аделина. — Отец дал нам четкие указания на этот счет. Сей кладезь жизни мы на руках носить готовы. Дело за малым, узнать какой у юноши план.

Арон придвинулся к Сольвейг и еще раз уточнил:

— Ты действительно этого хочешь?

— Шутишь? Я это предложила!

— Зачем?!

— Я, все-таки, благородных кровей, и пекусь о своем народе. А еще, я искренне желаю моим милым, любимым сестрам испытать все прелести материнства.

На словах «все» и «испытать», Сольвейг сделала особый акцент. А потом уже шепотом добавила:

— Пусть эти надменные суки огребут по полной, хотя бы разок в жизни.

— Я тебя понял, — не без улыбки, согласился он. Сольвейг все же не сильно изменилась.

Уна, которая отлично слышала разговор, всем своим видом проявляла солидарность. По крайней мере, его суженая с его же матерью на одной волне. Хотя, это же и пугает. Кузнец неспеша доел остатки чудесного десерта и вытер руки салфеткой. Делать тут больше было нечего, и он жестом предложил Сольвейг уйти.

— Ты иди... Нам еще есть что обсудить. Уна охотно составит тебе компанию.

Кузнец кивнул. Стараясь не шуметь массивным деревянным стулом, он встал. Оглядев всех еще раз, «кладезь жизни» галантно поклонился. После чего, в компании довольной Уны Арон покинул обеденный зал.

Уна шла молча, чуть впереди, но на лице ее светилась ехидная улыбка.

— Ты точно моя мать? — усомнился Арон.

— Да...! — протянула она на распев. — И я нахожу все это чертовски забавным. Чему ты не рад?

— Есть причины.

— Так поведай, может помогу советом? — оживилась она.

Арон обернулся. Кроме неустанного солдата, который сопровождал его решительно везде — вокруг никого не было. За окном уже темнело, опустились сумерки. Жизнь во дворце, казалось, замерла.

— Дело в том, что, не считая вакханалии в деревне, и еще пары неудачных моментов... твоя подруга стала первой женщиной в моей жизни. У меня порой, дыхание перехватывает от одной только мысли о близости с кем-то еще. Но, я понятия не имею как вести себя с этой чистокровной сворой. Они меня живьем сожрут!

— Это да, без сомнений. Прости... не подумала об этом. Я вообще еще слишком плохо знаю тебя. Много пробелов, которые надо бы восполнить, — Уна призадумалась.

— Так, как с советом?

— Знаешь, чем поразил меня твой отец? — вдруг спросила она.

— Волей?

— Нет. Хотя, это конечно тоже. Но все же нет. — Улыбнулась она грустно.

— Тогда чем же? — смутился молодой кузнец.

— Лаской, сын мой. Лаской... и добротой. Они ведь такие же, как и я. Воительницы! Хотя каждая из сестер приставлена к разным обязанностям. Будь то научные изыскания, земледелие, или сугубо житейские заботы — все они хорошо слаженные, обученные, обоженные в боях войны. Но это не наша суть. Все это привито. Вживлено в сознание в связи с суровой необходимостью. Внутри, мы все те же девушки, когда-то мечтавшие о любви, страсти... романтике. Понимаешь, о чем я говорю?

— Кажется да. — согласился Арон. — Хотя, слышать о ласке из твоих уст....

— Никому не говори об этом, — полушутя пригрозила Уна увесистым кулаком,

закованным в стальную перчатку. Он как-то позабыл, что большинство женщин здесь закованы в броню и носят ее как повседневную одежду. В том числе и сестрички. Пожалуй, только королева мать не обременяет себя латами.

— Уж куда яснее... — улыбнулся он устало. — Мне нужно подумать над твоими словами.

— Так, ты сделаешь это?

Арон потянулся всем телом, балансируя на носочках. Развел руки в стороны, размял запястья. Потом, слегка попрыгал на месте, проверяя не звенит ли чего в одежде. Словно готовился к бою.

— Сделаю, — четко ответил он. — В конце концов, от меня не убудет. Пускай повременят до завтра. Поразмышляют на досуге.

За неспешной беседой, они добрались до уже знакомой двери. Уна подмигнув сыну, попрощалась до утра и отправилась к себе в покои. Арон проводил мать взглядом, пока та не свернула в галерею.

Глава 31. Право старшей сестры

Ворох мыслей наполнил и без того озабоченную голову. Эсхил хранил молчание, а Арон хотел побыть с собой наедине. Он заглянул в кроватку возле постели, но ребенка в ней, конечно, не было. Хотя Арон и не был сторонником этой идеи, но королева мать на ночь забирала младенца к себе. Оказывается, из-за физиологических особенностей, у крылатых женщин всегда есть грудное молоко, и они всегда готовы к размножению. Она настояла на том, что время от времени будет кормить ребенка сама. Арону это казалось странным, но, кто знает, как тут у них заведено. Иметь кормилицу для младенца среди знати дело обычное, но, чтобы сама королева... Он как-то слышал про племена в далеких странах, у которых дети вообще считались общими. Может быть, тут что-то подобное.

Скинув свои штурмовые сапоги и освободившись от одежды, кузнец прогулялся до умывальни. Служанок тут никаких не было, и никто не помешал ему задержаться по дольше под жесткими горячими струями. Погруженный в свои мысли, он покинул душ, побрился, хорошенько растерся полотенцем, и сделал все, что обычно делают в ваннах комнатах. Сольвейг все еще не было. Ей было что обсудить со своими старшими сестрами. Главное, чтобы все не закончилось дракой.

Арон обернулся льняным полотенцем, приглушил свет и с превеликим удовольствием разлегся на кровати, вольготно раскинув руки. Кровати во дворце были просторными. И дело не в роскоши. Вообще, как он успел заметить, архитектура в этих местах изумительная. Грех было бы вырезать жилища из мрамора и делать их безликими. Однако, на этом роскошь по большей части заканчивалась. Быт и убранство, как внутри дворца, так и в городе, были весьма аскетичны. Что до кроватей, так тут все просто. Во-первых, не надо забывать, что валькирии, и остальной крылатый народ весьма рослые сами по себе. Кроме того, крылья во время сна тоже занимают немало места.

Арона беспокоил не столько последний разговор в обеденном зале, сколько судьба переселенного племени. Он долго отсутствовал в этой жизни, а от того казалось, что как-то все разом поменялось. Всплыли и новые обстоятельства. Когда он решил отвести Кили домой, а потом помогал ее сородичам, то совсем не думал, что придется брать на себя какую-то ответственность. Перебить волков и найти место для новой стоянки — это одно дело. А вот держать ответ за судьбы хоть и маленького, но народа — это совсем другое. В свете того, что поведал отец в последнем видении — это казалось слишком. Хотя, если подумать, то из этой затеи могло выйти нечто путное. При правильном воспитании и обучении, мудрых законах и грамотном руководстве... как знать?! Но, как бы то ни было, он уже вляпался в эту историю. Не то чтобы планов у Арона было много. Просто личную свободу это заметно ограничит. С другой стороны, поселиться среди людей, которые его Арона ценят, он уже однажды подумывал. Эзрин ведь сама это предлагала. Главное, чтобы, когда его корабли спустятся с неба, не передумала бы она о своем решении. Тут нужен богатый опыт общения. Хотя, опять же, есть Эсхил, который замечательно справится со всеми текущими делами. А раз ему нравится общаться с людьми, так пусть упражняется. С тех пор, как дом Арона сожгли, он еще ни разу не задумывался о новом доме. Конечно, можно остаться во дворце, чего от него и ждут, вероятно. Но неплохо бы иметь и свой угол. Глядя в потолок Арон уже представлял, как и из чего он будет строить свой новый дом. Просторная долина среди отвесных скал представлялась ему достаточно четко, и ясно, чтобы

можно было крутить ее в уме. За этим занятием он и погрузился в иную реальность.

Сольвейг долго не было. Где-то за полночь, сквозь сон, он различил звуки, похожие на сдавленный хохот, и шелест одежды. Но не придал этому значения. Он точно знал, что в случае опасности Эсхил обязательно предупредит его. Тем более, что столь сладкие грезы прерывать совсем не хотелось. Однако вскоре, он ощутил движение уже рядом с собой. Шелест крыльев и какие-то телодвижения наводили на мысль, что Сольвейг, наконец, вернулась. Видимо она была в игривом настроении, и не особо хотела спать. Она стащила с него полотенце и навалилась всем телом.

В нос ударил стойкий запах вина. Вот и причина веселья... Однако, после родов прошло слишком мало времени, и близости между ними не должно быть. И она это знала. Поэтому, он до последнего надеялся, что его бестии скоро надоест, алкоголь сделает свое дело и она тихонько уснет рядом... Но не тут-то было! Конечно, он чувствовал своей кожей ее горячую промежность, но стойко держал мужское эго в узде. Однако тихое хихиканье и сдавленное ржание, вскоре перешло в не слишком тихий шепот. Говорящих, как ни странно, было двое и это настораживало. Сквозь сон он стал различать слова:

— Такой бледный... а мягкий какой.... — шептал глубокий женский голос.

— Эй! — окликнул голос совсем знакомый. — У него нежная кожа!

— А шрамов то сколько! — не унималась первая персона. — Твоя работа?

— По большей части... — призналась вторая. — Хорошо, что они быстро заживают...

Голос Сольвейг, Арон, конечно, узнал. Глаза его были закрыты, веки расслаблены. Но сознание уже проснулось. Однако второй, более глубокий голос он никак не мог узнать.

— Смотри ка, крепко спит, — прозвучало уже достаточно громко.

Что-то сильно сдавило ему грудь и Арону пришлось проснуться....

Однако, к его удивлению, сверху восседала не рыжая дева. Эта была куда крупнее и более атлетичного телосложения. Сжав его тело бедрами, она уперлась когтистыми руками в его грудь и навалилась, затрудняя ему дыхание. Арон инстинктивно дернулся, но она тут же перехватила запястья и скрестила их над его головой.

— Поздно, дружок, — игриво подмигнула она. — Я тебя уже оседлала.

— Аделина? — Он наконец, узнал ее лицо в полумраке.

— Приятно, что ты запомнил мое имя....

— На память он никогда не жаловался. Да и вообще не помню, чтобы жаловался... — зевая ответил знакомый голос над головой.

Осоловелые глазки Сольвейг с интересом наблюдали за его реакцией. Она стояла на коленях у изголовья кровати, облокотившись на подушку. Ее крылья лежали на полу, словно мятый плащ. Она загадочно улыбалась.

— Что происходит? — Спокойно спросил Арон.

— Ничего особенного, — также спокойно ответила она. — Просто ты был таким скованным, и даже смущенным, что мы с Аделиной решили тебе немножечко помочь. Подтолкнуть, так сказать. Она самая старшая из нас и еще помнит, как сделать это без насилия. Тем более, что ты вроде согласен.

— Помнить то я помню... — подтвердила Аделина. — Только ничего не происходит!

Она попрыгала на нем, а потом подвигала бедрами, ожидая хоть какого-то движения снизу. Но тщетно. Теперь Арон был встревожен. Аделина пугала его, как ни стыдно было признать. Почувствовав это, Сольвейг подползла ближе и поцеловала его в губы.

— Милый, тебе нужно немножечко расслабиться. Ведь ничего плохого мы не делаем. Я

рядом, нам никто не мешает.... Мы просто с тобой поиграем.

— Я не игрушка, — напомнил он тихо.

Поняв намек, Аделина убрала свои руки с его запястий и распрямила спину. Теперь она просто восседала верхом.

— А так? — она скрестила за спиной руки, от чего ее крупная грудь показалась во всей красе.

Сольвейг сделала красноречивый жест. Старшая сестра, вспомнив, о чем они договаривались, положила горячие, шероховатые ладони ему на живот. Нежные поглаживания ее больших рук оказались весьма приятными.

— Ну, посмотри на нее! — шептала рыжая дева ему на ухо. — Взгляни какая она красивая, упругая.... Прикоснись же к ней. Я настаиваю!

То, что Аделина великолепно смотрелась при тусклом свете, Арон оценил сразу. Из одежды на ней была только тонкая конопляная туника, да кожаный пояс на бедрах. Светлая ткань едва сдерживала ее полную, зрелую грудь и крупные выпирающие соски. Арон коснулся пальцами ее колен, а потом осторожно провел ладонями вверх по ее ногам. Скользя под тунику, он ощупал ее мускулистые бедра. Кожа Аделины была заметно мягче чем у его рыжеволосой девы. Оттенок ее тоже отличался. Если у Сольвейг она была сероватая, то тут преобладали оттенки от бледно розового и красноватого, до откровенно коричневого, местами. Несомненно, она была красива и более уравновешена по сравнению с Сольвейг. Волосы ее, собранные в хвост, были прямыми, светлыми, и приятно пахли. Арон заметил это, когда она держала его за руки.

— Ну как... ее кожа нежнее моей, не так ли? — осведомилась Сольвейг вкрадчиво.

— Пожалуй... — признался Арон продолжая поглаживать бедра Аделины.

— Ну-ка, погоди! — Сольвейг взобралась на кровать, бесцеремонно выдернула подушку из-под его головы, и сама заняла ее место. Теперь спина его покоилась на ее груди, а тело обнимала еще одна пара бедер. Арон погладил и ее ноги, но Сольвейг тут же переложила его руки обратно.

Зажатый меж двух прекрасных валькирий, кузнец все же разомлел. Столько женского тепла за раз его многострадальное тело еще не получало. Сольвейг запустила свои когтистые пальчики в его волосы. Это было приятно, и он в свою очередь приласкал тело Аделины, чье дыхание становилось более прерывистым и частым. Она прикрыла глаза, ее пальцы слегка подрагивали, выдавая сильное волнение.

Арон, решив, что хуже не будет, высвободил руки и сдавил пальцами ее груди. По телу Аделины прокатилась волна дрожи и она закатила глаза. Заметив это, Сольвейг тоже присоединилась к ласкам. Поглаживая крепкое тело сестры в четыре руки, они медленно, но верно довели ее до исступления. Смотреть на это было довольно-таки волнительно. Устав держать суженого на своей груди, Сольвейг выскользнула из-под него. Теперь ее больше занимала сестра, потерявшая бдительность. Потихонечку обойдя постель, она забралась на нее с другой стороны. Просочившись между безвольно раскинутыми крыльями, она уселась позади Аделины и обняла ее талию. Поглаживая поочередно то живот, то грудь, то плечи сестры, Сольвейг с удовольствием наблюдала как ее тело отзывается на едва ощутимые ласки.

Сольвейг полностью переключилась на сестру и внизу его живота стало совсем горячо и влажно. Бутон Аделины набух, и женские соки просочились наружу. Этого кузнец уже не мог стерпеть. Он почувствовал, как пульсирует и наливается свинцом продолжение его тела.

Он откинулся на прохладную простыню и подложил ладони под голову, ибо лучшее что он мог сейчас сделать — это поддаться обстоятельствам. Простыня приятно холодила кожу, с окна веяло легким, прохладным ветерком. Вдохнув свежего воздуха, Арон расслабил спину, плечи, а потом и все остальное. Корень жизни восстал, окунувшись в чрево. Окрепнув на глазах, он пророс словно бамбук, пронзающий тугую, но податливую плоть. Там он и засел, заставив Аделину вскрикнуть.

— Да ладно... — глаза ее широко раскрылись.

Сольвейг опустила руку и пальчиками нащупала твердое основание члена.

— А ты не верила... — усмехнулась Сольвейг.

— Не, не! Я на это не подписывалась! — возмутилась Аделина.

— А ты постарайся расслабиться, — припомнил Арон. — Ведь ничего плохого не происходит...

— Сначала немножечко больно, а потом приятно, — лаконично добавила младшая сестра.

Аделина пыталась встать, но рыжая бестия с нескрываемым наслаждением усадила ее обратно. Руки Сольвейг скользнули в ее промежность. Ласковыми энергичными движениями она в момент сломила волю Аделины. Бедра, ее раскрылись, поддавшись древнему инстинкту. Арон решил события не торопить. Он был чист, расслаблен и успел подремать. Так почему бы не насладиться столь волнительным зрелищем? Когда ещё две нетрезвые крылатые девы соизволят вот так порезвиться.

Сольвейг вцепилась в сестру мертвой хваткой. Она подталкивала ее сзади своим лобком и бедрами, одновременно терзая руками увесистую грудь и взмокшую промежность. Аделина пустыми, невидящими глазами обратилась в даль. Движения ее бедер становились все резче и увереннее. И дело тут не в усилиях Сольвейг. Она явно вошла во вкус, и чувствовалось как в теле ее растет напряжение. Толчки становились мощнее. Она целиком приняла в себя Арона, и теперь буквально вминала его в кровать. Кузнец всем своим естеством испытал на что способно ее могучее тело, когда проявляет истинную силу. Но это не пугало его, ибо ее округлые женственные формы не могли нанести вреда. Да, она сильно сжимала его коленями, но это обстоятельство повергало кузнеца в какой-то странный, незнакомый доселе восторг. Арон, преодолевая боль в ребрах вглядывался в то, как разительно меняется ее лицо. Поглаживая колени Аделины кончиками пальцев, он дожидался фееричного апогея...

Дальнейшее соитие с Аделиной превратилось в какой-то марафон. Дева ни на минуту не сбавляла темпа, но едва достигнув пика — сама сводила усилия на нет. Потом догонялась и снова проделывала этот трюк. Она похоже забыла, что целью сего визита было зачатие новой жизни, и придалась разврату. Но Сольвейг вовсе не была против, ее это только раззадорило. Рыжая бестия увлеченно придерживала сестру за ягодицы, а в моменты наивысшего наслаждения Сольвейг хватала сестру за руки, чтобы ее когти не наделали бед. И она извергалась... бурно, неистово, с томным, завораживающим своей глубиной стоном. Отдохнув на прохладной груди кузнеца, она выгибала спину и вновь набирала обороты. Сольвейг лишь придерживала сестру за талию и нежно целовала ее плечи, шею и спину. Заметив, на себе взгляд Арона, она игриво подмигнула. Вжимая лобок в ритмично подрагивающие ягодицы сестры, она получала отдельное удовольствие.

Так продолжалось несколько часов к ряду, пока изможденная Аделина окончательно не упала Арону на грудь. Запустив пятерню в растрёпанные, взмокшие волосы, он придерживал ее

голову. Сольвейг, оценив картину со стороны, прилегла рядом. Она утомилась, но при этом не скрывала своего удовлетворения. Какое-то время, она еще продляла свое удовольствие, активно работая пальчиками.

— Почему...? — глухо спросила Аделина.

— Что, почему? — спросил Арон заглянув в ее глаза.

— Почему ты не проронил в меня свое семя? Разве я плохо старалась?!

Он улыбнулся, и убрал с ее лица волосы.

— Дело не в этом.

— А в чем? — осведомилась Сольвейг.

— Она... была так прекрасна в своем порыве. Признаться, я просто залюбовался. Такая мощь, натиск! Было больно... но очень волнительно.

— Правда? — удивилась дева.

— Каждое слово! — Арон коснулся ее красивой, сильной шеи, и слегка поцеловал в губы.

Аделина взглянула на сестру, растеряно гадая, как к этому относиться...

Пользуясь ее недолгим замешательством, кузнец перевернул валькирию на спину и помог расправить крылья. Так она была ещё прекраснее, ее совершенное тело во всем своем великолепии, раскрылось перед ним. Он легко проник в ее приоткрытое лоно, и растворился в нем.... Ненавязчивыми, плавными толчками, он снова привел крылатую деву в трепет. Раскинулась перед ним словно живописная долина со своими холмами и полями. Утопая лицом в ее пышной груди, кузнец плавно скользил своим членом меж стенок ее разомлевшего влагалища.

Сольвейг подкралась поближе, и впиалась в ее губы. Чувствуя новый прилив наслаждения, Аделина бережно прижала его к себе и накрыла крыльями. Резкая, крупная дрожь охватила валькирию. Соски превратились в камень, груди налились соками, а дыхание перехватило.... Ее мускулы проступили под кожей за миг до грядущего наслаждения. Мощными, резкими рывками ее тело откликалось на волны пронизывающего блаженства. Лишь нежное пульсирующее лоно все так же трепетно содрогалось, осязая в себе жилистую мужскую плоть. Ощущать, как гудящий от напряжения член скользит в глубине ее тела, было приятно и невыносимо одновременно...

Эхо судорожного плотского удовольствия накрывала деву раз от раза. Кузнецу захотелось довести Аделину до полной безоговорочной капитуляции. Излить все соки из этого прекрасного сосуда лишь затем, чтобы наполнить его иным содержимым. Наконец с первыми лучами зари, силы покинули Аделину окончательно. Ее могучее тело обмякло, не желая больше получать удовольствие. Ее изможденное лоно стало нежнее щелка, содрогающегося при малейшем дуновении ветра.

Глядя в пустые, широко раскрытые глаза, Арон последний раз проник в ее чрево. Мягко, медленно и глубоко. Он сделал это так нежно, как только мог. Зажмурив глаза, Аделина нащупала руку сестры и вцепилась в нее ... Несколько мучительно долгих мгновений он испытывал ее чресла на прочность. Стиснув зубы, она инстинктивно сжала его в себе. Вот оно... кузнец дал волю чувствам не в силах более сдерживаться. Арон поймал взгляд Сольвейг, и с ее молчаливого согласия излил свое семя в чрево Аделины. Затаив дыхание, могучая валькирия наконец получила то, зачем пришла.

Арон, выполнив свою ответственную миссию тоже упал без сил. Переглянувшись, крылатые девы зажали его меж собой. Старшая из сестер бережно уложила кузнеца на свое

крыло и, почти по-матерински, обняла его за плечи. Сольвейг, пользуясь случаем, прижала еще твердый член к своей набухшей промежности, и сомкнула бедра. Накрывшись своими крыльями, прекрасные в своей «короткости!» девы забылись крепким беззаботным сном.

Глава 32. Лиха беда начало

Спал Арон плохо. Находиться между двумя восхитительными телами, несомненно, было приятно, но не очень удобно. Сильные, горячие руки Аделины сжимали его словно тряпичную игрушку, не отпуская от себя. Более или менее удобно можно было лежать уткнувшись лицом в ее пышную грудь, либо на боку, ощущая ее же своими плечами. А так как обе девы накануне хорошенько поддали, запах уксуса, который исходил от вина поутру, — ощутимо бил в ноздри. Поняв, что нормально уснуть ему уже не удастся, Арон повернулся к Аделине. Ранее он видел ее только издали и в полумраке. Ему захотелось разглядеть ее лицо при свете.

Черты Аделины не очень-то вязались с ее репутацией. Открытое, слегка округлое лишенное выраженных мимических морщинок, лицо. Изогнутые дугой, аккуратные тонкие брови. Длинные светлые ресницы. Красивые чуть припухлые губы. Гармоничные, хорошо развитые скулы. Ровный, достаточно длинный нос с маленькой горбинкой на переносице. Разве что упрямый, волевой подбородок с маленькой ложбинкой, напоминал о ее воинственном нраве. Однако, и об этом можно было судить пока только с чужих слов. В целом лицо ее было приятным и по своему красивым. Запомнить его не составило труда.

Арон осторожно убрал прядь светлых волос с ее лица. Она мешала ему разглядывать Аделину. Почувствовав это, дева приоткрыла свои голубоватые глаза. Зрачки ее резко расширились. Она пришла в сознание, но не сразу поняла, что к чему. Однако, вспомнив вчерашний вечер дева потянулась всем телом, и подмяла под себя Арона. Теперь она оказалась сверху, и принялась изучать его лицо. Они с интересом рассматривали друг друга.

Так же как у Уны, кожа Аделины была покрыта множеством мелких шрамчиков. Они выглядели застарелыми, и лишь светлая кожа на этих местах напоминала о давних ранах. Арон непроизвольно поглаживал горячее тело Аделины чуть выше талии. Она не возражала. Аделина тихонько, чтобы не разбудить, вытащила крыло из-под мерно сопящей Сольвейг. Ослабив свои объятия, она провела грудью по лицу и губам Арона. Это было приятно. Чуток поразмыслив, она поправила грудь рукой и принялась медленно водить своим крупным соском по его губам. Когда тот отвердел, она протолкнула его глубже. Стоило сжать его губами, и тело крылатой девы содрогалось. Это было забавно.

— Кажется так это делается? — одними губами спросила она.

Получив столь же безмолвный ответ, она подалась чуть вперед и сдавила набухшую грудь когтистыми пальцами. Это было как-то неожиданно... но вместе с тем и волнительно! Женское молоко оказалось маслянистым, теплым, и сладковатым на вкус.

— Наслаждайся... — прошептала она с блаженной улыбкой.

Вдоволь наигравшись со своими сосцами, валькирия взвесила в руке детородный орган кузнеца, пребывающий в полу расслабленном состоянии, и качнула головой неопределенно. Арон не понял, что она имела в виду.

— Я бы не подписалась на такое еще раз, — еле слышно пояснила она.

— Это мое проклятье... — тихо вздохнул Арон.

— Всем бы такое проклятье, — зевнула Аделина. — Ну, может быть чуточку поменьше размером.

— Понравилось?

Аделина охотно закивала головой:

— В самом начале. И особенно в конце. Ты хочешь казаться холодным, но на самом деле решительный и страстный....

— ...для человека? — Продолжил он ее фразу.

— Для человека ты еще и отлично сложен. Пожалуй, я как — нибудь наберусь смелости и оседлаю тебя еще разок.

Арон качнул головой в сторону спящей Сольвейг. Дескать, что она на это скажет?

— А кто ее будет спрашивать? — улыбнулась она плотоядно. — И потом, зачать с первого раза получается далеко не у всех.

— Хм... тогда, возможно, она не будет против....

— Против чего, она не будет против?! — Послышался заспанный голос Сольвейг.

— Если мне понравится быть матерью, — заявила Аделина — Я оседлаю твоего мужчину снова.

— Посмотрим, как тебе это понравится, — рассмеялась она в ответ. И смех этот не был добрым.

Отвесив кузнецу пару игривых пощечин своей грудью, Аделина, наконец встала с постели. Расправив затекшие крылья, она сладко потянулась, купаясь в лучах утреннего солнца.

— Красивая, правда? — улыбнулась Сольвейг.

— Да, с этим сложно спорить. — Согласился он.

— Ты сможешь мне омыться? — обратилась Аделина к младшей сестре.

— Служанок не будет? — удивилась она.

— Нет, мы вчера всех отпустили, помнишь?

— Ах да....

Игривый взгляд рыжей девы упал на Арона.

— Что? — возмутился он.

— У тебя такие нежные руки...

Аделина долго не размышляла. Взяла его за руку она потянула его за собой, в умывальню. Чего уж скрывать, процедура эта была весьма приятной. Арону это напомнило купание коня в реке. Вернее, не простого коня, а пегаса. Сравнение не очень удачное, но ее сильное тело вызывало именно такие ассоциации. Она была значительно выше ростом и шире в плечах. Приходилось даже вставать на носочки, чтобы намылить ее шею и плечи. Смысл был в том, чтобы не намочить крылья, потому что они становятся тяжелыми и долго сохнут. Именно по этой причине, воинственные валькирии редко принимали ванну. Мокрые крылья — огромный минус к боеспособности. Однако в своем городе, где безопасно, они весьма часто и с удовольствием посещают горячие источники.

Арон уделил внимание всем частям ее тела. Помня, как вздрагивала от этого Сольвейг, он делал дело нарочито плавно, с нежностью. От чего щеки девы порозовели, а дыхание участилось. Закончив с омовением тела, кузнец просушил полотенцем ее светлые волосы и усадил на пол возле постели. Аделина и слова не сказала. Усевшись позади нее, он деловито расчесал гребнем влажные пряди. Бедная валькирия сидела чуть дыша, млея от каждого его прикосновения. Ведь руки кузнеца были так нежны....

Волос валькирии тоже напоминал конский. Неспешными плавными движениями, кузнец сплел из длинных волос Аделины отличную косу. Надежно стянув кончик кожаным шнурком, он оценил свое творение. Коса смотрелась как небольшой кусок корабельного каната, но Аделине подходила идеально.

Сольвейг с нескрываемым удовольствием, заглядывала в лицо сестры. Такого рода внимание со стороны мужчины, для нее было в новинку. Не смотря на солидный возраст и жизненный опыт, она смущалась как дитя.... Внимание человека, и ласка со стороны мужчины, с трудом укладывались в ее воинственном сознании. Но она не смела отказаться.

На теле Аделины кроме легкой туники ничего больше не было. Все остальное, вместе с доспехами было свалено в кучу у двери. Поцеловав напоследок, руку обомлевшей в конец Аделины, он тихо спросил:

— Тебе помочь с доспехами?

— Нет, — неуверенно улыбнулась она. — Я пойду налегке.

Окинув взглядом сестру, а затем Арона, Аделина больше ничего не сказала. Поджав губы, она надела сандалии, сгребла свои вещи в кучу, и повесив на ножны, взвалила все это себе на плечо. Откланявшись, Аделина шагнула за дверь... Заливаясь недобрым смехом, Сольвейг раскидала подушки по кровати. Ее нехитрый замысел вполне себе удался. Войдя в эти двери грозной воительницей, Аделина покинула покои кроткой и смущенной, словно девица, впервые познавшая любовное влечение.

Пару часов спустя, подали завтрак. В обеденном зале присутствовали: королевская чета, Сольвейг с кузнецом, и все семеро сестер. Судя по их лицам, все что было нужно, в семейном кругу они уже обсудили. Что ж, оно и к лучшему.

— Я так понимаю... вопросы излишни? — прервал неловкую тишину Ангус.

Он обращался не к Арону, а к сидящей по левую руку от него Аделине. Она ковырялась вилкой в своем блюде, с явным безразличием в лице.

— Да, отец... — пространно отозвалась она. — Начало положено.

Отец критично оглядел старшую дочь. Она была не в доспехах, а в плотной светлой тунике с кожаными вставками и широким поясом, на котором неизменно красовались ножны с клинком. Лицо ее было... безмятежным, что по отношению к Аделине в принципе было неприменимо. Ее неизменное кредо в виде боевого настроения и бескомпромиссной целеустремленности дало глубокую трещину. Король взглянул на кузнеца в недоумении:

— Когда вы только успели?

— Мы лишь слегка сняли напряжение, — ответила за него Сольвейг.

— Мы? — недопонял любящий отец.

— Она сама изъявила желание. Вчера мы с сестрами выпили немного вина, мило пообщались. И, Аделина, на правах старшей сестры, предложила помочь моему возлюбленному с решением. Раскрепостить немного. Люди, они ведь, такие скованные в подобных вопросах....

— И как? — улыбнулась королева мать. — Раскрепостили?

— Более чем... — кивнул Арон краснея.

— Так что же с тобой случилось, дочь моя, — снова задался вопросом король Ангус.

Аделина отодвинула от себя тарелку и звучно встала, скрипнув стулом. Вероятно, она хотела сказать нечто совершенно другое, но, глубоко вздохнув, передумала. Вместо этого, чуть подумав, она ответила спокойно:

— Ничего. И с волей моей все в порядке. Думаю, просто... пришло мое время, отец.

— Что ж, — Ангус задумчиво почесал бороду. — Значит... не зря мы все это затеяли?

Аделина склонилась краснея, и опустила на свое место. Королева, не сводила с Арона любопытного взгляда. Ее словно что-то подогревало изнутри. Было совершенно очевидно, что Гуда давно созрела для того, чтобы стать бабушкой, и, одного внука ей явно было

недостаточно. По лицу Ангуса тоже гуляла еле заметная, насмешливая улыбка. Его здорово забавляла мысль о том, что его буйные дочери вскоре изменятся. А в этом он уже не сомневался. И какие именно метаморфозы и с кем из них произойдут, он мог только гадать. Дело осталось за малым: чтобы кузнецу хватило сил и терпения на каждую из них. Ведь девочки полны сюрпризов. Он то уж точно это знал.

Глава 33. Исцеляющий свет

Время, отведенное судьбой и королем на свидания с дочерьми, неумолимо подходило к концу. Осталось встретиться лишь с одной сестрой. Арон честно приходил к фонтану каждое утро. Несколько дней подряд он проводил там пару часов, и лишь потом занимался подготовкой своего отъезда. Но Далия так и не появилась.

Оставив попытки встретиться с Далией, Арон всецело погрузился в свои хлопоты. Сделать предстояло не мало. Королевская чета, как и обещала, помогла снарядить небольшую экспедицию, и выделила двоих лекарей из числа бескрылых сородичей. Король Ангус охотно предложил свое летательное средство, на котором обычно перевозили королеву Гуду. Но воздушное судно, к его глубокой печали оказалось в плачевном состоянии.

Эсхил на следующий день пригнал с корабля транспортный челнок, снятый с консервации, и еще десяток свежих, солдат. Они выглядели уже иначе. Менее агрессивно, и окрашены в серые тона, дабы не вызывать отторжения у жителей города. Солдаты, конечно, имели скрытое вооружение на всякий случай, но и оснащались солидным инженерным инструментарием. Их задачей было остаться в городе, чтобы детально изучить его. Одного из солдат, Эсхил выделил специально для того, чтобы общаться с королем Ангусом. По его личной просьбе. Короля до чертиков пугало, когда любой находящийся рядом солдат, как ни в чем небывало, продолжал начатый ранее диалог.

До отбытия оставалось всего несколько дней. Арон поддерживал с Кили постоянную связь, и она информировала его о событиях в деревне. Он готов был вылететь к племени в любой момент. Но, пока все было спокойно. Мужчины и женщины, как и просил Арон, занимались расчисткой площадки недалеко от водопада. В своих закромах Эсхил откопал небольшой мобильный госпиталь, состоявший из двух объемных шатров и кое какого оборудования. К слову сказать, королевские лекари без особого труда разобрались что, зачем и как. Эсхил лишь составил краткие инструкции и перевел надписи.

Трюма небольшого грузового корабля вполне хватало, чтобы с комфортом расположить троих пассажиров, продукты глубокой консервации с борта Эсхила, немного провианта из висячих садов Ангуса, кое какие инструменты, лекарства, теплые вещи, одеяла, и прочую утилитарную ерунду. Основной упор делался на потребности рожениц, остальное — чтобы не лететь попусту. Все, что понадобится позднее, привезет Эсхил, либо это будет изготовлено на месте.

Арон так и не выполнил до конца своего обещания. На прогулки возле фонтана времени не оставалось, все оно уходило на подготовку. Сольвейг уже совсем окрепла, и с тоской следила за всей этой суетой. В поведении ее Арон не чувствовал ни ревности, ни укора. От чего на душе его стало заметно спокойнее. Напротив, с ее стороны появилась какая-то поддержка, что ли. Несмотря на то, что им предстояло недолгое, но расставание. Кроме того, Сольвейг в сопровождении тех же сестер, могла навестить его в любое время. Для этого он оставил у дворца один десантный корабль. Конечно, у Ангуса, были остатки былой роскоши, в виде еще нескольких летательных аппаратов, но они пребывали в куда худшем состоянии чем первое судно. Впрочем, Эсхилу не терпелось детально изучить чуждые технологии. В отличии от его судов, эти летали практически бесшумно и принципиально иначе преобразовывали энергию. Арон заранее дал на это добро. Так что, вероятно, вскоре в

белых горах снова будет свой маленький работоспособный флот.

В один из дней на посадочной площадке кузнец заметил Аделину. Она украдкой позвала его за собой. Убедившись, что никто не наблюдает он протиснулся между каких-то старых ящиков, накрытых грубой тканью, и оказался в небольшом закутке. Она была не одна. За руку она держала вторую валькирию. Судя по тому, как побелели пальцы на руке, она притащила ее силком. Без сомнений, это была Даля.

— Покажи! — скомандовала Аделина, разжав, наконец руку.

Даля, болезненно потирая пальцы, бросила короткий, но колкий взгляд на кузнеца. Подчиняясь приказу сестры, она принялась расстегивать кожаную перевязь на ее латном рукаве. Арон и раньше замечал, что в отличии от других сестер, ограничивавшихся только позолоченными наручами, Даля носит полный плечевой доспех. Но он не придавал этому значения, разумно полагая что это связано со специализацией воина. Однако, был оказывается и подвох.

Когда Даля закончила с пряжками, она нехотя стянула свою броню. Под ней был не слишком изящный рукав из толстой ткани, прошитый грубыми нитками. Она протянула руку Аделине, чтобы та помогла его снять. То, что предстало взору Арона, заставило его сердце сжаться. Плечо прекрасной девы, часть груди, и вся рука до запястья была изуродована ожогами и ужасными застарелыми шрамами. Даля, сжав зубы, отвернулась.

— Это сделали люди... — пояснила Аделина. — Даля, самая добрая из нас. Она всегда вела переговоры с людьми. Отец поручил ей заниматься торговлей. Но она слишком доверилась им, и вот что из этого получилось.

— За что? — коротко спросил Арон.

— Всему виной золото, им всегда мало... Ее взяли в залог и пытали чтобы мы приносили больше и больше. Пока Даля, наконец, не вспомнила кто она есть. Они быстро получили по заслугам, но, оставили о себе хорошую память.

— У вас ведь хорошие лекари?

— Да, но нужно было делать все сразу. А она провела в плену не один день. Восстановили что смогли. Теперь ты понимаешь почему она тебя избегает?

— Да. — Арон коротко кивнул. В его голове уже созрел план действий. — Вот только я не совсем человек. И уж точно не из этого рода племени.

Арон вспомнил, что говорил ему отец при их последней, астральной встрече. Взрыв мозга, который он обещал — не произошел. Но именно сейчас в этот момент пришло понимание и уверенность, которых раньше не доводилось испытать.

— Можно? — Арон протянул руку.

Даля испуганно глянула на сестру, но та кивнула уверенно.

Получив доступ к телу, Арон вздрогнул, но руку не отпустил. Боль пронзила его тело в тех же местах, где шрамы были у девы. Его организм начал было их лечить, и Арон прервал этот процесс мысленно. Даля почуяла неладное, и поспешила отдернуть руку. Но кузнец не дал. Ее удивило сколь мягко и столь же сильно он удерживал ее ладонь.

Арон ощутил знакомое покалывание в пальцах. Такое же он чувствовал, когда передавал свои жизненные силы сыну. Долго не думая, он дал волю потоку, стремившемуся попасть в тело Даля. Не став гадать, он решил посмотреть, что будет.

Мягкое свечение, едва заметное при свете дня, словно северное течение под прозрачным льдом, заструилось под ее кожей. Сначала было тепло. Даля с недоумением смотрела на то, как рубцы на ее теле наполняются светом. Было даже забавно. Потом мягкий

свет сменился пульсацией, которая отдавалась в кончиках пальцев. Шрамы заняли с новой силой, а руке и груди стало уже горячо. Вскоре свет в теле ее полыхал, высвечивая вены и мелкие кровеносные сосуды. Казалось, под кожей бушевал настоящий пламень. Далия застонала от боли, и попыталась вырваться, но Арон ее не отпускал. Лицо Аделины исказилось гримасой боли, и она попыталась помочь сестре. Но Арон одарил ее таким взглядом, от которого ноги у людей подкашиваются. Она уже видела на примере собственного отца, к чему приводит гнев этого человека. Да и человека ли?!

Минуту спустя, Арон разжал пальцы. По лбу его струился пот, вены вздулись. Ощувив свободу, Далия попыталась взлететь, но этого у нее не получилось. Тогда, оставив свои вещи, она бросилась наутек бегом, вцепившись в израненную руку.

— Интересно, это всегда будет так болезненно? — Буркнул Арон себе под нос.

Вспомнив, что не один, он обернулся. Аделина стояла рядом в полном оцепенении. В ее расширенных зрачках застыл страх. Арон помахал рукой перед ее лицом. Очнувшись, она попятилась назад.

— Тихо, тихо.... Ничего плохого не случилось.

Арон взял ее за талию и подтянул к себе. Грозная валькирия была бледна, холодна, и дрожала словно осиновый лист. Кузнец прижал ее чуть сильнее и погладил по спине.

— Прости, я не хотел тебя испугать. Я не буду больше так делать. — пообещал он.

— Что это было? — прошептала она дрожащим голосом.

— Моя жизненная сила. Ты разве не видела это раньше? Я просто немножечко поделился, — ответил он тихо, почти нежно.

— А так разве можно?

— Похоже, теперь можно. И это было больно. — признался кузнец.

— Тебе тоже? — удивилась она.

— Да, причем весьма. Разве по мне не видно?

— Я к этому, наверное, не смогу привыкнуть, — всхлипнула Аделина. Ее страх начал выходить слезами.

— Ну вот и ладно, — вздохнул кузнец облегченно. — Тебе уже лучше?

— Да, немного.

Кузнец продолжал поглаживать Аделину по спине, до тех пор, пока она не перестала дрожать. Потом мягко взял ее запястья и поцеловал холодные руки. Этот жест удивил Аделину. Раньше так никто не делал. Разве что отец, когда-то очень давно. Еще в детстве.

— Аделина? У меня есть к тебе просьба.

— Да? — она вздрогнула, услышав свое имя.

— Проведай свою сестру сегодня. Боюсь, сделав больно, я окончательно испортил с ней отношения....

— Это точно... — вздохнула она, подбирая с земли часть доспеха сестры. — И меня перепугал насмерть. Наверное, не усну сегодня.

— Мне стоило подумать дважды прежде, чем что-то делать. Но, уже ничего не поправить. Прости... клянусь, я больше никогда не сделаю тебе больно.

— Ладно, — улыбнулась могучая Аделина и потрепала кузнеца по голове, — Не нужно давать такие серьезные клятвы. И потом, грань между болью и удовольствием едва различима.

Когда плечи и лицо Аделины вновь порозовели, и она окончательно взяла себя в руки, они расстались. Вечером того же дня, Арон все рассказал Сольвейг. Она, конечно,

удивилась, но восприняла новости спокойно. Продолжая кормить малыша грудью, она внимательно выслушала рассказ Арона. И посоветовала ему самому успокоиться.

Какое-то время они просто молчали, наблюдая за тем, как сладко засыпает их дитя. Осторожно забрав его у Сольвейг, Арон уложил сына в ясли так, чтобы тусклый свет не попадал ему в глаза. Потом, пристроив голову на колени своей бестии, он наконец, вытянулся во весь рост.

— Так значит... осталась только Даля? — уточнила Сольвейг.

— Да. Но, похоже, я все испортил своими фокусами.

— А что ты хотел сделать?

— Не знаю. Облегчить боль....

— Получилось?

Арон пожал плечами.

— Хочешь, я поговорю с ней? Я бываю очень убедительна, когда нужно.

— Нет! — вздрогнул Арон. — Не стоит. Аделина сама поговорит с ней.

— Я пошутила, — призналась Сольвейг.

— Не смешно... — буркнул Арон.

— А как тебе вообще мои сестры?

— В каком смысле? — не понял он вопроса.

— Во всех смыслах, дорогой, — нарочито мягко пояснила она.

— Да как сказать? Каждая из них по-своему хороша, — уклончиво ответил он.

— А кто понравился больше? — не унималась она.

Арон задрал голову и всмотрелся в ее лицо. Но в нем не было ни упрека, ни сарказма, ни насмешки. Только легкая ироничная улыбка на губах.

— Аделина и Аста, — признался он искренне.

— Аста?! — Сольвейг рассмеялась. — А я больше склонялась к Фриде, или Агнете.

— О, нет... пить с ними это самоубийство. А вот Аста поразила меня. Прежде всего своей прямоотой. Она отнюдь не глупа, ловит все на лету... и у нее чудовищные рефлексy! А еще удивила ее скромность во всем. И холодна она только внешне.

— Никогда не знала ее с этой стороны... но, наверное, тебе виднее. А что же Аделина?

— За ее грозным фасадом скрывается целое море заботы. Она без колебаний закроет каждого из вас своей грудью. Ну или прижмет к груди. В любом случае, это будет от души.

— Ты удивительно проницателен, — рассмеялась Сольвейг.

Наконец, Арон решился задать вопрос, ответ на который его больше всего беспокоил. Он прикрыл глаза, и выдержав длинную паузу спросил:

— Скажи, Сольвейг, а зачем вообще ты все это затеяла.

— Отец попросил. Еще немного, и ему самому пришлось бы сделать это. А возлежать с собственными дочерьми, для короля последнее дело... — почти серьезно ответила она.

— Не верю ни единому слову, — отрезал он.

Сольвейг вздохнула удрученно и поняв, что от разговора не уйти, решила выдать все что на душу легло. В конце концов, если не ему, то кому же?

— Ты боишься, что во мне разыграет ревность? — прямо спросила она.

— Я как-то видел тебя в гневе, — напомнил он.

— Да, да... — согласилась Сольвейг, — Но тут другое. От части, я хотела помочь папе с мамой. Они давно хотят внуков. От части отблагодарить тебя, как следует, за все горести, что ты испытал. Ведь в твоей жизни женщины приносили лишь беды и разочарование, а мои

сестры прекрасны.... Еще я хотела поделиться тобой, для того чтобы они хоть отчасти прочувствовали то, что прочувствовала я. Ведь ты уникален. Без шуток — ты ведь единственный в своем роде.

— Продолжай... — поддержал ее Арон, и тут же получил короткую затрещину.

— Ты не понял главное во всем этом. Поделившись тобой с сестрами, я хотела показать, что ты не должен зацикливаться на мне. Все что мог, ты для меня уже сделал, и я принимаю это с благодарностью. Ты не должен принадлежать только мне.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он задумчиво.

— На мне слишком много грехов, чтобы опускаться до мелочной ревности. Когда я держу сына в руках, то невольно задумываюсь, достойна ли? Ведь на них столько невинной крови.... Ты же, в состоянии изменить этот мир. Ты должен быть открыт для всех. Ты уже сделал нашу жизнь лучше. Продолжай в том же духе. Неси свет и надежду.

— Даже так...? — он тихо встал, потер лицо руками и посмотрел в окно. Небо уже совсем потемнело, но звезд еще не было видно. Закат светлой полосой окрашивал линию горизонта.

— На мне тоже не мало крови... — возразил кузнец задумчиво.

— Тебя, как и меня мучает совесть. До встречи с тобой я и не ведала о ее существовании... — усмехнулась Сольвейг.

— Да, есть такое, — эти муки кузнецу были хорошо знакомы.

— Так вот... так же, как и ты со своим племенем, я ищу искупления. И сделаю все, чтобы этого добиться. Ты не представляешь сколько боли я причинила родным людям за последние столетия. Когда я была в твоём доме все было совсем по-другому. Меня хотели поймать и казнить... Сейчас же все резко изменилось. Я до сих пор не верю, что такое возможно. Я не заслужила прощения.

— Пока не заслужила. Ты слишком глубоко копаешь, — улыбнулся Арон. — Попробуй начать все заново. Тебя любят, а все плохое забудется. Жизнь сложная штука, и порой даже мудрецы не могут разобрать что есть зло, а что благо. Если хочешь, чтобы тебя не обокрали — научись красть. Хочешь, чтобы не убили — стань и в этом лучшей. Хочешь, чтобы не обманули — умей лгать лучше всех. Это болезненный, а от того очень ценный опыт. Просто храни его и не дай другим сделать те же ошибки.

— Я... над этим подумаю. А сейчас я хочу, чтобы ты делал то, что считаешь нужным. Что бы ты ни делал, с моей стороны никогда не будет к тебе ревности, упрека или осуждения. Я всегда буду только на твоей стороне. Чего бы это ни стоило.

Она была так решительна, что кузнец невольно улыбнулся. Он, присел у колен Сольвейг и пристально взглянул в ее глаза. В них не было и тени сомнения. Он бережно убрал рыжие локоны с ее лица и поцеловал в губы. Почему-то вспомнились мудрые слова Аделины:

— Не нужно давать такую суровую клятву. Просто верь в меня, когда никто другой уже не будет верить. И тогда у меня будут силы чтобы двигать горы.

— Отец сказал, что они у тебя и так есть, — улыбнулась Сольвейг.

— Ему виднее, — Улыбнулся Арон загадочно.

— Ты, все же не отказывай во внимании моим сестрам, прошу тебя. Особенно Аделине. Похоже она прониклась к тебе после вчерашней ночи.

— Обещаю, — улыбнулся Арон. — Тут уже без вариантов.

— В каком смысле? — не поняла она.

— Она носит моего ребенка, — напомнил он.

— Ну да... — Сольвейг слегка покраснела.

В дверь тихонько постучали.

— Кто там? — негромко спросила Сольвейг.

На пороге показалась взволнованная Аделина.

— Ну вот, я же говорила, — усмехнулась Сольвейг.

— Прости сестренка, что так поздно. Тут Далия... В общем, на пару слов твоего... мужа.

Сольвейг устало подмигнула Арону и качнула головой в сторону двери. Арон слегка сжал ее руку и встал.

— Иди уже, недостойный муж, потом расскажешь, — поторопила Сольвейг настойчиво.

Арон повиновался. По встревоженному лицу Аделины, можно было предположить, что стряслось нечто невообразимое. По обыкновению, своему она схватила его за руку и потащила вдоль галереи, сквозь округлый зал, по направлению к крытому саду. Туда, где только на днях восстановили стеклянный купол. Вдалеке у мраморной балюстрады нервно переминалась с ноги на ногу Далия. При появлении Арона волнение ее только усилилось. Она не могла спокойно стоять на месте, не знала куда деть руки, а кончики крыльев предательски подрагивали. Арон почувствовал себя виноватым.

— Что стряслось? — тихо спросил он у Аделины, пока Далия еще не могла их слышать.

— Не знаю. Вцепилась в меня как умалишенная и потребовала, чтобы я привела ее к тебе. Будь осторожен, если что я подстрахую.

Арон молча кивнул. Аделина смотрела на него настороженно. Ей совсем не хотелось повторения утреннего инцидента, или чего похуже. Когда они достигли сада, Далия уже во всю обдувала себя крыльями. Она выглядела встревоженно, но не агрессивно. Ее правая рука была плотно замотала в плащ.

— Так что стряслось? — не выдержала Аделина.

— Я... не знаю. Хочу, чтобы этот... все объяснил! — Далия больно ткнула Арона согнутым пальцем в грудь.

Аделина попыталась сорвать с сестры ткань, но вышло не сразу. Когда же та соскользнула, губы ее дрогнули. На том месте, где еще утром красовались фактурные шрамы и узлы от ожогов, теперь отсвечивала в полутьме ровная вполне здоровая кожа. Разве что маленькие белесые полосочки проступали то тут, то там. Арон подошел ближе и осмотрел руку Далии от кончиков пальцев то самой груди.

— Так не бывает.... — пробормотала она растеряно.

— Ты не в обиде? — ровно спросил он.

— Теперь нет...

— Пользуйся на здоровье, — Арон сказал это так, словно делал подобные вещи каждый день.

— Спасибо... наверное? — прошептала ошеломленная Далия.

— Прости, если сделал больно. Я не со зла.

— Боли не было, я испугалась... — призналась она. — Но было горячо.

— Совсем без боли не бывает. Несколько дней на солнце и твоя рука перестанет быть бледной. Рубцы тоже постепенно сойдут.

Сказав это, Арон удивился, откуда он вообще знает, когда пройдут рубцы.

— У тебя кровь, — вдруг заметила Аделина.

Арон увидел под ногами и на одежде несколько больших темных капель. Голова

закружилась. Сильные руки Аделины и тут выручили его.

— Опять носом пошла, — посетовал он смущенно.

— Без паники! — раздался знакомый голос где-то близко.

Из тени на свет шагнул один из солдат Эхсила. Закатав рукав Арона, он проворно открыл подсумок, достал уже знакомый белый прибор, отделил от него круглый аппликатор и шлепком прилепил его на руку.

— И долго это будет продолжаться? — уточнил Арон.

— До тех пор, пока не усвоится вся полученную информацию. Сейчас она находится в сжатом состоянии, и твой мозг без усталости создает тысячи новых нейронных связей. Ему не хватает ресурсов. Нужно хорошо питаться, много спать и вовремя менять аппликатор.

— Ясно.... Спасибо Эхсил.

Кивнув в ответ солдат учтиво поклонился дамам, сделал шаг назад, и вновь растворился во мгле.

— К этому я тоже никогда не привыкну! — воскликнула Аделина.

Арон не стал ей отвечать. Видеть восторг и смущение в лице Далии было, конечно приятно. Но, куда приятнее было осознавать, что может он теперь куда больше, чем раньше. О чем еще отец не посчитал нужным ему сказать?

— Завтра, или послезавтра, мы улетаем, — зевая протянул Арон. — Будет насыщенный день. Так что, милые дамы, я вас покину. Меня ждет Сольвейг и мягкая постель.

Арон пожал руку Далии и повернулся к Аделине. Вместе с рукопожатием, он придержал ее предплечье второй рукой.

— Что?! — смутилась она, гадая, что сделала неправильно.

— Знаешь Аделина, ты верная, заботливая и очень чуткая сестра. Это прекрасно...

Сказав это, Арон, зевнул и поплелся в свои покои, напоследок подняв над головой кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Так и есть, ты прелесть... — тихо подтвердила осмелевшая Далия, окончательно вгоняя Аделину в краску.

Глава 34. Все по плану

Утром следующего дня на взлетной площадке все уже кипело. Когда Арон пришел, его верные солдаты выставили приготовленный груз, чтобы провести окончательную ревизию. Двое лекарей в компании с солдатами увлеченно разбирали шатры полевого госпиталя и запаковывали их обратно в ящики. Невдалеке маячил силуэт Ангуса. Он стоял возле сломанного позолоченного челнока и что-то размашисто объяснял выделенному лично для него солдату.

— Как наши дела? — спросил он в пол голоса.

— *Все по плану*, — ответил голос в голове.

— Ангус еще не утомил тебя?

— *Я слышу иронию в твоём голосе, но, нет. Он восхищает меня.*

— Даже так? — усмехнулся кузнец.

— *Ты не представляешь как удивительно четко работает его мозг и восприятие. И, он так эмоционален в последнее время. Это забавляет.*

— Да, я отсюда вижу. Ты уже разобрался с их техникой?

— *Еще нет. Но, это удивительно. Принципы те же, но, как именно они взаимодействуют, еще предстоит понять. Я, кажется взволнован.* — признался Эсхил.

— Что-то новенькое... А как дела в деревне обстоят?

— *Пока все ровно. Без изменений. Визуальное наблюдение обнаружило несколько новых волков. Они видимо пытались вернуться в логово, но пройти не смогли.*

— Вот как? Что ты с ними сделал?

— *Ничего. Пометил маячками. Отслеживаю. Есть вероятность, что они знают неизвестный мне проход в долину. Я хотел бы его отыскать.*

— Мудро — согласился кузнец. — Смотри чтобы никого не сожрали. Этого не хватало.

— *Принято*, — отозвался Эсхил.

Арон провел в задумчивости весь день. Ничего особенного он не решал, все важное уже было сделано, просто разные мысли лезли в голову. Одни он примечал, другие тут же выкидывал. Третьи — оставлял на потом. Они были интересными, но не ко времени. Стимулятор, который Эсхил прилепил к его плечу действовал благотворно, но все же хотелось как-то отвлечься, отдохнуть. Например, поплавать. Арон вдруг вспомнил про горячий источник, который, по рассказам его благоверной был где-то здесь. Солнце перевалило за полдень. Все дела, которые требовали его личного внимания, вроде были сделаны. Кровь носом не идет... почему бы и нет?

— Эсхил?

— *Да, Арон?*

— Проведи меня к источнику. Давно хочу его посетить.

— *Прямо сейчас?*

— Да. Я тут вроде бы уже и не нужен.

— *Одну минуту....*

Из числа новоприбывших солдат отделился один в серой форме и направился к Арону. Поравнявшись, он указал направление рукой.

— Веди! — скомандовал кузнец — Я пойду следом.

Путь к источнику оказался неблизким. И, по большей части в горку. На самой окраине

города, рядом со скалистым обрывом был проделан узкий извилистый проход. Если не знать, то найти его сразу будет не просто. Дно его было ровным и посыпано гравием. Проход вел к просторному каменному мешку, освещавшемуся сквозь ровное круглое отверстие на вершине свода. Пол был облагорожен аккуратным деревянным настилом, у фактурных стен расставлены массивные скамьи. В центре стоял каменный стол, высеченный из единого куска мрамора. По периметру помещения стояли декоративные фонарики на длинной подставке. Кристаллы в них светились скорее для уюта, чем для света. Справа же, обрамленная листвой и деревянными дугами, зияла округлая, темная дыра. В нее вели ступеньки, вырубленные в белесой мраморной породе. Оттуда веяло теплом и влагой. Где-то вдали тускло мерцал свет.

— Дальше я сам, — Арон жестом отпустил солдата, и тот послушно ретировался.

Спускаясь в темноту, Арон то и дело прислушивался. Глаза быстро привыкли к полумраку. Метров через пятьдесят, его нога ступила на деревянную площадку. Чуть поодаль, под рукотворным сводом раскинулся большой округлый бассейн. Вода в нем слабо мерцала, отражая свет фонарей. Дно было ровным, разной глубины и выложенным из множества мелких шероховатых камешков. Мелкие пузырьки, просачиваясь меж камней, медленно поднимались к поверхности воды. От краев бассейна и до стен пещеры оставалось достаточно места, чтобы вытянуться во весь рост. Это пространство тоже было облагорожено ровным деревянным настилом, повторяющим контуры бассейна. В стенах, ближе к полу и в потолке зияли небольшие отверстия вентиляционных каналов, закрытых грубоватыми стальными решетками. Через них пробивался тусклый, еле заметный свет. По полу слегка тянуло сквознячком. Но он тоже был теплым.

В пещере никого не было. Абсолютный покой нарушал только легкий плеск воды. Арон подумал, что еще ни разу не был в подобном месте. Да и купаться приходилось только в холодной реке, или поливаясь с кувшина. А здесь было тепло, достаточно места чтобы поплавать или просто посидеть по шею в воде. Он расстегнул ремень и стянул сапоги. Одежду и вещи сложил на ближайшую к нему скамью. Присев на край настила, он сначала опустил ногу, а потом, стараясь не нарушить атмосферу этого места, погрузился в бассейн целиком.

Вода здесь была густой, плотной, солоноватой на вкус и источала едва различимый запах серы. Было приятно двигаться в ней, ощущая теплые завихрения кожей. Проплыв несколько раз от края до края, Арон распластался на спине. Вода без труда удерживала его на поверхности. Рукотворный свод над головой живописно мерцал вкраплениями кварца и прочих минералов, а также налетом испаряемых бассейном солей. Это было великолепно.... Проведя в таком положении около получаса, Арон нырнул под воду. Оттолкнувшись от борта, он медленно всплыл. Задержав дыхание, он ощущал, как приятно щекотят его многострадальное тело, струйки пузырьков, медленно взвиваясь со дна. Наконец, он доплыл до мелководья, и распластав руки в стороны, расселся по грудь в воде. В сознании и мышцах его воцарилась не виданная доселе благодать... Однако долго один он не был вскоре в пещеру заглянула Аделина, ведя за руку смущенную, но полную решимости Далию.

Хорошо то, что делается в свое время, ибо течение его не изменить. Утро следующего дня ворвалось в сон кузнеца внезапно. Солдат Эшила не слишком бережно растормошил его, лишь солнце показалось над горизонтом.

— Началось! — тихо объявил он.

— Так сразу?! — возмутился не отошедший от сна Арон.

Поцеловав сонную Сольвейг, и взглянув на ребенка, он нехотя выполз из-под теплого крыла. Натянув сапоги и комбинезон, он уже на ходу застегнул куртку. Было слышно, как за стенами дворца взревели двигатели кораблей, содрогнув предрассветный город. Пробежав по длинной галерее, Арон не встретил никого. Лишь на минуту задержался все у того же зеркала. Теперь смотреться в него можно было без трепета и сожалений. Вид его вернулся к норме. Внешне Арон выглядел так же, как запомнили его жители деревни. Разве что волосы так и остались седыми. Добежав до зимнего сада, Арон скатился по широким перилам и покинул стены дворца. Охрана у ворот почтительно расступилась. По пути к взлетной площадке, к ним присоединилось еще трое механических солдат, тащивших за собой двоих заспанных лекарей и сумки с личными вещами.

Светало. Истребитель, пилотируемый Эсхилом, уже парил в вышине, согласно протоколу прикрывая взлет группы. Десантный корабль тоже оторвался от земли и парил в паре метров от нее. Второй такой же, как и обещал Арон, остался на приколе недалеко от стен дворца. Кроме нескольких стражников на площадке стояло с десятков заспанных зевак из числа горожан. Чуть позже приземлились старина Хаук и, конечно же Уна.

Пожав старику руку, Арон слегка приобнял мать и хотел было двинуться дальше. Но она резко одернула его. Арон сконфуженно глянул на Хаука, и перевел взгляд на мать.

— Я полечу с тобой! — категорично заявила она.

Арон снова взглянул на Хаука, но тот лишь развел руками.

— Ты тоже? — обратился он к старику.

— Что ты! Слава богу я не твоя мать. Похоже, что ей не терпится увидеть внуков... — усмехнулся он, не скрывая иронию.

Арон как-то совсем упустил этот факт из виду. И ведь правда, это было шуткой только отчасти. Если он ее сын, то его дети соответственно....

— Твое появление сведет на нет мои усилия. Я специально просил у Ангуса врачей из числа бескрылых. Люди могут испугаться.

— Если им суждено обделаться, они сделают это куда раньше! — она ткнула пальцем в сторону ревуших в небе машин.

— Твоя правда. Прости. — Арон задумался.

— Хуже точно не будет, — подбодрил его Хаук. — Что касается детей, твоя мать сущий ангел. И это чистая правда.

— Ясно, — коротко кивнул Арон.

Пожав еще раз руку Хаука, он взял мать под локоток, и быстро повел за собой. Он хотел помочь ей подняться по аппарели, но та, оттолкнув сына, гордо взошла на борт. Следом взобрались медики со своими сумками. Последними вбежали двое серых и двое темных солдат. Грузовое судно с усиливающимся ревом оторвалось от земли и аппарель быстро закрылась. Звонко сработали фиксаторы груза, звякнули запоры внешних люков. Арон плюхнулся в кресло, отодвинув крыло Уны в сторону, и взглянул в низ. Через маленький иллюминатор в полу было хорошо видно весь город. Он быстро удалялся, оставаясь где-то внизу. А потом и вовсе скрылся из виду.

Вот и все.... Красивая сказка кончилась, дальше его ждала уже другая жизнь. И только сидящая рядом Уна напоминала о том, что все это явь, а не вымысел. Примерно через пол часа полета на связь вышла Кили. Эсхил тут же перевел ее на Арона. Уна ошарашенно смотрела, как ее сын разговаривает сам с собой. Позднее он, конечно, посвятит ее во все тонкости, и вживит такой же передатчик. Но сейчас нужно было спешить. Эзрин, глава

поселения уже начала подготовку к родам. Воды отошли пока у двоих. Арон тут же известил об этом лекарей, и те, с опаской отстегнув ремни, подготовили экстренный контейнер, прозорливо собранный накануне.

Уна выглядела бледно. В полете она чувствовала себя крайне некомфортно. Тесный трюм с низким потолком довлел над ней. Но она стойко терпела. Ведь это было ее решение. Арон обнял мать и поцеловал ее руку. Лететь оставалось совсем не долго, минут двадцать. Эшил час назад снял силовое поле и подсветил место посадки. Вдалеке уж виднелись очертания огромного горного массива, в недрах которого пряталась та самая долина. Всматриваясь в даль, Уна заметила короткие яркие всполохи в горах.

— Что это? — встревожилась она.

— Волки... — скупое ответил один из солдат.

— Как так, снова? — удивился Арон.

— Они скопились на горном плато, над долиной. Силовой купол сейчас отключен. Волков ничего не сдерживает. Истребитель проводит частичный отстрел.

— Частичный? — повторила Уна.

— Да. Племени нужно чем-то питаться, — лаконично ответил солдат. — А волки приходят сами. У них отличное мясо. Нужда в охоте отпадает.

Уна взяла Арона под руку и прижалась к его плечу. Она чуть заметно дрожала. Через несколько мучительно долгих минут, корабль пошел на снижение. Иллюминаторы заслонили темные скалы. На мгновение внизу мелькнул водопад. Судно плавно развернулось и пол дрогнул. Громко взыв, двигатели сменили рев на свист, а потом, и вовсе затихли. Когда снаружи осела пыль, корабельная аппарель, щелкнув замками, опустилась на землю. Включился внешний свет. Хотя солнце уже взошло, в долине еще царил мрак. Первые лучи только-только коснулись скальной верхушки.

Арон первым ступил на поляну. Как и было задумано, грузовик сел недалеко от водопада. Здесь все изменилось. Появились хозяйственные постройки, бревенчатые дома. Бродил кое какой испуганный скот, истошно лаяли собаки. Из полумрака на встречу кузнецу двигались четыре фигуры. Он сразу узнал Кили и Эзрин. Имен мужчин с копьями он не вспомнил. Кили робко попыталась его обнять. Хоть он и говорил ей как все будет, она все же с опаской косилась на странных солдат и ужасный корабль.

Успокоив беременную Кили, Арон поздоровался с Эзрин. Та к его облегчению отнеслась ко всему философски. Последними борт корабля покинули медики, ведущие под руки бледную Уну.

— Ты же сказал, что крылатых не будет... — обомлела вдруг Кили.

— Успокойся, — как можно дружелюбнее улыбнулся Арон. — Это моя мать.

— Мать? — переспросила Эзрин, выказав еще большее удивление.

— Вам еще многому предстоит учиться и удивляться. Я прилетел не в гости, — пояснил спокойно, но твердо.

— Этого мы и хотим, — улыбнулась Эзрин, заглянув в его глаза.

— Тогда заткните уши и ничего не бойтесь!

Арон махнул рукой, и с неба опустился еще один дышащий пламенем корабль. А следом и истребитель. Голубоватое сияние тут же сомкнулось над долиной, обезопасив ее не только от волков, но и от всех угроз этого мира. Кили больно вцепилась в его руку, но не сошла с места, стойко борясь с первобытным страхом. Арон лишь улыбался. Его переполняла какая-то непонятная радость и воодушевление.

Странные безликие люди выпрыгнули из второго корабля и затеяли подозрительную суету. Люди в белых балахонах развернули два красивых шатра и наполнили их светом. На полянке вдруг появились какие-то ящики, светящиеся столбы, от которых исходило приятное тепло. Запахло готовящейся пищей. Эзрин смотрела на все это со слезами радости на глазах. Она ни чёрта не понимала во всем этом балагане, но чуткое женское сердце и богатый жизненный опыт подсказывали, что бедам ее пришел конец.

Неделя прошла напряженно. В общей сложности на свет появилось девять детей. Из них одна двойня. В основном родились мальчики, но была и одна девочка. Арон открыл для себя две важных вещи:

Во-первых, оказалось, что не обязательно ждать рождения ребенка и подвергать несчастную мать испытаниям. Достаточно было незаметно «подсветить» живот роженицы во время схваток. Он проделал это на Кили, так как она была первой. Их соитие на пути к деревне не прошло даром. Ребенок родился здоровым и без изъянов. С остальными роженицами тоже все прошло более или менее гладко. Доктора, хоть и не принимали родов последние лет сто, справлялись со своими обязанностями превосходно. Арон боялся, что все будет хуже.

А во-вторых, Уна, и в самом деле оказалась крайне полезной во всем, что касалось детей. Сменив латы на белую тогу, она отлично вошла в роль сестры милосердия. Да и внешне она стала походить больше на ангела, чем на оружие во плоти. С клинком, конечно, она не расставалась. Но в остальном...

Улучив свободную минутку, Арон уселся на краю скалы, там, где плато обрывалось вниз, в долину. Рядом с тем местом, где горная река превращалась в водопад. Метрах в десяти от него за мерцающей синеватой преградой, живой стеной стояли панцирные волки. Они хорошо уяснили, где граница силового поля, и чем страшна стальная птица, что живет теперь там, в долине. Но им было и невдомек, что теперь стая стала стадом. А сами они — пищевым ресурсом. Как быть с этим, он уже решил, а вот как поступить со всем, что открывалось его взору?

Оглядывая просторную долину с высоты птичьего полета, Арон живо рисовал в голове картинки того будущего, которое всех ждет. Он отчетливо видел то, что скоро станет явью. Совсем скоро, через несколько дней, он построит временные жилища для своих людей. Затем, в скальной породе он вырубит просторные галереи и устроит там ангары для кораблей, склады и производственные цеха. Выработанную породу он разделит на металлы и минералы, такие как золото, кварц, бурый железняк и базальт. Эсхил сказал, что все это тут есть. Часть материалов он потратит на постройку капитальных теплых жилищ, ферм для животных и хранилищ для еды. Все это будет строиться с запасом, так как население будет постепенно расти вместе с запросами. Он разобьет сады там, где солнца попадает в долину больше всего. И научит людей как выращивать овощи зимой. Если будет нужно, он разобьет пшеничные поля прямо на скалах, поверх обширного плато. Свой дом он устроит ближе к водопаду, в скале, чтобы наблюдать за всем что происходит в долине, с высоты. И чтобы крылатые собратья без труда могли прилетать к нему. Из золота он отчеканит монеты, на которые будет скупать все, чего у него нет. Ресурсы корабля велики, но не безграничны. И потом, люди сами должны вершить свою судьбу. Он их обязательно научит.

Он воздвигнет город, который станет неприступной цитаделью для врагов, болезней и человеческой глупости. Люди во внешнем мире со временем начнут умнеть, нарисуют подробную карту мира, построят первые машины, научатся летать, затеют страшную войну.

Этого не избежать, но можно подготовиться. Рано или поздно, самого его не станет, но останется Эсхил. Он, Арон возложит на него функции строгого, но любящего и справедливого бога для своих детей. Ведь он машина, и будет существовать вечно. Арон, конечно, обдумает, как это случится. Время еще есть.

Что же касается белых гор и крылатого народа — они тоже теперь под его защитой. Король Ангус плохо представляет сколь сильного союзника он приобрел благодаря своей справедливой мудрости. И, конечно, Сольвейг... он постарается сделать ее жизнь полной радости и впечатлений. Не забудет и про сестер, ведь они дороги ей.

Подумает он и о многом другом, что таится в этом многообразном мире. Кроме валькирий и людей здесь живет еще множество народов и племен. Они таят в себе как открытия, так и опасность. Кроме того, еще есть и магия в которой он совершенно не силен, и даже не имеет понятия о ее сути. Опасности, что могут буквально упасть с небес, тоже никто не отменял, и его собственный корабль тому яркое подтверждение.... Если думать сразу обо всем, может лопнуть голова. Нужно начать с малого, а там по обстоятельствам. Хватит ли ему времени и сил? Примерно год назад он даже не представлял как перевернется его жизнь. Он мог позаботиться только о себе. Даже Кили не смог как следует пристроить. А теперь он принадлежит аж трем разным народам и мирам. Не считая обычных людей, с которыми прожил бок о бок целую жизнь....

— Эсхил ты здесь? — спросил он в пустоту.

— Конечно, Арон, — отозвался спокойный голос в голове.

— Скажи, как долго я проживу?

— Точно не знаю, Арон. Мои понятия о жизни и смерти ограничены рамками восприятия. Я не живой. С точки зрения технологий, я могу поддерживать любую органическую жизнь хоть тысячу лет. Но ты выпадал из этого уравнения, как минимум дважды. Ты перешагиваешь через грань жизни и смерти, как через порог. Причем в обоих направлениях. Возможно, смерть не властна над тобой. Прости, но это выходит за рамки моего понимания.

— А как долго будешь жить ты?

— Существовать, — поправил его искусственный разум.

— И все же?

— У меня множество резервных копий... ячеек памяти и исполнительных механизмов. Обширная база данных. Я не вижу причин прекращать свое существование когда либо, Арон.

— Пусть так и будет, — улыбнулся кузнец.

— А почему ты спрашиваешь?

— Да так... Строю планы на будущее. Там для тебя есть отличная роль.

— Что за роль? — удивился корабельный разум.

— Все мое время Эсхил. Я дам тебе знать.

— И так, что ты намерен делать дальше Арон.

— Дальше? — кузнец пожал плечами.

Он встал на ноги, вдохнул чистый горный воздух, подставил лицо под лучи восходящего солнца. Почесал затылок, а потом зад....

— А дальше, я буду ломать и строить... Падать и снова взлетать.... Любить... и спорить с судьбою.

— Арон, что ты делаешь?

— Собираюсь прыгнуть.

— *А ты уверен, что это необходимо?*

— Конечно, — рассмеялся кузнец. — Ведь это самый быстрый способ спуститься!

С этими словами он оттолкнулся от земли, сложился пополам в воздухе и, с головокружительной высоты прыгнул вниз...

Глава 35. Большие перемены

Вот он, новый день новой жизни... Проснувшись под крылом матери, Арон поежился от утренней прохлады. Он засыпал один, но Уна не найдя себе места, пришла ночью. Первым делом он попросил Эзрин собрать племя. Не считая двоих охотников и торговца, которые еще не вернулись из внешнего мира, собралось всего человек двадцать. Без учета новорожденных. Всего же, в племени осталось двадцать пять человек. Из них двое детей лет десяти, восемь рожениц, сама Эзрин, еще две женщины примерно ее возраста, и пятеро крепких мужчин.

— Это все? — с надеждой спросил Арон.

— Да, — отозвалась Эзрин. — Где-то тут еще бегает пара ребятишек. Ну а наших стариков мы еще тогда похоронили.

Арон удрученно вздохнул. Похоже вчерашним грандиозным планам суждено было сбыться не скоро. По-видимому, на это уйдут годы. Арон оглядел свое скромное племя и улыбнулся.

— Меня зовут Арон, если кто не помнит. Вы называете меня злым воином. Возможно, это и так, но в долгу перед вами. От части, по моей вине вы оказались в таком положении. Но я не стану просить прощения, так как теперь это не имеет смысла. Ничего не изменить.

Он замолчал, ожидая услышать выкрики в свою сторону. Но этого не случилось.

— Арон, Кили рассказала кто скидывал нам со скалы волков в эту зиму. — Призналась Эзрин.

— Вот как... — он мысленно похвалил Эсхила за сообразительность.

— Скажи, что ты задумал и мы приложим все силы чтобы выжить. Мы приняли это решение еще до твоего прихода. Ты станешь нашим вождем?

Он покачал головой.

— Нет. Я хочу, чтобы вожде оставалась Эзрин. У нее это хорошо выходит. Я же сделаю так, чтобы вы не мерзли, не болели и не голодали. Я научу вас строить, нападать и защищаться, читать, писать, а главное — думать. И жить вместе так, чтобы жизнь приносила радость. Я бы мог все решить за вас, но не стану этого делать. Конечно, я помогу во многом, но свое будущее вы будете строить своими руками. Как вам такие перспективы?

— Но нас слишком мало, нужно еще как-то защищаться! — выступил один из мужчин.

— Как твое имя?

— Бруни!

— Это мой сын, — сообщила Эзрин.

— Ну что ж, Бруни, ты прав — безопасность важное дело. Для этого я привез сюда несколько солдат. Им не нужен ни сон, ни отдых. Они и займутся нашей обороной. Двое лекарей пока что будут следить за нашим здоровьем. Крылатая дева, которая помогала принимать роды научит мужчин драться.

— А женщин!?

— И женщин тоже, если желающие будут. Но, я бы предпочел, чтобы они растили детей, а не воевали. Но в основном, мы с вами будем все же строить. Разобьем сады, запрудим озеро рыбой. Сделаем все, чтобы у наших детей было будущее.

— А если кто-то из нас захочет уйти, ты убьешь его? — спросил мужчина постарше.

— Твое имя?

— Рой, мое имя. А то, что ты предлагаешь смахивает на рабство!

Арон задумался. Об этой стороне дела он как-то не подумал. Но решение само собой пришло в голову.

— Каждый волен уйти, Рой, так же, как и вернуться. Эзрин ваш вождь, и она знает ваши законы. Я же здесь для того, чтобы мои дети ни в чем не нуждались. Да, кое-что изменится, но на вашу свободу это не повлияет.

— Хочется в это верить, — вздохнул Рой. — Но ты забрал лучших женщин!

— Рой... ты же видел, как это было? Я зачал детей не по своей воле. Я даже имен не помню...

— Вот как... значит они вольны жить с кем хотят?

— У меня уже есть любимая женщина, Рой, и других мне не нужно.

— А откуда все это? — не унимался мужчина. — Крылатая дева, еще куда не шло, но, стальные птицы и эти твои безликие солдаты. Я рад, что они на нашей стороне, но... ты точно человеком рожден?

Рой озвучил вопрос, который волновал всех в селении. И на него надо ответить...

— Родился и вырос в деревне. Там, где Кили прожила последние годы. Мать моя крылатая дева — это она принимала роды. Отец же мой пришел издалека. Он тоже был человеком, но домом ему служили звезды. А то, что вас так пугает — всего лишь его щедрое наследство. Чистой воды наука, и никакой магии. Вскоре вы все это поймете...

— Так ты полукровка... — протянул Рой.

— По сути — да. Так что с одной стороны я точно человек.

Разрешив еще несколько важных вопросов и заблуждений, кузнец предложил соплеменникам не гадать и не бояться. А собираться по вечерам, и за ужином решать все наболевшие вопросы. На том и порешили.

Уна зная свое превосходство, с упоением приступила к тренировке маленькой армии. Общение с людьми давалось ей на удивление легко, но и ей пришлось учиться сдерживать свои порывы. Уже через месяц, пятеро мужчин сносно владели мечом, стреляли из лука и умели сражаться вместе. Впрочем, женщины племени мало чем им уступали. Весну сменило лето и в дальнем конце долины на вспаханном поле уже зеленели первые всходы. Арон выбрал те культуры, которые можно было заготовить на зиму. Такие как морковь, лук, картофель и кукуруза. Что-то из них обязательно в это лето приживется.

Семена он наказал принести охотникам и торговцу. Теперь эти трое составляли специальную группу для походов во внешние поселения. Эсхил и Уна хорошо обучили и натаскали их. Одной из главных задач было не привести за собой никого в долину. И они справлялись с этой задачей превосходно. К великому сожалению, болеть совсем люди не перестали. Лекари, любезно предоставленные королём Ангусом, должны были лишь помочь с родами. Они и так задержались. Арон уговорил их появляться время от времени. А пока, Эзрин и Кили жадно перенимали азы медицинских знаний.

Рыбу из озера по общему решению вылавливать перестали. Была построена запруда со стороны пещеры, чтобы мальки и крупная молодь туда не попадали. Падая с водопада, та рыба что не убивалась — размножалась. Ну, а та, которой не повезло — становилась пищей для всех озерных тварей. Вопрос с мясом и молоком тоже быстро решили. Торговец, чтобы не привлекать внимания, выкупал по одной-две коровы в селениях и приводил в указанное место. Ночью их грузили на десантный корабль и переправляли в деревню. Эсхил сетовал что они со страху загадили всю палубу. Диаметр долины, не считая провалов составлял

добрый десяток километров. Так что места для выпаса пока с лихвой хватало. Ну а навоз послужил отличным удобрением.

Цеха и ангары, о которых мечтал Арон, пока рисовались только в перспективе. Но, небольшой ангар для трех кораблей, он все же высек в скальной породе. Сделано это было таким образом, чтобы из получившихся блоков можно было построить несколько капитальных зданий. Эсхил с легкостью спроектировал их и вырезал прямо в скале. Все что не пригодилось раздробили, превратили в пыль и обожгли, получив то, что Эсхил назвал цементом. Странная пыль впитывала воду и превращалась в камень ко всеобщему восторгу племени. Конечно, первым из зданий стала просторная кузница.

Когда рядом с кузницей общими усилиями был залит первый в племени монолитный фундамент, Эсхил приступил к работе. За пару ночей он перетащил из ущелья несколько инженерных модулей. Благо в пещерах что под брюхом корабля, за годы, что он восстанавливал корпус, были выстроены целые заводы. Собрать в них можно было что угодно.

Теперь в долине была своя кузница, слесарная мастерская и электростанция, работающая на воде из озера. Вопрос с энергией и теплом на зиму был решен окончательно. На этом пока было решено остановиться. Людям нужно было время чтобы привыкнуть к переменам, и усвоить те навыки и знания, которые теперь были у них.

В течение лета люди племени освоили скотоводство. Раньше они вели более или менее кочевую жизнь и им это было не нужно. Сейчас же соплеменники проявляли горячий интерес. Кроме того, в рационе племени появился сыр, свежие куриные яйца и, конечно, парное молоко. Эсхил строго следил за тем, чтобы питание было правильным. И это дало свои плоды. Болеть люди стали заметно реже. С появлением излишков еды появились и отходы. Тогда в поселение завезли свиней. Но запах, исходящий от них, был крайне неприятен, и свинарник разместили у самой дальней скалы. Впрочем, как и коровник. Лишь загон для кур оставили поближе, чтобы за яйцами далеко не ходить.

В принципе, Арон ничего особенного не сделал. Завести скотину, высадить посевы и наладить быт люди племени и сами бы смогли. Но жить так они не привыкли. Не хватило опыта. Так или иначе, но серьезные беды кончились. Жизнь племени пошла на лад. Арон с интересом наблюдал как люди становятся спокойнее и доброжелательнее. Как новые для них заботы постепенно занимают их быт. Трое из пяти мужчин обзавелись семьями, э это значит, что будет и пополнение на следующий год.

Но людей все же катастрофически не хватало. Да, сейчас все были рады. Но человек есть человек. Рано или поздно кому-то надоест сидеть в долине. Дети подрастут и захотят разведать внешний мир. Это процесс неизбежный. Возможно, кто-то из них вернется, но проблемы это не решит. Арон надеялся, что прежде, чем город, который он собирается построить, откроется для внешнего мира, пройдет хотя бы десять — пятнадцать лет. Ведь скрывать его вечно не получится. Но сейчас время еще не пришло. А племени требовалась свежая кровь. Женщин было вроде достаточно, а вот мужчин...

Впрочем, и на решение этого вопроса пока хватало времени. С ответом на него кузнец решил повременить. Как и было условлено, по вечерам все племя собиралось под круглым навесом, специально для этого построенным. Здесь же расположилась летняя кухня и длинный округлый стол со скамьями. Завтракать и обедать люди могли, когда им вздумается, тем более что почти все теперь были при деле, и топать куда-то специально стало просто некогда. Но ужин в общем кругу становился традицией.

После ужина, в спокойной конструктивной обстановке, решались насущные вопросы. Вносились предложения и критика. Если месяц назад люди толком не понимали, что от них требуется, то сейчас творческая мысль уже была ключом. Конечно, звучали идеи разные. Дельные и откровенно бредовые, но все же последнее слово оставалось за Эзрин и Ароном. Он всегда находил нужные аргументы. Когда сам, а когда и голос в голове подсказывал.

Настала осень, созрел урожай. Пришла пора учиться заготавливать пищу на зиму. Ведь нужна она была не только для людей. Скоту тоже нужно было питаться. До холодов, под чутким руководством Эхила были выстроены отапливаемые жилища со всеми удобствами. В долине по этому случаю появилась примитивная строительная техника. Тоже сделанная своими руками.

Купец со своей группой совершил дальний переход и привел целый караван, груженный льном, шерстяной пряжей, выделанной кожей, мехом и кое какими готовыми изделиями. Теперь в долине появились и лошади. Своих то съели еще в первую зиму. В этот раз племя училось шить теплую одежду. Но успехом особым это не увенчалось. Хотя все старались. Глядеть на это у Эхила не хватило терпения, и он выдал людям уже готовую, из своих закромов. Его вообще возмущало что Арон не пользуется его мощностями, а занимается непродуктивным коллективным рукоделием.

Арон сделал для себя еще один вывод: взрастить нужное количество ремесленников ему, похоже не получится. Пришла пора искать людей из внешнего мира. Он решил, что хватит сидеть на одном месте, и как только сойдет снег и дороги просохнут он отправится на поиски.

Глава 36. Семь лет спустя

Арон не сразу, но все-таки обзавелся собственным домом. Он, как и хотел, вырубил его в скале, рядом с водопадом. Под тем самым местом, откуда смотрел на долину каждый раз, когда что-то планировал. Но сейчас, опираясь на массивные деревянные перила, в последних лучах заката, он просто любовался своим творением. Скалистые стены долины светились огнями. Теперь они были испещрены лестницами, и переходами. В ангарах сутились люди, в мастерских что-то искрило, в озере резвились подростки. Люди, которые наконец в себя поверили, сплоченные общей идеей теперь сами решали, что делать. Эзрин, как и прежде оставалась вождем племени. Кили стала ее правой рукой. Они отлично справлялись с возникающими проблемами. Думали своей головой. Арон уже почти не вмешивался. Хотя глаза и уши у него были везде.

Эсхил, сделал себе тело, с разрешения Арона. И теперь не выделялся среди членов племени. Он весь погрузился в общение. Горячо участвовал в обсуждениях. Люди, теперь напрямую приходили к нему со своими проблемами и предложениями. Кроме того, он досконально изучил панцирных волков, и использовал их грозный вид по назначению. Оказалось, что если отделить группу волков от стаи, и держать по одиночке, то они пригодны к приручению. Аппетит у них не такой уж и зверский, если кормить регулярно, и не обязательно мясом. Звери оказались не только умны, но и всеядны. Кстати, хладнокровными они были только в теплое время года. Поначалу, Эсхил чипировал их, контролируя все движения и повадки. Но, оказалось, что это не обязательно, потому что животные способны испытывать привязанность. Так появились первые волчьи наездники и наездницы. Женщинам волки почему-то поддавались охотнее. Плато и внешние окрестности города нужно было контролировать. Они и занялись патрулированием.

Сольвейг с подрастающим сыном перебралась в долину, чему Арон несказанно обрадовался. Хотя, первое время сильно переживал за своих людей, памятуя ее бурную молодость. Но, казалось, ее это совсем не трогало. Напротив, как и Эсхил в свое время, она нашла радость в общении. Люди, уже привыкшие к соседству одной крылатой девы, ничуть не комплексовали, общаясь легко, но с уважением. Особенно внимание Сольвейг привлекла Кили. Она все время ее тискала. То усаживала к себе на колени, то подкрадывалась незаметно. Все время норовила прижать ее, подтянуть к себе поближе. Кили по началу была в шоке от такого отношения, и даже пряталась. Но со временем, в ней расцвела сначала робкая, а потом и весьма заметная взаимность. Чего только Сольвейг с ней не делала, в силу своей открывшейся любвеобильности. Пару раз Арон даже выгонял их из своей постели. Признаться, его это забавляло.

Дети Арона росли и в белых горах, но в их воспитание он не вмешивался. Крылатая браться тоже не особо баловала его своим вниманием. Пожалуй, только Аделина частенько прилетала в гости, иногда притаскивая за собой то Асту, то Далию. Эсхил понемногу разобрался в их технологиях и привел в порядок почти всю технику. Теперь крылатый король со своей королевой навещали дочь и кузнеца прилетая на своей шикарной золотистой посудине. Все, казалось, были по-своему счастливы. И лишь в глазах Уны Арон все чаще читал грусть и тоску по любимому. Глядя на них с Сольвейг, она, конечно, радовалась. Но это же ее и печалило. Ведь ее поседевший сын был так похож на своего отца... Конечно, Арон видел, как она мучается, как плачет ночами. Но... этим горем он поделать ничего не

мог.

Странное предчувствие поселилось в душе Арона. Вот уже несколько лет он покидал долину с торговцем и двумя бывшими охотниками, к тому времени ставшими виртуозами в деле шпионажа и маскировки. Основной целью таких вылазок был поиск людей, не нашедших своего места в привычном средневековом мире. Происходило это так:

Группа разведчиков под видом торговли выискивала людей, которые подходили под нужное описание. Собирали слухи, проверяли сплетни и наговоры. Потом, когда кандидатов набиралось несколько человек, к ним присоединялся сам Арон. В круг его интересов входили бродячие ремесленники, лекари, те, кого считали ведьмаками или ведьмами. В общем, люди неординарные. Конечно, подходил не каждый. Но каждого нужно было проверить.

Так в долине появился святой отец. Мудрый лысоватый старец, которого преследовала своя же церковь за его крамольные прямолинейные высказывания. Чем-то он напоминал Хаука, был весьма неординарен и имел талант в том, что Эсхил называл психологией. Элгар — так его звали, в прямом смысле слова лечил души людей. Прогонял из них зависть, гнев, злобу, и наставлял на путь процветания. Население долины росло и качество это было незаменимым. Для Элгара построили маленькую церковь, где он смог общаться со своим — добрым Богом. Он хоть и был адептом церкви милосердия, о «милосердии» которой ходили жуткие слухи, но искренне считал, что братья его заблудились в слепом подчинении патриархам.

Таким же образом появились и бродячие музыканты. Две прекрасные девы и угрюмый парень с невероятным, проникновенным голосом. Они спасались бегством от феодала, положившего похотливый глаз на всю троицу. С их появлением в долину пришло веселье.

Впервые в своей жизни, Арон встретил гномов. Талантливый мастер, знающий толк в камнях перебивался с хлеба на воду терпя унижения от людей и работая за бесценок, лишь бы дети его и жена не голодали. Мастер по началу отнесся с недоверием к предложению незнакомца, но, когда побывал в долине, вернулся за семьей в тот же вечер.

В одну из вылазок, Арон выкрал из борделя светлокожую эльфийку. Ее привезли из далеких северных лесов, где племя ее почти истребили. Таких девиц народ здешний не видел, а потому от желающих не было отбоя, и деньги в карман трактирщика текли рекою. На предложение продать девку тот не согласился. Пришлось действовать по-другому. Она единственная, чьего согласия Арон не спрашивал. Дева сия пребывала в ужасающем состоянии. Пришлось взять ее в скалы и помещать в реактор, чтобы очистить многострадальное тело от ран и всей накопившейся скверны. Эльфийка так и не сказала своего имени. Попав в долину, она почему-то попросила новое имя у Уны, видимо приняв за ангела. Та, недолго думая окрестила ее Трин. На сколько Арон понимал в именах, это означало — чистая. Что его мать хотела этим сказать — осталось загадкой.

Уникальные качества эльфийки раскрылись позже. Она обладала тем, чего Ароне не понимал и боялся — магией. Но, к счастью, сила эта питала невероятный дар исцелять и волшебным образом действовать на растения. Урожай в долине удвоился.... Так Арон поднял население своего городка почти до ста человек, и это не считая детей.

Но главный сюрприз ждал его куда позже. Разведчики сообщили о странном северянине, появившемся в этих краях. Он явно не вписывался в общую картину мироздания и подходил под его запросы. К тому же его активно разыскивали другие северяне, и нужно было торопиться. Узнав об этом, Арон испытал непривычное волнение.

Путь был не близким. Как Арон не старался уничтожить следы своего пребывания в родном селении, его все же стала разыскивала церковь. А потому приходилось соблюдать осторожность. Передвигались торговым обозом или на лошадях. Временами обходили посты королевской стражи. Через три дня группа добралась до прибрежного города. Небо хмурилось и было уже темным. Северянин засел в дальней от порта таверне, в самом темном ее углу. Арон сразу заметил, что тот серьезно ранен. Перемотанные грязной тканью ребра украшали пятна проступающей крови.

Северянин был крупным, крепким. Выбритая голова и руки испещрены рунами и орнаментарными татуировками. Усталый взгляд его серых глаз показался кузнецу до боли знакомым. Не смотря на суровое лицо, потрепанную, просоленную морскими ветрами одежду и застарелые шрамы, мужчина был довольно молод. Эсхил сообщил, что ему от силы лет восемнадцать — двадцать.

— Говорят, ты кузнец? — прямо спросил Арон.

Парень здоровой рукой вытащил из-за стула боевой топор и звучно выложил его на стол. Арон вздрогнул... Топор был отлично заточен, имел длинную рукоять и украшенное филигранным орнаментом лезвие из вороненого металла. Арон взял топор в руки и щелкнул пальцем по лезвию. Оно отозвалось легким мелодичным звоном. А такой звон присущ только отличной легированной стали. Этот топор был, конечно, другим, но сильно напоминал Арону его собственный, доставшийся от отца.

— Где взял? — спросил Арон стараясь не выказать удивления.

— Метеоритное железо, немного графита, немного кобальта, и старые корабельные гвозди. Чернил топленным китовым жиром.

— Не дурно... Так как, говоришь тебя зовут?

Парню не дали ответить. В таверну ворвались несколько взбешенных северян. С руганью и криками они ринулись сразу в угол. Раненый парень с неожиданной прытью подскочил на ноги. Здоровой рукой он поднял круглый дубовый стол и со всего маха обрушил его на нападающих. Двое северян выбыли из игры сразу.

— Так ты поможешь?! — крикнул он, не глядя на Арона.

— Придется... — согласился тот вскакивая со стула.

— Только убивать не надо. Эти люди мне не чужие.

Арон где-то это уже слышал. Не теряя превосходства во внезапности, он, лихо орудуя стулом, обезоружил еще двоих воинов и отправил в царство грез двумя короткими ударами. Поравнявшись с последним, самым молодым воином, раненый парень просто отобрал у того клинок и бросил на пол. Возражений не последовало. Дабы избежать погони и замести следы пятерых дебоширов связали и забрали с собой. Хозяина таверны припугнули и щедро заплатили за молчание.

Глава 37. Подозрения

По пути домой парню стало совсем худо. Пришлось вызывать транспорт. Несколько дней молодой северянин провел в бреду. Раны его были не смертельны, но он потерял много сил, крови и не спал несколько суток. Состояние его было серьезным. Можно было поместить парня в реактор, но надо было делать это сразу. Время было упущено и перевозить его в таком состоянии стало опасно. Эсхил сделал все что мог, но этого оказалось мало. В ход пошла нетрадиционная медицина. Арон несколько раз пробовал применить свои силы, но, почему-то ничего не получилось. Следующей на очереди была Трин. Ее метод был странным, ибо лечение проходило гольшом. Светлокожая эльфийка провела в обнимку с парнем целые сутки, исцеляя его близостью своего тела. Она осунулась и заметно похудела. Ее и без того светлая кожа стала иссини белой. Было в пору задуматься и о ее здоровье... Однако она смогла облегчить страдания, сказав, что у парня сильная воля, которая сопротивляется любому вмешательству, и все решит только время...

Новый гость, к удивлению Арона, привлек к себе внимание Уны. Его мудрая мать подошла к делу серьезно. Она буквально вцепилась в жизнь этого парня своими когтями, не позволяя душе покинуть израненное тело. Она с дисциплиной бывалого воина меняла повязки, выдавливала гной и промывала раны, если это было необходимо. Двое или трое суток она совсем от него не отходила. Уна была спокойна, светла и всем своим естеством излучала странную, ощутимую почти физически решимость. Арона это поразило. Такой он ее не видел. Несколько раз к ней заглядывала эльфийка. Потеряв много сил, она не могла помочь радикально, но приносила парню хоть и временное, но облегчение. Эсхил со своей стороны тоже прилагал усилия. Его искренне удивляло, что лекарства не приносят должного эффекта.

Только спустя неделю к парню вернулось сознание. Ночью он перестал стонать и дыхание его стало ровным. Эсхил сказал, что кризис миновал, и теперь можно расслабиться. Но Уна уходить не желала. Проснувшись она под утро, от того, что кто-то взял ее за руку. Северянин смотрел на нее светлым, пронзительным взглядом, и радостно улыбался. Странно, но это было приятно. Медленно встав на ноги, парень расправил сильные плечи и потянулся, громко хрустя суставами. Однако ребра еще не зажили и причиняли заметную боль. Осмотрев свои повязки, он переключил все внимание на Уну. Казалось, северянина вовсе не удивляло то, что он проснулся в одной постели с крылатой девой. Смутьившись, Уна закуталась в крылья и забралась с ногами на кровать.

Прошло еще несколько дней. У гостя появился волчий аппетит и дела его пошли на лад. Немного окрепнув, Кеннет, решил прогуляться в сопровождении Уны. Внимание его сразу привлекла кузница. Арон построил ее первой, но по чести сказать до нее почти никому не было дела. Все его время занимали другие, более глобальные заботы, а жители деревни побаивались входить туда без особой нужды. Арон уже и забыл, когда в последний раз вдыхал запах гари и слышал звон металла. Кеннет вел себя на удивление спокойно. Он ни выказывал ни злости, ни раздражения, ни задавал вопросов. Он целыми днями стоял у наковальни, обдаваемый жаром горна. Кеннет легко освоился и постепенно принимался за дело. Братья Кеннета тоже не сидели без дела. Что с ними делать, Арон пока не решил, а потому под надзором солдат Эсхила они трудились в полях и на фермах. Передвигаться в пределах долины они могли свободно, но близко к Кеннету их не подпускали.

Вскоре странным кузнецом всерьез озаботился Эсхил. Новый человек, не смотря на относительно юный возраст без труда освоил технологичные станки и ручной инструмент. Такого проворного специалиста в долине явно не хватало. Спустя месяц Кеннет приобрел среди жителей довольно хорошую репутацию, хоть был угрюм и крайне немногословен. Северяне жили в суровых условиях и быстро выросли. Не смотря на грозный вид, татуировки на лице и шрамы, дети его совершенно не боялись. Более того, он тайком от всех стал делать для них кое какие игрушки. Как Арон сам до этого не догадался!?

Сольвейг, с жадным интересом изучавшая каждого кто попадал в долину, быстро потеряла интерес к новому человеку. Видимо на это повлияло нетипичное поведение Уны. Хотя, его татуировки ее вдохновили. Она предложила и Арону сделать такие. Но тот наотрез отказался, предложив сделать их Кили. А вот Уна — другое дело. Она явно решила взять парня под свое крыло. Ведь не даром она за него так ожесточенно билась. Арона сначала это раздражало, но потом, подумав, он решил, что так даже лучше. Мать его хоть и вела себя странно, но уже почти не грустила. На лице ее все чаще гостила улыбка. И доспехи она давно не носила. Угрюмый юноша ничуть не смущался такому вниманию. Напротив, он ловил каждое слово, что она проронила.

Так же странно происходило общение Кеннета с Эсхилом. Не вдаваясь в подробности, парень принял как должное то, что сознание всех странных солдат было единым. Хотя по началу его это заметно веселило. Видя, как один солдат наблюдает за ним, он кидал какой ни будь увесистый предмет в другого солдата, находящегося на приличном расстоянии, и тот неизменно ловил его. Дети, к несчастью солдат, быстро этот трюк переняли.

Для северянина, в принципе не было закрытых дверей в долине. Через два месяца он уже смело ковырялся в строительных машинах. Указывал новым соплеменникам на ошибки и объяснял живым языком то, что со слов Эсхила понять они были не в силах. Лихо управлялся с любыми инструментом. Вскоре, Эсхил под строгим присмотром, разрешил ему ковыряться и в крылатых машинах.

Что же до женщин... казалось, они его совсем не интересовали. Хотя в разговоре с ними он был неизменно вежлив и обходителен. Лишь общаясь с Уной, он заметно светлел лицом, и выглядел, как бы это сказать... сдержанно счастливым. Ангус в один из своих визитов тоже обратил на парня внимание. Даже изъявил желание пообщаться. Долго выспрашивал кто он, и откуда. Но получал неизменный вежливый ответ, что родом молодой кузнец с севера.

Со временем, весь скромный досуг Арона свелся к наблюдению. Он с интересом следил за тем, как, и что Кеннет делает. Он проникся к парню уважением. Из рук Кеннета одинаково охотно ели и лошади, и панцирные волки. Дети осаждали толпой его мастерскую, когда он начинал делать что-то новое. Уна теперь каждый день приносила ему хлеб, незамысловатую еду и молоко в кувшине, что само по себе смотрелось дико!

Кеннет бросал все дела, брал из ее рук хлеб и щедро одаривал своим вниманием. Она улыбалась рядом с ним. От былой печали ничего не осталось. Не трудно догадаться что вскоре в их отношениях появились и объятия. Уну словно магнитом тянуло к этому парню, и безответным этот порыв не оставался. Он так нежно придерживал ее за талию, что сомнений в его взаимности не оставалось.

Однако Арон совсем не желал, чтобы его матери разбили сердце. Да, все разговоры про широту взглядов и свободу нравов он уже слышал. Но здесь другой случай. Уне не одна сотня лет, а Кеннету всего восемнадцать. Для него это, возможно, будет ярким запоминающимся

приключением на фоне прожитой им тяжелой, и полной опасностей жизни. Для нее же этот внезапный расцвет чувств может обернуться серьезным разочарованием. Что бы она потом ни говорила. Арон знал, как сильно бесстрашная Уна переживала расставание с Олафом. И этот молодой кузнец без сомнения напоминал ей о нем. Хотя... с другой стороны, может быть, именно этого ей и не хватало. Ведь она мудра и обладает огромным жизненным опытом. А вдруг он не прав, и Уна прекрасно все осознает, и хочет вырвать у судьбы то, что она не спешит дать в руки?

Несколько дней Арон взвешивал свои сомнения. Даже советовался с Сольвейг. Но та предлагала оставить все как есть. Он старался смотреть непредвзято и судить только исходя из фактов. Кеннет вроде бы был хорош. Делал все во благо, и трудился вместе со всеми в полную силу. Но уж слишком просто все у него шло. У тех людей, которых Арон привел раньше на подобные достижения ушли бы годы. Разве что гномы имели понятие о механизмах. Для них это не ново. Перешагнув через свои чувства, Арон решил, что пришло время положить конец сомнениям.

Вернувшись из очередной вылазки, Арон выспался. На следующий день, дождавшись момента, когда Уна принесет северянину поесть, Арон как бы невзначай, заглянул в кузницу. Кеннет сидел на наковальне и попивая молоко, уминал еще теплую лепешку. Рядом на полотенце красовались вареные яйца, сыр и перышки зеленого лука. Уна, присев на верстак, поглядывала на него с легкой улыбкой. Через окно светило яркое солнце, в воздухе парили еле заметные частички пыли.

— Ты наконец созрел для разговора? — в лоб спросил Кеннет.

— Вопросы накопились... — пожал Арон плечами.

— Хорошо. Знаешь, переплыв море, я сильно переоценил свои силы. Найди ты меня позже, и все бы пошло прахом... Эльфийка кстати здорово помогла. Хотел было поблагодарить ее, но она, как оказалось сильно не любит нашего брата.

— Такие как ты истребили ее племя, — резонно заметил Арон.

— Я слышал об этом, и в долгу не останусь. Ее стараниями боль ушла. А твоя чудесная мать... я не знаю как это выразить. Она словно схватила мою душу за шиворот и вернула в тело.

— Ей не привыкать делать что-то с силой. Чаще она помогает душам найти выход. Ну, по крайней мере так было. — уточнил Арон.

Он перевел взгляд на Уну, но та не повела и ухом.

— Знаю... — Рассмеялся парень. — Я все про нее знаю.

Кеннет, постучав яйцом о наковальню принялся снимать скорлупу. А Уна отвела глаза заранее зная о чем он сейчас скажет.

— Ведь если мужчина и женщина спят в одной постели, между ними не должно быть секретов?

— Вероятно... — смутился Арон его прямоте.

— Ты ведь пришел сюда, чтобы поговорить об этом?

Арон кивнул.

— Это для тебя проблема? Я имею в виду разницу в возрасте.

В лице Уны снова ни дрогнул ни один нерв. Разве что щек коснулась еле заметная краснота.

— Пойми правильно, не то, что бы я против...

— Но, дело не только в этом, да?

Оценив парня взглядом, Арон придержал заготовленную фразу. В глазах Кеннета светилась холодная уверенность. Арон понял, что оба они ждали его вопросов, и заготовили ворох ответов.

— Я знаю кто есть она, — Арон стал серьезнее. — Осталось узнать кто есть ты.

— Справедливо... — Кеннет дочистил яйцо и запихнул его в рот. Прожевав неспеша, он запил из кувшина.

Мать Арона оттолкнулась от верстака и подойдя к юноше, обняла его за плечи. Они переглянулись.

— Он поверит... — сказала она тихо.

Уна одарила сына долгим задумчивым взглядом и, сообщила:

— Это Олаф — твой отец.

Глава 38. Воскрешение из мертвых

— Олаф? — переспросил Арон.

— Да, милый. Тот самый Олаф, от которого я тебя родила.

— Ага... Интересная версия.

— Я не сошла с ума. В моем сердце любовь жила лишь однажды, и это чувство я ни с чем не спутаю. Сердце узнало его сразу, как только взяла его за руку, — ответила она спокойно.

— Это не совсем так, — поправил Кеннет. — Я был Олафом.

Арон с трудом подавил растущее внутри раздражение. В душе его просквозило холодом.

— Сын мой, — улыбнулась Уна. — Я ведь далеко не дура. Ты оскорбляешь меня недоверием. Если бы я почувствовала фальшь, то сама открутила бы ему голову. И, если я говорю, что перед тобой Олаф, значит у меня есть на то веские доказательства.

Арон взвесил каждое ее слово. Ничего не попишешь, по крайней мере, он ее выслушает. Звучит как бред, но заподозрить мать в наивности он не мог. Уна похлопала Кеннета по плечу, намекая что теперь его слово. Тот запил еду, вытер рот и неспеша прожевался.

— Твоя мать не совсем права, — начал он. — Имя мне Кеннет и дано оно было при рождении. Хотя с ранних лет в своих не детских снах я был Олафом. Ну или Бойдом для верности. Помнится так меня называли за седые волосы. поначалу сны были красивой сказкой на фоне жестокой реальности, пока в возрасте пяти лет я не попал в кузницу. Вот там то и оказалось, что грезы, хоть и были грезами, но знания давали совершенно реальные.

Арон потер шею, и провел рукой по волосам.

— Предположим, так и было. А кто были те люди что искали тебя?

— Я же говорил, — это мои родные братья. Я просил тебя не убивать их именно поэтому. Отец мой был жесток, но, когда я рос, братья были добры ко мне. Однако, так сложились обстоятельства, что они и были командой корабля, что приплыл сюда чтобы продать меня и еще несколько бедолаг в качестве рабов.

— Ты был рабом?

— Это наказание, — пояснил Кеннет. — Наш вождь так решил. В свое время я довольно-таки сильно чудил. Пытался сбежать, но меня быстро находили. Сам же все видел, как это делается. Я птица вольная, любознательная, а у них так не принято. Все должны подчиняться ярлу. По крайней мере до того момента, как осмелятся бросить ему вызов.

С пониманием ко мне относился только шаман племени. Он курил много разной травы, питался одной медовухой и частенько общался с духами. Шаман часто говаривал, что боги решили меня одарить, но немного перестарались, вложив столько знаний в такую маленькую и дурную голову. Шаман мудрый, он сказал мне затаится чтобы лет до семи дожить. А то люди стали шарахаться. У нас странных шибко не любят. Могут по-тихому придушить и в море бросить. Если ты не шаман, конечно. Но у нас уже был один.

Мать моя была трелом — рабыней и наложницей. А братья имеют родство только по отцу. Матери были разные. Ярл, невлюбил меня сразу, но матушка была добрая. Хоть и зачали меня силой, но все же я был ей сыном. Кстати, отец купил ее где-то в этих местах. Она кормила меня остатками пищи с его стола и иногда, когда ярла подолгу не было, позволяла спать с собой в обнимку...

Кеннет взгрустнул мельком.

— Почему была? — спросила Уна.

— Умерла. Отец убил в пьяном бреду. Такое у северян в порядке вещей. Она была не единственно женой и не самой любимой. А нрав имела стойкий. Я пытался мстить и даже выбил ярлу глаз. Он хоть и гнида, но вину чувствовал. Убивать меня не стали, но били долго.

— Тебя не сильно жалели, — заметил Арон.

— А я о чем? Благо, что на то время стояла весна, хоть и северная. И убежав от сородичей в сотый раз я смог худо-бедно подлечиться. Но за весной и летом неизменно следуют дожди и зимы. Хоть я и обладал огромными знаниями, но все же был ребенком и не успел подготовиться. К тому же, меня все еще искали, а это не позволяло осесть на одном месте. Приняв единственно верное решение, я решил убраться подальше. Забрался тайком в большой ярк на пристани и там спрятался.

Уна рассказала мне о твоём чудесном воскрешении и нескольких месяцах небытия до этого. Примерно в то время мне было уже десять. Я, как и ты, был присмерти. Сказалось долгое пребывание на морозе, под лавкой ярка. Нашли меня не сразу, еще пара часов и было бы поздно. Вот тогда-то мы с тобой и встретились, Арон. Помнишь, я говорил тебе, что ничто в этом мире не пропадает бесследно?

Арон вздрогнул. Этого обстоятельства знать никто не мог. Арон никому кроме Эсхила об этом не рассказывал.

— Тогда личность Кеннета отошла на второй план. Он лежал в бреду, а сущность Олафа на время высвободилась.... Я тогда чудом не отморозил пальцы. Но меня выходили. Старый ярл соседнего селения был мудр, в меру добр, и не проявлял попусту своей жестокости. Он сразу понял кто я есть и что я сделал. На счастье он имел с отцом старые счеты и обратно меня не выдал. Позже я сполна отплатил ему. Уцелевшие пальцы крепко сжимали кузнечный молот. Кстати, именно тогда я выковал свой топор. Метеорит упал в долину очень кстати. Это было своего рода знаменем.

— Невеселый рассказ, — заметил Арон.

— Хорошо, что хуже не было, — вздохнул Кеннет.

— Так что же было дальше? — увлеклась рассказом Уна. Видимо этого она еще не слышала.

— Однажды утром, когда я спал в кузнице, к берегу причалил корабль. Это были купцы, откуда бы вы думали? Из этих самых мест. Они говорили на своем языке, но понимал я их замечательно. За бочонком медовухи купцы с упоением рассказывали о своей родине. Тут то я и распрощался со своими иллюзиями окончательно. Они стали теперь реальностью.

Жить двумя жизнями становилось бременем, и при том, невыносимым. Я понял, что место мое здесь. Тем более что в родных краях меня ничто не держало.

Он грустно окинул взглядом Арона.

— Твоя судьба — это твоя судьба — сказал он. — У тебя теперь был Эсхил, и я особо не беспокоился. Но чувства, что я когда-то испытывал к твоей матери, захлестнули меня с невероятной силой. Я отчетливо понимал, что на это уйдет время. Но, она, по сути, бессмертна. Мы принадлежим к разным мирам, мне было десять, и я теперь иначе выглядел.... Но не смотря на все это, я во что бы то ни стало решил отыскать ее.

Купцы, конечно же отказались брать с собой странного мальчишку, знающего их язык, и живущего в кузнице. Но он как могли поделились координатами. Мне нарисовали на куске кожи приблизительную карту побережья, вдоль которого ходили морские караваны. Помогло это мало, и почти год у меня ушел на составление карты. Я помнил ее очертания,

но при элементарном отсутствии бумаги и чернил это длилось мучительно долго. Я наблюдал за звездами по ночам, чтобы как можно точнее определиться со своим местоположением.

Когда я искал место, где разбить свой звездный корабль, запоминать местность цели не было. Эта планета не была первой, но, должна была стать для меня последней. Чтобы попасть на материк, мне нужно было приложить немало усилий. Главная беда заключалась в том, что кораблями, которые смогли бы осилить этот путь, владел только один человек. Жестокий, своенравный ярл — мой отец.

На подготовку детального плана и развитие своего тела ушло коло пяти лет. К шестнадцати годам я уже был выше и сильнее любого воина в деревне. Тренируясь сам я поднимал и их боевые умения. Я рассчитывал на то, что они помогут мне. Но к тому времени старый ярл умер, а с новым отношения не сложились. Все же, я был чужаком для них.

— А как ты снова попал к братьям? Тебя поймали?

— Черта с два бы они меня поймали! Это случилось по своей воле. Когда мне исполнилось семнадцать, и по рекам поплыл лед, я вернулся в родные места. Я от души померялся силами и проверил свои навыки на чужих шкурах. Но, гонора было много, а сил ребятам не доставало. Пришлось позволить братьям себя поймать. Узнали меня тоже не сразу, так что и подсказать тоже пришлось.

Потом план дал небольшую трещину: пришлось пожертвовать ребрами, которые мне тут же сломал отец. Но дальше все пошло как по маслу. В это время года наш вождь выходил в море, чтобы попасть на материк. Там он выгодно продавал пленников, как рабов, закупал заморский товар, и молоденьких женщин. Шамана я заранее предупредил и дал приличный кошель денег, чтобы его не посетила мысль рассказать все ярлу. Он спрятал на драккаре кое какие пожитки и мой топор. А потом, ссылаясь на духов, убедил отца меня продать. Ярл жесток, но деньги любит больше жизни. В общем, заковав меня в колодки, отец решил кем мне дальше быть. Теперь все шло как задумано. Осталось только доплыть.

— И где же сейчас твой отец? Разведчики говорили только о братьях, — уточнил Арон.

— В море. Я видел, как он упал за борт. Искать его не стали, да и бесполезно это. Не следовало в шторм столько пить. Ой и не хороший был человек...

Кеннет поморщился и промочил горло молоком из кувшина.

— Ну, а дальше дело было за малым. Даже рассказывать не интересно. Я освободился от колодок, немножечко пошумел, освободив для верности еще несколько человек. Не люблю рабство в любом его проявлении... Потом отыскал в суматохе свои пожитки и сошел на берег. К сожалению, оказалось, что, со сломанными ребрами далеко не уйти. Плавание было долгим, срастись из-за ежедневной гребли им никак не удавалось. Удивительно, как я легкие не проколол. Стало совсем худо. Это ставило под угрозу всю затею, а цель была так близка. Я слишком много думал о твоей матери и слишком мало о своем израненном теле.

Пока братья носились по округе в поисках других рабов, я отъедался в таверне и ждал. В море плохо кормили. Можно сказать, что мне повезло. Хозяин таверны, бывший коновал, он хорошо промыл раны. Наложил тугую повязку на ребра. Над кухней есть небольшой чердак, там я и схоронился. Проспал примерно сутки. Шаман, хоть и укорок конченный, но оказался человеком добрым. Вместе с моими вещами он спрятал на драккаре и пол кошель монет, из тех, что я ему дал за молчание. Так что немного золота, серебра и меди у меня было. Без еды и питья не остался.

В своих снах я видел обрывки тех событий что с тобой происходили. И знал, что дом твой сгорел. Так же знал, что ты теперь знаком с матерью. Однако видения эти приходили в те моменты, когда меня одолевали болезни или раны были тяжелыми. Так что, картина была не полной. Я планировал отлежаться до тех пор, пока братья мои не уплывут, поправить немного здоровье и купить лошадь. Люди в этих местах знали и про белые горы, и про чертовы скалы. А значит, сами того не желая, братья доставили меня в нужное место.

Когда твои разведчики расспрашивали хозяина таверны, он вскользь проронил слово обо мне. Мы встретились, поговорили. Никаких гарантий мне не дали, но попросили подождать пару суток. Деваться все равно было некуда, в моем то состоянии. Ну, а что было дальше уже известно. Когда в таверну вошел ты, я растерялся. Не поверил в такое везение. Но спутать сына с кем-то еще было трудно. Ты похож на меня как мутное отражение в озере. Немного другой, но черты те же. Даже волосы твои стали седыми.

— Это... после реактора. А что бы ты делал будь все иначе?

— Я бы нашел дорогу к скалам и задействовал Эхшила. Предприятие, конечно рискованное, но настройки безопасности вводил я. На всякий непредвиденный случай там заложено несколько скрытых команд. Одну такую ты уже применил.

Молодой кузнец встал с наковальни и бросил остатки еды в горн. Сразу запахло горелым хлебом.

— Знаешь, Арон, что в этой истории меня поразило?

— И что же?

— Твоя мать. Орудую тяжелым веслом на драккаре, я все думал, как это будет? Поверит ли она мне, узнает ли в новом облиции... Надеялся, что еще любит. Ведь расставание наше было, мягко говоря, некрасивым. Как бы там ни было, я хотел быть рядом.

— Ну да... она ведь без разговоров с плеча рубит — усмехнулся Арон.

— Точно, — согласился Кеннет. — Но я помнил, как забрать у нее оружие и заставить себя выслушать. А там уж как сложится...

— И... как все сложилось? — спросил Арон.

— Она меня узнала. Причем сразу, лишь встретившись взглядом. Это было невероятное по своей силе чувство. Невыносимо больно и в то же время прекрасно. Я был так слаб, что заплакал, прочувствовал это шкурой. А дальше... воля к жизни меня покинула.

— У меня сердце никогда так не сжималось, — призналась Уна, вытирая проступившие слезы. — Как бы ни было дико и странно, его имя врезалось в мое сознание. Он вернулся ко мне. Это было настоящее озарение. Мысль о том, что он снова покинет меня была невыносима.

В кузнице воцарилась мертвая тишина.

— Ты... ждешь, что я в это поверю? — спросил Арон.

— Нет. Я знаю, что ты в это поверишь, — улыбнулся Кеннет. — Может не сразу, но...

— Ты хорошо меня знаешь, — пространно проговорил Арон.

— Я родился и рос совершенно другим человеком. Семь лет назад, я, десятилетним мальчишкой увидел тебя во сне. Я вспомнил все и вновь стал собою. Осталось только сюда добраться.

— Если ты Олаф, — вкрадчиво начал Арон. — Почему сразу не запросил челнок, почему не отправился на корабль? Ведь раны серьезные.

— Корабль... — Кеннет грустно вздохнул. — Выживу я или нет, было неизвестно. Это тело другое, более слабое. Я решил, что если и суждено умереть снова, то последние

мгновения жизни я проведу рядом с твоей матерью.

— Еще один корабль...? — встрепелась Уна.

— Ты разве не рассказал ей? — удивился Кеннет.

— Нет. Но она догадывается про чертовы скалы. Король Ангус знает больше, но не распространяется об этом.

Кеннет отнесся к сказанному с пониманием и обратился к Уне:

— Эсхил, которого ты знаешь как человека, на самом деле огромный, в каком-то смысле живой корабль. Подобный тому, на котором крылатый народ, в свое время прибыл на эту планету. Общаясь с солдатами, вы говорите с его сознанием. Арон, общается с ним постоянно, как и я в прошлом.

— И ты не сказал мне?! — возмутилась Уна.

— Так было надо. Теперь все иначе. Я расскажу тебе такие вещи, которые перевернут в твоих глазах мироздание! Поверь, у нас будет на это время. Но, Эсхил — это грозная сила и говорить о нем лишний раз никому не стоит.

— Я понимаю, — она поджала губу кивая.

Кеннет повернулся к Арону и ткнул его пальцем в лоб.

— Кстати, об Эсхиле... Ты обратил внимание, что голос в твоей голове молчит все это время?

Арон вздрогнул. Это было правдой. Эсхил сегодня не проронил ни слова.

— Ты... что-то сделал?! — встревожился Арон.

— Ничего страшного. Я лишь временно подправил некоторые функции.

— Но как!? — Изумился Арон.

— Скрытые команды есть на разные случаи, — напомнил Кеннет.

— Ясно...

— Я подстраховался на всякий случай. Как бы там ни было, я не хотел, чтобы события вышли из-под контроля. Пока, по крайней мере.

— Но... зачем? — недоумевал Арон.

Его воскресший отец развел руками:

— Не для того я разбил его о скалы, чтобы все повторилось заново. Прошлая жизнь меня порядком утомила. Ты ведь и малой доли о ней не знаешь. Я не хочу к этому возвращаться.

— Все это время ты был здесь, и Уна об этом знала... — констатировал Арон.

— А разве теперь имеет это значение? — мягко спросил северянин.

— Когда ты собирался сказать? — спросил Арон.

— Я... не собирался. Прости Арон.

— Почему?

— А зачем? Все и так было прекрасно. Я ведь теперь совершенно другой человек. Раны мои почти зажили. Женщина, любовь к которой я пронес через две жизни, снова рядом. О чем еще можно мечтать, скажи мне? Зачем теревить раны? Ты давно свыкся с моей смертью. Пусть бы так все и осталось.

— Ясно. Мне... как и прежде называть тебя отцом?

Отец положил свои мозолистые ладони на его плечи и слегка сжал пальцы.

— Арон пойми, Олаф умер. Он был сносным отцом и отважным воином, но хватит с него и одной жизни. Она была слишком сложной и невыносимо долгой. Зови меня Кеннет.

— А как же Эсхил?

— Теперь это твоё бремя и твои решения. Могу лишь пожелать тебе удачи. Эсхил — это отличный инструмент для исполнения любых желаний. Он никогда не предаст тебя и не оставит, чего бы ему это ни стоило. И я искренне рад, что ты используешь его для созидания.

— Понимаю... — Арон с трудом удержал слезу. Слышать такое было чертовски обидно. Он окинул молодого кузнеца долгим, внимательным взглядом. Жизнь снова преподнесла сюрприз. Предчувствие, которое терзало его последние недели не было случайным.

— И... что будет дальше? — спросил он.

— Арон, взгляни на меня! Мне же всего восемнадцать. У меня ветер в голове гуляет. Я молод, полон сил и к тому же влюблен без памяти! Вся жизнь впереди. Взгляни на свою прекрасную матушку, она светится счастьем. Мудрости у нее хватит на нас обоих, так что оставь все как есть, сделай милость!

Уна, откинув условности, бросилась к нему на шею и залилась горячими слезами, не веря до конца, свалившемуся на нее счастью. Северянин обнял ее и взглянул на совсем взрослого сына. В глазах Арона тоже стояли слезы.

— Мы начнем жизнь сначала... — расплывшись в широкой улыбке предложил Кеннет.

— Это... хорошая мысль — тяжело вздохнув ответил Арон.

Отец протянул свою открытую ладонь и произнес:

— Ну, тогда, здравствуй Арон!

— Ну...здравствуй, Кеннет. — Арон крепко сжал его руку.

— Найдется не пыльная работенка, дружище?

— Да, дружище... у нас тут кузница есть, а кузнеца не хватает...

Глава 39. Новая жизнь

После разговора в кузнице прошло несколько дней. За это время Арон и Уна задали Кеннету множество вопросов. В известность о чудесном воскрешении решили поставить лишь короля Ангуса. Между ним и Кеннетом состоялся серьезный разговор при закрытых дверях, который порой переходил на высокие тона. Но к исходу дня двое мужчин выяснили все, что следовало и меж ними не осталось обид. Наследующее утро Кеннет спросил о своих братьях.

Впервые за несколько недель он встретился к ним лицом к лицу.

— Вас хорошо кормят? — спросил он самого младшего.

— Да, брат... — честно ответил парень.

Пятеро братьев неплохо выглядели. Кое кто даже прибавил в весе.

— Наш отец погиб... — напомнил он негромко. — И в том нет нашей вины. Он был порядочной скотиной, туда ему и дорога. Все, что я рассказывал ребенком — правда. Крылатые девы, и летающие корабли... вы видели все своими глазами. Так что домой я не вернусь. Здесь теперь мой дом.

— Что будет с нами? — спросил старший, покосившись на Уну, стоявшую за спиной Кеннета.

— Просто так отпустить мы вас не можем, сам понимаешь. Как насчет остаться здесь?

Братья переглянулись, но радости в их лицах не прибавилось.

— С чего вдруг такая милость? — спросил старший.

— Хоть ты и звал меня собакой, братец, но я помню твою доброту. Все вы были добры ко мне по-своему, и я этого не забыл.

— А как же наши жены... что будет с детьми? — старший говорил от имени всех братьев.

— Я готов принять все племя, — вступил в разговор Арон. — Здесь нужно будет работать, но вы не будете голодать.

— И как это будет? — усмехнулся старший. — Даже если мы согласимся не это уйдут годы. Многие из нас погибнут в море...

— Сколько человек в племени? — спросил Арон.

— С последней зимы осталось человек двести... — припомнил Кеннет — Крупного скота голов десять, и так по мелочи.

— Хорошо, — кивнул Арон. — За пару дней справимся. Это единственная проблема?

— Нам нужно подумать... — тихо проронил старший.

Вскоре первое звено челноков опустилось на поселение северян. Сверкая среди серого неба и пасмурных облаков бортами, они произвели настоящий фурор. Судно, на котором братья прибыли к далеким берегам, разумеется ждаты их не стало. Весть о гибели ярла и исчезновении его сыновей разнеслась по округе. Как раз в этот момент соседние ярлы напали на деревню, и битва бушевала во всю. Пришлось потопить несколько драккаров, чтобы обратить врага в бегство. Уна не пожелала отпускать Кеннета одного, пустила в дело свой боевой клич. Ужас вселился в души врагов, и они разбежались, бросая оружие и щиты. Так что крылатая дева-воительница, спустившаяся с небес, была воспринята как посланник богов.

Ослушаться валькирию никто не посмел. Погрузка прошла быстро и без задержек.

Первым рейсом вывезли людей и ценные вещи. Вторым — скот и кое-что из оставшегося. Таким образом Арон пополнил население долины, не привлекая лишнего внимания, а Кеннет утряс внутренние противоречия и вопросы морали. Шамана, к слову, тоже перевезли. Северяне быстро освоились и привнесли, так сказать, свою лепту в общий уклад жизни.

Вскоре в долину наведались крылатые люди. Как-никак оба народа породнились, и интерес к племени Кили их стороны стал заметнее. Так далеко на север валькирии не залетали, поэтому мужчины северного племени представляли для них живой интерес. Кеннет, представлявший теперь интересы своего народа, позволил сестрам Сольвейг вкусить вежей крови, обставив все как некий ритуал. Его братья и соплеменники были не робкого десятка, так что все прошло в спокойной торжественной обстановке. Удивительно, но сразу несколько мужчин оказались пригодными. Внешне холодная Аста сразу застолбила за собой самого младшего брата. Возражения сестер во внимание не принимались.

Хоть мужчины и не были свободны по большей части, валькирии все же выбрали себе «мужей». Однако, Арон поставил условия, с которыми гордые девы были вынуждены смириться. В скале у самой кромки вершины были построены несколько отдельных жилищ, к которым вела скрытая лестница. Принося женщинам племени скромные по меркам белых гор дары, крылатые девы забирали избранных мужчин на скалу и проводили там с ними определенное время. Хотя процесс и был добровольным — никто из северян не отказывался. Валькирий чтили как посланцев богов, и разделить с ними ложе считалось высшей честью. Если же зачатия не случалось, то все повторялось вновь. Что же до Асты, то она попросту забрала парня в белые горы. Под личную ответственность короля, разумеется. Братец был свободен от семейных уз, и особо не возражал.

За минувшее десятилетие размеренной жизни случилось многое. Дети подросли, многие оперились. Вне зависимости от того были крылья или нет, совершеннолетним потомкам дали право решать, где они останутся жить. В долине или в белых горах. Те, у кого крыльев не было получали возможность выходить во внешний мир.

Прошло несколько серьезных войн и конфликтов между людьми, а также между другими видами разумных. Будь то люди, эльфы или гномы — Арон всегда держал нейтралитет. Но если опасность грозила долине, он выступал с позиции мудрой силы. Вскоре измотанные воинами и набегами правители стали приходить к нему за советом. Удивительный город, разросшийся в скалистой долине, стал неким нейтральным островком, где правители враждующих рас могли прийти к соглашениям. Мудрый Эсхил в этом случае был настоящим спасением. Опыт вековых войн позволял ему находить простые и действенные решения. Порой они были категоричны, но неизменно действенны. Вскоре в соседних королевствах воцарился мир, основанный на торговле, взаимной выгоде и уважении к чужим устоям. Город в долине так и оставался нейтральным и закрытым от посторонних. Между правителями был заключен мирный договор, и подписаны торговые соглашения.

Церковь милосердия, которая все еще разыскивала Арона, быстро потеряла свой вес в обществе. Наружу выплыли грязные делишки братьев и козни, призванные стравить правителей. Мудрый Эсхил приложил к этому руку и успешно с ними боролся. Однако продолжалось это не долго, ибо сия церковь в один прекрасный день перестала существовать. Ее адепты куда-то делись, попросту оставив свои монастыри и храмы.

Жизнь на материке теперь казалась идиллией. Никто не лез в чужие дела, торговля процветала. Наука и образование прочно пустили в городах свои корни. Появились первые

производства и примитивные сельскохозяйственные машины. И все бы хорошо, но дурные вести стали приходить с запада. Странные вещи начали происходить на побережье. Люди стали пропадать. Ужасные твари, не похожие ни на что привычное возникали ниоткуда, наводили ужас и так же таинственно исчезали. Вскоре мудрый король западного государства, доселе не учувствовавшего ни в битвах, ни в переговорах, пришел на поклон в скалистую долину. Но, это уже другая история....

Глава 40. Послесловие

Дорогой читатель, роман представленный выше был переработан и вычитан с учетом критики и пожеланий читателей. Все сцены 18+ которые читатели посчитали излишними я вынес в отдельную главу. Ее вы найдете ниже. Так же я слегка подправил сюжетную линию и переработал концовку, добавив пару глав о дальнейшей судьбе племени. В сюжете намерено оставлены логические закладки и недомолвки с намеком на продолжение. Если я решусь на продолжение, то оно будет называться «Гарнизон рассеченной скалы». Сюжет готов и осмыслен. Осталось узнать вашу реакцию. Спасибо, что потратили свое драгоценное время на мое скромное произведение.

... следующая неделя жизни, Арона пролетела как один день. Он едва успевал отдохнуть и восстановиться от одной из сестер, как внимания его уже требовала другая. Арон позднее благодарил судьбу, за то, что дочерей у короля было всего восемь. Надо сказать, что несмотря на свою внешнюю потерянность, Аделина, все же довольно красочно описала сестрам все и в подробностях. Женщины, видимо везде одинаковы. Ну и интерес к Арону, со стороны сестричек, с этого момента значительно подрос. Впрочем, не у всех.

Сестры, за исключением Сольвейг и Аделины, в основном, не жили во дворце. Каждая из них занимала свою должность при дворе и курировала строго определённые вопросы. Вроде министров различного хозяйства. А потому и жилища их были ближе к сфере так сказать, профессиональных интересов. Поэтому, Арон должен был каждое второе утро, ожидать новую сестер у фонтана, что в центре города. Так было справедливо. А там, каждая, из них уже решала, как именно они проведут эту ночь или сутки.

Катрин пришла первой. Вторая по старшинству, после Аделины. Она была куда стройнее своей сестры, хоть и не уступала ростом. Заметно общительнее и легкомысленнее. Ее жилище располагалось на окраине города на вершине живописной скалы. Открытое всем ветрам, но с восхитительным видом на город и окрестности. Попасть туда можно было только своим ходом, поэтому пришлось ей довериться. Катрин, без труда доставила гостя в свои чертоги.

Долгого разговора не случилось. Она вела себя как настоящая блудница. Соитие было бурным, энергичным и поистине незабываемым. После ярких возлияний, они проговорили ночь напролет, выпили добрый бочонок вина, и вдоволь навеселились. К исходу суток, она доставила его на твердую землю. Едва Арон успел выспаться и привести себя в порядок, настала очередь следующей сестры.

По логике вещей, должна была прийти Далия, но, на сколько он успел их запомнить — пришла Аста. Арон не стал задавать лишних вопросов. По правде сказать, Аста была несколько туповата на первый взгляд. Да и выглядела она соответственно. Прямые белоснежные волосы, ровная челка по бровям, пустые голубые глаза.... Но, впечатление это оказалось обманчивым. Он понял это когда сделал одно неосторожное движение. Тонкий, длинный клинок Асты в долю секунды рассек воздух, разрывая дистанцию между ними. Рефлексы ее были смертоносны. Внешняя, кажущаяся рассеянность оказалась высшей степенью концентрации. Рассеянный взгляд позволял ей контролировать все вокруг, а расслабленность — держать тело готовым к броску. Эта дева вселяла одновременно и страх, и уважение к своей персоне. Кроме того, как истинный воин, она была крайне немногословна.

Соитие ее мало интересовало. А вот, то, что Арон был кузнецом, вызвало неподдельный интерес. Именно Аста курировала все что связано с оружием и его изготовлением. Она отвела Арона в королевский арсенал. Там трудились по большей части бескрылые мастера. Оно и понятно, огонь и перья — плохие союзники. Этот поход Арон потом вспоминал с удовольствием. Кузнец попал в свою среду. На какое-то время он вообще забыл зачем он здесь, и что должен делать. Изучив все, до чего смог дотянуться, Арон взял в руки инструмент. Душа кузнеца словно расправила свои — невидимые крылья. Голова просветлела, а руки точно знали, что и как творить. К исходу ночи, когда самые стойкие зеваки уже разошлись по домам, Арон, наконец закончил.

Аста, не отходявшая от него все это время, заворожено созерцала как раскалённая сталь в муках обретала форму. Искры как в зеркале отражались в ее огромных расширенных зрачках. К изумлению девы, простое, лишённое украшений и изысков оружие оказалось куда легче, сбалансированное и приятнее в руке, чем ее собственное. Кроме того, оно отлично рассекало сталь. Без тени сомнения, новый клинок занял место в ее ножнах. Эта дева не смотря на внешний лоск, была крайне практична. Меч был превосходен, и она отблагодарила мастера некоторое время спустя.

Кузнец туго знал свое ремесло. Так же туго, как его член, засел меж стройных ног беловолосой девы на рассвете. Она отдалась ему прямо в кузнице. На еще теплой наковальне, при тусклом свете пылающего горна. Ее не смущала ни сажа, ни окалина, ни посторонние взоры. Жар, звон металла, и открытое пламя — все это, в купе с запахом пота и вздувшимися мышцами кузнеца, разожгло в ней желание. До того, как расцвело, Арон выдавил из ее смертоносного тела целую какофонию изможденных стонов. Вот так между ними растаял лед....

Жилище Асты располагалось неподалеку от мастерских. Как и полагал Арон, оно оказалось аскетичным и скромным. У нее даже не было служанок. Шагая по ночному городу, он бережно нес на спине обессилившую воительницу, стараясь чтобы крылья ее не касались земли. Скорее для приличия, потому как они все равно были в саже. Когда он пытался усадить ее на стул, Аста никак не желала отпускать его шею. Но он все же расцепил ее руки. Глаза валькирии были открыты, но в них зияла по истине вселенская пустота.

Бережно усадив деву и прислонив в уголок, он развел в очаге пламя и согрел воды. Она не спала, лишь изредка моргала, следя за ним одними глазами. Когда все было готово, он снял с нее облачение и помог умыться. Благо, сажа еще не въелась. Стройное тело Асты тоже подверглось омовению и чистке. Похоже мыть валькирий входило у него в привычку...

Ночь была длинна, очаг излучал тепло.... Кузнец, уложил деву в постель, укрыв одеялом, а сам прилег на шкуру, поближе к очагу. Утром, заключенный в робкие, неумелые объятия белокурой Асты, он был отпущен домой.

Ингрид, Агнета и Фрида подошли к вопросу радикально. Как оказалось, Фрида и Агнета часто проводили время вместе, и мужчины их особо не интересовали. Их богом было вино... и прочий алкоголь. Этих сестер редко видели порознь и еще реже — трезвыми. Ингрид поддерживала равные отношения со всеми сестрами. Она была больше похожа на Аделину, а вот строение Фриды при ее скромных, на фоне сестер, данных — было весьма и весьма женственным. Ингрид же просто хотела посмотреть, что из этого выйдет. В следующие трое суток Арона, по сути, держали в плену. На огромной, алой тахте, пьянство, разврат и сдержанный садизм, перемежались с беспробудным сном. Потом все повторялось. Арон плохо помнил, что именно творил в хмельном тумане. Сначала сестры брали над ним верх.

Потом первенство переходило из рук в руки. Но ко вторым суткам, он точно перенял инициативу. Кроме того, оказалось, что Ингрид любит боль... Такого Арон не встречал раньше. Да и не удивительно, с его-то «богатым» опытом. Но и в этом была своя прелесть. С ней он мог совершенно не сдерживаться, выплескивая бурлящую внутри себя мощь.

Эти девы не отличались изысканностью и тактом, оставляя на его теле кровавые раны. Но, это было не страшно. Теперь он мог контролировать свою силу. Раны его моментально затягивались, повинувшись струящемуся под кожей свету, к нескрываемому восторгу крепко подпитых девиц. Оставив без сил порочных воительниц, на залитых его кровью простынях, Арон наконец то вырвался из плена. Кажется, он оплодотворил каждую из них немного больше раз, чем от него требовалось... И приобрел опыт, о котором и не мечтал даже в страшном сне.

Последняя из сестер решила сблизиться с ним только день перед вылетом. Для этого она выбрала не очень удобное время. Арон попросил Эшила проводить его к горячему источнику. В горе был выдолблен проход, и длинная лестница, ведущая вниз. Там, в рукотворной пещере, под каменным сводом плескался большой бассейн, облагороженный деревянным настилом. Арон впервые попал в подобное место и разомлел, отрешившись от суеты. Так продолжалось уже, наверное, час или полтора. Кузнец потерял счет времени. Он сладко дремал в бассейне, омываемый теплыми волнами, покачиваясь на воде. В голове царил полнейшая пустота. Ни один звук или мысль не беспокоили его. Лишь легкие дуновения теплого ветерка время от времени касались кожи. Но тихий шорох и знакомый, едва уловимый аромат, заставил его очнуться...

Недалеко от него, на краю бассейна, опустив ноги в воду сидела Даля. Она любовалась мерцающим сводом пещеры отраженном в воде. А над его головой раскинулись огромные крылья Аделины. Она суетливо распускала тесемки на своей тунике, чтобы поскорее освободиться от нее. Остальное снаряжение она уже сняла и аккуратно разложила на скамье рядом с его одеждой. Очевидно, что находились они здесь уже достаточно давно, и в момент их явления Арон самозабвенно спал.

Глядя снизу вверх, кузнец украдкой любовался телом Аделины. Заметив это, она расцвела смущенной улыбкой. Без лишних слов, Аделина склонилась, и оттолкнув Арона от края бассейна, соскользнула в воду позади него. Обняв парня за грудь, она легко подтянула его к себе и усадила на колени, так, чтобы шея его непременно прижалась к ее груди. Арон прикрыл глаза от удовольствия. Вода была почти горячей, а тело ее еще прохладным. Мурашки приятно пробежали по коже. Она стала поглаживать его живот и грудь своими когтистыми руками. Аделина большую часть жизни своей была воином. И кожа на ее пальцах и ладонях огрубела. Но это не делало их менее нежными. Даже наоборот, это было так необычно... сидеть у нее на коленях, утопая в шикарном бюсте, и ощущать как что-то теплое и шероховатое мягко скользит по тебе. Конечно, в ответ на такие ласки, тяжесть в паху сразу дала о себе знать. Нежные руки Аделины постепенно дотянулись и туда.

Даля, доселе безучастно оставалась в стороне. Ткань ее легкого одеяния, уже успела пропитаться влагой из воздуха. Сквозь нее отчетливо прорисовывались острые очертания вздыбившихся сосцов на упругих куполах груди. Решительно развязав тесемки на бедрах, она избавилась от своей повязки. Преодолев последние сомнения, она окунулась в бассейн. Дева была столь смущена, что не сняла тунику, дабы не открывать чужому взору все свое тело. Конечно, тонкая ткань тут же промокла, делая ее старания бесполезными. Наверное, это придавало ей немного уверенности.

Арону хватило ума понять, что будет дальше. Зная отношение Далии к людям, он решил просто вверить свое тело в надежные руки Аделины, и отрешиться. Он даже прикрыл глаза, чтобы лишний раз не тревожить ранимую натуру Далии. Подплыв ближе, смущенная дева долго не решалась. Она, краснея рассматривала крепкое тело мужчины, заключенного в объятия старшей сестры. Он, конечно, уступал ей в размерах, но был гораздо крупнее обычного человека. Его крепкое, плотное тело было испещрено множеством шрамов. Они были разных размеров и казались старыми, но она уже знала как именно они заживают. Неяркий свет... и готово. Ему еще не было и тридцати, а боли, судя по рассказу Сольвейг, он испытал куда больше, чем сама она, за столь долгий век. В ней даже мелькнула тень сочувствия конкретно к этому человеку.

Дивясь тому, как грозная, беспощадная в прошлом сестрица, обращается с этим человеком, далия вздохнула. Не понятно, как, но он удостоился доверия самой Аделины. А значит ей, Далии тем более нечего опасаться. Успокоив себя этой мыслью, она коснулась плеча сестры. Признаться, мужчины у нее давно не было. Те, кто раньше был — давно погибли, новых ухажеров она не прельщала, а прочих и вовсе не искала. Благо, неотложных дел в маленьком угасающем королевстве хватало с лихвой, чтобы занять ее мысли.

Получив молчаливое согласие, и руку Аделины, Далия осторожно перешагнула через кузнеца, стараясь не задеть ногой вздыбленную часть его тела. О его мужском достоинстве она уже вдоволь наслушалась от сестер. Она думала, что ее хотят запугать забавы ради. Но сестрички не солгали. Поняв, что раздумья не отсрочат неизбежного, далия закатала мокрую тунику повыше. Взвесив в ладони достоинство Арона, она с оглядкой на сестру оголила его наверх. Глаза кузнеца оставались закрытыми. Раздвинув колени шире, она взялась за крепкое древко трясущимися руками и направила его в свое намокшее чрево.

Аделина не сдержала улыбки, когда Далия, краснея и прислушиваясь к своим ощущениям, седлала кузнеца. Робость ее казалась такой забавной...

— *Ну вот и Далия все же переборола себя,* — вздохнул про себя Арон. Приоткрыв глаза, он встретился с ней взглядом. Он поднял свои руки из воды, и обнял крепкую шею Аделины.

— Не думала, что будет так просто... — удивилась она сама себе.

Подняв палец к губам, Аделина предложила ей помолчать. Опустив ладони на ее талию, она мягко потянула сестру на себя. Арон почувствовал, как в него уперся колючий лобок. Мягким, но сильным толчком бедер, Аделина окончательно втиснула крепкий фаллос кузнеца в тесное местечко нерешительной сестрицы. Вскоре последовал еще один мягкий толчок, и еще.... Похоже старшая сестра решила сделать все за него. Ей явно нравилась эта идея. Арон и так-то не был особо сведущ в любовных играх, а такого поворота и вовсе не ожидал. Вода делала его тело легким, а потому, и без того сильная Аделина, почти не прилагала усилий. И он снова решил следовать ее воле. Арон нащупал в воде бедра Далии и положил на них ладони, от чего дыхание ее резко участилось.

Он чувствовал, как под ним ритмично перекачиваются мышцы Аделины. А мышцы той сестры, что покачивалась сверху, туго сжимают его гудящий от напряжения член. Мерные покачивания на волнах, сдержанные стоны и учащенное дыхание обеих сестер, казалось, растворили сознание Арона в этом чудесном месте. Он совсем не ощущал своего веса, ему было тепло и комфортно меж нежных тел разгоряченных сестер. Казалось, в этот миг они сплелись в единое целое.... Арон окончательно потерял себя.

Это неспешное, волнительное соитие продолжалось несколько незабываемых часов.

Утопая в целебных водах горячего источника, Арон наполнял своим текучим семенем намертво стиснувшее его член чрево. На несколько волшебных мгновений земная оболочка Далии придавалась волнам экстаза, а душа ее улетала куда-то в небо, рождая в сознании всплески абстрактных, красочных образов и картин....

Далия наконец отбросила свои страхи, и кончив в последний раз, распласталась на груди человека. Его твердый член, прежде чем опасть, еще долго подрагивал в ее влагалище, рождая приятные, томные приливы. Аделина, к ее нескрываемой радости крепко обнимала обоих. Ведь она точно знала какие чувства сейчас испытывает ее кроткая и ранимая сестра....